

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

---

7 ноября.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1908

№ 11.

Отъ Редакціи. Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

„ВОПРОСЫ ТЕОСОФІИ“,

ВЫПУСКЪ II.

Сборникъ будетъ посвященъ памяти *Е. П. Блаватской.*

Сборникъ предполагается въ размѣрѣ 10 печатныхъ листовъ въ форматѣ in 8° по образцу изданія „Вопросы Теософіи“ вып. 1.

Цѣна по подпискѣ 1 рубль.

Въ зависимости отъ успѣха подписки, изданіе предполагается выпустить къ празднику Пасхи въ 1909 году.

Послѣ выхода въ свѣтъ цѣна Сборника будетъ повышена.

Подписка принимается тольно въ Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи“,—С.-Петербургъ, Кабинетская, 7, кв. 1.

Спб. Городская Типографія. Садовая, 55, уг. Вознесенскаго.

СОДЕРЖАНІЕ

ноябрьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

ОПЕЧАТКИ.

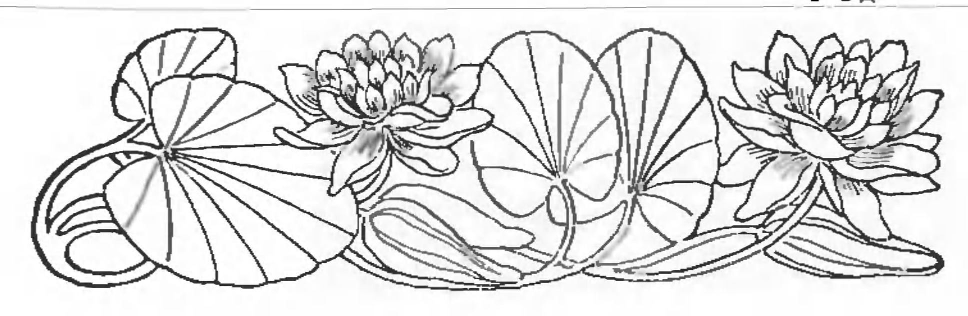
1) Въ № 10 „Вѣстника Теософіи“ на стр. 83, 16 строка снизу вмѣсто „городѣ Субозіо“ нужно: горѣ Субазіо.

2) Стр. 71, 16 строка снизу напечатано: „Въ Аѳинахъ сбрасывали со скалы въ море“. Слѣдуетъ читать: „*въ Спартѣ* сбрасывали со скалы въ море“.

№№ 1 и 2 „Вѣстника Теософіи“ за текущій 1908 годъ всѣ разошлись. Въ продажѣ имѣются только №№ 3—12. Цѣна такого комплекта 3 рубля.

═ Открыта подписка на 1909 годъ. ═

Ред.

Человѣческая воля и судьба.

Анни Безантъ.

(Рѣчь, сказанная въ Мюнхенѣ и въ Эдинбургѣ лѣтомъ 1907 г. и возстановленная по записи Alba).

Давно, много вѣковъ тому назадъ, въ далекой странѣ, на Востокѣ, герой одного изъ великихъ сказаній Индіи, умирая, спросилъ мудреца: что больше—усиліе человѣческой воли или судьба?

Надо помнить всю разницу воззрѣній на Западѣ и на Востокѣ, чтобы понять глубину этого вопроса. На Западѣ придаютъ громадное значеніе усилію человѣка, и если работу его постигаетъ неудача, говорятъ о случайностяхъ, о несчастіи его. На Востокѣ, гдѣ люди убѣждены, что нѣтъ „случая“ и что все опредѣлено „закономъ“, есть опасность впасть въ другую крайность и слишкомъ много мѣста отводить „судьбѣ“. Воля на Востокѣ иногда совершенно парализуется этимъ, и люди склоняются пассивно передъ судьбой, забывая то, что мудрецъ отвѣтилъ умирающему воину: „Воля создала судьбу, слѣдовательно, воля больше, чѣмъ судьба“.

Эта склонность слишкомъ много придавать значенія судьбѣ и готовность склониться передъ рокомъ происходитъ отъ силы, съ которой восточная душа признаетъ законъ. У насъ понятіе закона довольно шатко, оно искажено несовершенствомъ человѣческихъ законовъ. Эти законы мѣняются, нарушаются и совершенно произвольно создаются. Когда законъ говоритъ: „не дѣлай того-то“ и налагаетъ извѣстную кару за его нарушеніе, то онъ не считается съ законами въ другихъ странахъ, такъ что одно и то же преступленіе, смотря по тому, гдѣ оно совершается, карается денежнымъ штрафомъ, тюрьмой или смертной казнью.

Но законы природы устойчивы, неизмѣнны и ненарушимы. Они не задаются цѣлью карать; дѣйствіе ихъ лишь естественное слѣдствіе нарушенія. Въ нихъ сливаются воедино послѣдствіе съ причиной; лишь уму представляются причина и послѣдствіе въ послѣдовательномъ порядкѣ. Законъ есть выраженіе извѣстныхъ условій для извѣстнаго дѣйствія. Ученый, который знаетъ законъ природы, не чувствуетъ себя связаннымъ; напротивъ, онъ можетъ точно разсчитать его дѣйствіе и сообразно поступить. „Природа завоевывается повиновеніемъ ея законамъ", сказалъ одинъ изъ выдающихся представителей науки. Намъ мѣшаетъ не законъ, а невѣдѣніе закона. Такъ, ребенокъ въ лабораторіи можетъ подвергнуться тому, что мы называемъ „несчастною случайностью", потому что онъ не знаетъ, какіе результаты могутъ послѣдовать отъ смѣшенія такихъ-то и такихъ-то веществъ; онъ дѣйствуетъ наугадъ, въ полномъ невѣдѣніи, но человѣкъ, который знакомъ съ химіей, можетъ спокойно производить свои работы, съ точностью разсчитавъ возможность дѣйствія каждаго изъ веществъ, которыми онъ пользуется. Знающій человѣкъ безопасно дѣйствуетъ тамъ, гдѣ незнающій окруженъ опасностями.

Мы и наша жизнь тоже результатъ дѣйствія закона; измѣнить себя и свою жизнь мы можемъ воздѣйствіемъ того же закона. Мы—свое собственное созданіе и мы же создатели своей жизни и себя. Въ невѣдѣніи мы создали себѣ извѣстныя условія будущаго, свою судьбу; познавъ законъ, мы теперь можемъ сознательно творить иныя условія и постоянно вводить новые факторы въ эту судьбу. Пониманіе это должно вызвать въ насъ не грусть, а надежду, ибо отъ насъ зависитъ все измѣнить и все направить по своей волѣ, ибо если настоящая судьба наша есть результатъ всего нашего безсознательнаго прошлаго, то наша будущая судьба будетъ результатомъ всей нашей сознательной дѣятельности въ настоящемъ.

Глубокій смыслъ имѣетъ греческій миѳъ о 3-хъ Паркахъ, постоянно ткущихъ ткань нашей судьбы; ткань отчасти уже готова, но наше „я" продолжаетъ ее ткать ежечасно, и отъ воли и искусства настоящаго человѣка зависитъ окончательное очертаніе этой ткани въ будущемъ. Мы ее ткемъ нашими мыслями, нашими чувствами и нашими поступками. *Мысль есть вѣчный ткачъ жизни.*

Если мы годъ тому назадъ стали опредѣленно думать въ одномъ направленіи, то теперь мы уже въ этомъ отношеніи не такъ свободны, какъ годъ тому назадъ: мы должны считаться съ

тѣмъ естественнымъ наклономъ, который наша мысль постепенно образовала; привычка такъ или иначе мыслить насъ связываетъ. Вотъ почему важно, чтобы дитя было пріучено къ благородному мышленію; *мысль есть ключъ къ человѣческой судьбѣ.* Опредѣленная и равномѣрно повторяемая мысль дѣлается второй природой человѣка. Отсюда важность бороться съ дурными привычками мысли и вырабатывать хорошія.

Самая большая сила въ мірѣ есть мысль. Какова ваша мысль теперь, такими вы будете. Если наши мысли поверхностны и ребячливы, то мы будемъ легкомысленными людьми; если наши мысли благородны и глубоки, то мы будемъ благородными и глубокими. То же и съ желаніями. Каковы ваши желанія, таковы будутъ ваши условія и шансы въ жизни. Желаніе есть низшая форма воли. Воля развивается, когда желаніе начинаетъ руководиться не внѣшними предметами, а голосомъ изнутри. Въ этомъ вся разница.

Желаніе вызывается предметами внѣ насъ; воля проявляется влеченіемъ изнутри насъ.

То, что вы теперь страстио желаете, то черезъ годы вы будете имѣть, можетъ быть тогда, когда вамъ больше этого не надо будетъ, и ваше исполненное желаніе, мечта вашей жизни, разсыпется въ прахъ. Мы не сознаемъ божественности своей воли, не понимаемъ своего могущества. Свой характеръ и свои условія мы можемъ буквально создавать и пересоздавать своею мыслью. Природа въ точности возвращаетъ посѣянное, она даетъ скорбь или радость, смотря по тому, что мы посѣяли.

Когда мы видимъ генія и идіота, преступника и святого, то намъ кажется, что здѣсь рокъ всесиленъ, но то и другое лишь выраженіе разныхъ ступеней сознанія, періодъ младенчества или расцвѣта души.

Самый важный элементъ въ судьбѣ—это характеръ; характеръ дѣйствительно сковываетъ, ограничиваетъ наши силы.

Есть черты, которыя нельзя измѣнить, потому что онѣ пріобрѣли непреодолимую силу въ нашемъ характерѣ, и эти черты мы должны мужественно встрѣтить и считаться съ ними, но чѣмъ человѣкъ активнѣе работаетъ, тѣмъ больше онъ видоизмѣняетъ и свой характеръ, и свою судьбу. Такъ астрологія можетъ безошибочно намѣтить судьбу слабаго, незначительнаго человѣка: каковы были его условія, такимъ и онъ будетъ. Но гороскопъ человѣка сильнаго будетъ совершенно измѣненъ, по выраженію астрологіи: „мудрый человѣкъ управляетъ своими звѣздами“. Его

гороскопъ только укажетъ на нѣкоторыя общія черты его жизни, особенно дѣтства и юности, дальше все можетъ измѣниться.

Человѣкъ, желающій держать свою судьбу въ рукахъ, долженъ привести прежде всего въ порядокъ свой внутренній міръ и урегулировать свою жизнь. Если мы просмотримъ какой-нибудь свой день, то мы увидимъ, что наши мысли, чувства и поступки были очень смѣшаны: они не были всѣ хороши, но и не всѣ были плохи; нѣкоторыя мысли и желанія были благородны, нѣкоторыя очень невысоки; нѣкоторые наши поступки были добрые и принесли кому-нибудь радость, другіе принесли боль и огорченіе. Всѣ эти наши проявленія насъ связали въ будущемъ, ибо извѣстныя причины должны имѣть извѣстныя послѣдствія. Если эти причины были очень яркія и часто повторялись, результаты неизбѣжно будутъ сильными. Мы не можемъ измѣнить причинъ прошлыхъ, но рядомъ новыхъ, лучшихъ мыслей, желаній и поступковъ мы можемъ ввести въ будущее рядъ новыхъ причинъ и, слѣдовательно, новыхъ результатовъ. Въ большинствѣ случаевъ, въ минуту опасную и рѣшительную вѣсы судьбы колеблются, и то, что въ данную минуту будетъ положено на чашу вѣсовъ, можетъ имѣть рѣшающее значеніе. Вотъ почему никогда не надо отказываться отъ усилій; каждое наше усиліе можетъ сыграть роль послѣдней роковой капли и повернуть важный моментъ въ ту или иную сторону. Мудрость заключается въ этомъ постоянномъ, напряженномъ усиліи. Поэтъ вѣрно сказалъ: „Человѣкъ, Богъ тебѣ все проститъ, кромѣ твоего отчаянія", ибо даже въ самыхъ тяжелыхъ случаяхъ надежда никогда не утеряна, пока человѣкъ еще борется. Возьмемъ грубый примѣръ: обыкновенно положеніе пьяницы считаютъ безнадежнымъ, но дѣло не въ успѣхѣ, а въ борьбѣ. Если человѣкъ стремится побѣдить несчастную страсть и послѣ борьбы снова и снова падаетъ, то его усиліе не пропало даромъ: оно прибавило ему силы для слѣдующей борьбы и приблизило его къ тому часу, когда сумма всѣхъ его усилій наконецъ побѣдитъ его страсть и приведетъ его къ побѣдѣ. Учитель смотритъ на усиліе, а не на успѣхъ: для него каждая борьба есть успѣхъ и единственное пораженіе есть только отчаяніе, когда человѣкъ перестаетъ бороться, когда онъ усумнился въ своей божественности. Нашъ худшій врагъ—наша темнота. Тотъ, кто знаетъ законъ и ему повинуется, все побѣдитъ; тотъ, кто хочетъ и трудится, тотъ будетъ имѣть успѣхъ.

Соотношеніе судьбы и нашей воли можно иллюстрировать слѣдующимъ примѣромъ: въ бурный день вѣтеръ сильно мѣшаетъ

свободному движенію лодокъ на морскомъ заливѣ и стремится всѣ ихъ гнать по одному направленію, но умѣлый лоцманъ, зная законы вѣтра и движенія на водѣ, такъ лавируетъ, что ведетъ лодку по нужному ему направленію и лодки причаливаютъ каждая къ той точкѣ берега, которая нужна лодочнику. Искусство изучаетъ законъ, подчиняется ему и преодолѣваетъ затрудненіе.

Если есть какіе-нибудь недочеты въ характерѣ, не слѣдуетъ постоянно на нихъ останавливаться и грустить. Лучше думать о противоположномъ желательномъ качествѣ.

Такъ, если вы застѣнчивы, думайте о мужествѣ.

Если вы раздражительны, думайте о спокойствіи, терпѣніи и ясности.

И желательныя качества постепенно явятся въ вашемъ характерѣ. Такова тайна перевоспитывать себя. Человѣкъ не то, что выражается въ его несовершенныхъ поступкахъ, а то, что живетъ въ его постоянныхъ думахъ и стремленіяхъ. *Стрѣлка внутренняго вниманія есть лучшее опредѣленіе человѣка.*

Важно отдать себѣ отчетъ, что мы не рабы рока, а свободные строители. Святые и герои—цвѣтъ человѣчества, обѣщаніе будущаго. Выше земного совершенства есть новая сверхчеловѣческая эволюція. На этомъ пути познается истинная жизнь, жизнь духа, которая есть не страданіе, а радость и миръ. Скорбь и боль сопровождаютъ процессъ совершенствованія; когда путь пройденъ, человѣка встрѣчаетъ тотъ чистый свѣтъ радости и блаженства, который живетъ въ сердцѣ вселенной и который понемногу раскрывается тому, кто искренно ищетъ и трудится. Не бойтесь борьбы и скорби! Какъ ваятель видитъ въ мраморѣ божество и рѣзецъ его безпощадно разбиваетъ мраморъ, чтобы лучше и полнѣе раскрылась въ немъ скрытая красота, такъ и духу приходится разбивать тѣсныя оковы личности, чтобы скрытый въ человѣкѣ богъ могъ проявиться во всей своей силѣ и красотѣ. Нѣтъ столь низкаго существа, которое не могло бы подняться до совершенства. Нѣтъ столь совершеннаго человѣка, который не началъ бы свой путь изъ праха земли. Когда мы это ясно сознали, мы можемъ спокойнѣе смотрѣть на лѣстницу духовной эволюціи, готовые съ радостью сознательно начать работу подъема. Всѣ начинали свой путь съ младенческаго невѣдѣнія; всѣ его закончатъ въ расцвѣтѣ совершеннаго знанія и совершенной любви.

А. Безантъ.

Древняя мудрость.

А. Безантъ.

*(Продолженіе *).*

ГЛАВА VII.

Перевоплощеніе.

Теперь мы въ состояніи перейти къ разсмотрѣнію одного изъ коренныхъ ученій Древней Мудрости,—ученію о перевоплощеніи. Нашъ взглядъ на перевоплощеніе будетъ яснѣе и въ большемъ соотвѣтствіи съ естественнымъ порядкомъ вещей, если мы посмотримъ на него какъ на міровой принципъ, затѣмъ уже будемъ разсматривать его въ примѣненіи къ человѣческой душѣ. Обыкновенно его отрываютъ изъ общаго космическаго порядка и разсматриваютъ какъ сдвинутый съ мѣста отрывокъ, къ вящшему его вреду. Ибо всякая эволюція состоитъ изъ развивающейся жизни, переходящей изъ одной формы въ другую и накопляющей въ себѣ опыты, добытые при посредствѣ этихъ формъ; перевоплощеніе человѣческой души не есть появленіе какого-то новаго принципа эволюціи, но есть лишь приспособленіе всеміpнаго принципа къ условіямъ, необходимымъ для достиженія *индивидуализаціи* непрестанно развивающейся жизни.

Проф. Л. Хорнъ **) даетъ интересныя толкованія идеи пресуществованія съ точки зрѣнія научной мысли Запада. Онъ

*) „Вѣстникъ Теософіи“, 1908 г., № 10, стр. 12.

**) Проф. Хорнъ въ своей передачѣ буддистской точки зрѣнія на перевоплощеніе не точенъ въ своихъ выраженіяхъ, и его употребленіе слова „Ego“ можетъ спутать читателя его чрезвычайно интересной статьи, если различіе между безсмертнымъ и временнымъ Ego не будетъ постоянно сохраняться въ умѣ читателя.

говоритъ: „Съ принятіемъ ученія объ эволюціи старыя формы мысли рушатся; всюду встаютъ новыя идеи на мѣсто изжитыхъ догматовъ и мы имѣемъ передъ собой зрѣлище общаго интеллектуальнаго движенія въ направленіи—до странности—параллельномъ съ восточной философіей. Небывалая быстрота и разносторонность научнаго прогресса въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, не могли не вызвать одинаково небывалаго ускоренія мышленія и въ широкихъ, внѣнаучныхъ кругахъ общества. Что высочайшіе и наиболѣе сложные организмы развились изъ простѣйшихъ организмовъ; что на единой физической основѣ жизни стоитъ весь живой міръ; что не можетъ быть проведена черта, раздѣляющая животное и растительное царства; что различіе между жизнью и нежизнью есть различіе по степени, а не по существу; что матерія столько же непостижима, какъ и духъ, и что оба—лишь различныя проявленія одной и той же неизвѣстной реальности—все это сдѣлалось уже общими мѣстами новой философіи. Послѣ признанія, даже со стороны теологіи, физической эволюціи, было нетрудно предсказать, что признаніе эволюціи психической—вопросъ лишь времени, ибо барьеръ, воздвигнутый старымъ догматомъ для того, чтобы воспрепятствовать человѣку заглянуть въ свое прошлое, былъ разбитъ. И нынѣ идея о предсуществованіи переходитъ для изучающаго научную психологію изъ области теорій въ область фактовъ, подтверждая буддическое объясненіе міровой тайны какъ вполнѣ правдоподобное и не менѣе научное, чѣмъ имѣющіяся въ распоряженіи науки гипотезы. „Никто, кромѣ поверхностныхъ мыслителей—пишетъ покойный профессоръ Гёскли—не отвергнетъ ученія о перевоплощеніи какъ нелѣпость. Подобно ученію о самой эволюціи, названное ученіе имѣетъ свои корни въ мірѣ реальности, и оно имѣетъ право на такую же поддержку, на какую имѣетъ право каждое разсужденіе, исходящее изъ аналогіи". (Evolution and Ethics, p. 61, 1894).

Разсмотримъ Монаду формы *Atma Buddhi.* Въ этой Монадѣ, частицѣ жизни Логоса, кроются всѣ божественныя силы, но, какъ мы уже видѣли, онѣ находятся въ состояніи скрытомъ, непроявленномъ и недѣйствующемъ. Онѣ должны быть постепенно пробуждены внѣшними толчками, ибо самая природа жизни состоитъ въ отвѣтныхъ колебаніяхъ на вибраціи, воздѣйствующія на нее. И такъ какъ всѣ возможности вибрацій кроются въ Монадѣ, каждая вибрація, достигающая до нея, пробуждаетъ соотвѣтствующую ей колебательную силу, и такимъ образомъ одна сила за другой переходитъ изъ скрытаго состоянія въ состояніе дѣятельное.

Въ этомъ заключается вся тайна эволюціи; окружающая среда дѣйствуетъ на внѣшнюю форму живого существа, и это дѣйствіе передается черезъ внѣшнюю оболочку самой *жизни*, Монадѣ, вызывая въ ней отвѣтныя вибраціи, которыя, въ свою очередь, излучаются изъ нея (черезъ посредство оболочекъ) въ окружающую среду. Эти отвѣтныя вибраціи дѣйствуютъ изнутри на оболочку, приводя въ колебаніе частицы, изъ которыхъ она построена, и приспособляя ихъ расположеніе сообразно импульсамъ, получаемымъ извнѣ. Въ этомъ и состоятъ дѣйствія и противодѣйствія, происходящія постоянно между окружающей средой и организмомъ, которыя признаются всѣми біологами и разсматриваются нѣкоторыми изъ нихъ какъ удовлетворительное механическое объясненіе эволюціи. Ихъ терпѣливое и тщательное наблюденіе надъ этими взаимодѣйствіями не даетъ, однако, объясненія, почему организмъ реагируетъ такимъ образомъ на внѣшніе стимулы; лишь Древняя Мудрость приподнимаетъ покровъ надъ тайной эволюціи, указывая на единое Я въ сердцѣ всѣхъ различныхъ формъ, на скрытый источникъ всѣхъ движеній въ природѣ.

Овладѣвъ этой основной идеей о жизни, обладающей способностью отвѣчать на всевозможныя вибраціи, которыя способны достигать до нея изъ внѣшняго міра, и, достигнувъ до ея внутренней сути, извлекать изъ нея отвѣтныя вибраціи, слѣдующей основной идеей, которой необходимо овладѣть, будетъ идея *непрерывности жизни и формы*. Формы передаютъ свои особенности новымъ формамъ, которыя происходятъ отъ нихъ; эти новыя формы, состоя изъ той же субстанціи, отдѣляются отъ своей матери формы, чтобы вести самостоятельное существованіе. Посредствомъ дѣленія, посредствомъ почкованія, посредствомъ выталкиванія зародыша, посредствомъ развитія зародыша внутри материнскаго организма сохраняется физическая непрерывность, повторяются каждой новой формой характерныя особенности предшествовавшей формы *). Наука группируетъ эти факты въ отдѣлъ закона наслѣдственности, и ея наблюденія относительно передачи физическихъ свойствъ прекрасно освѣщаютъ работу природы въ мірѣ феноменовъ. Но не нужно забывать, что все это примѣнимо лишь къ построенію физическаго тѣла, въ составъ котораго входятъ матеріалы, доставляемые родителями.

Болѣе скрытая работа природы, та работа жизни, безъ которой форма не могла бы существовать, остается неизслѣдованной,

*) Совѣтуемъ познакомиться съ изслѣдованіями Вейсмана относительно непрерывности зародышевой плазмы.

такъ какъ она недоступна для физическаго наблюденія, и этотъ пробѣлъ можетъ быть заполненъ только ученіями Древней Мудрости, переданными міру Тѣми, которые еще въ древности были въ состояніи пользоваться сверхфизическими способами наблюденія, вполнѣ поддающимися провѣркѣ со стороны каждаго ученика, который терпѣливо учится въ ихъ школѣ.

Ученія эти доказываютъ, что существуетъ непрерывность жизни такая же, какъ и непрерывность формы, и что именно въ этой непрерывающейся жизни, скрытыя энергіи которой все болѣе и болѣе пробуждаются благодаря стимуламъ, достигающимъ до нихъ черезъ посредство послѣдовательныхъ формъ,—и сохраняются всѣ опыты, пріобрѣтенные жизнью, заключенной въ эти формы, ибо, когда форма погибаетъ, освободившаяся изъ нея жизнь сохраняетъ повѣсть всѣхъ переживаній въ новыхъ энергіяхъ, пробужденныхъ этими переживаніями. Унося съ собой весь накопленный опытъ, освободившаяся жизнь готова снова излиться въ новыя формы, происшедшія отъ старой формы. Пока жизнь заключалась въ предыдущей формѣ, она дѣйствовала черезъ нее, приспособляя ее къ выраженію вновь пробуждающейся энергіи, и предыдущая форма передала всѣ эти приспособленія, внѣдренныя въ ея вещество, своей отдѣлившейся части, которую мы называемъ ея потомствомъ. Послѣднее, состоя изъ того же вещества, отличается и всѣми особенностями этого вещества. Жизнь вливается въ этотъ новый отпрыскъ со всѣми своими уже пробужденными силами и начинаетъ формовать его и приспособлять еще полнѣе и еще болѣе и т. д. и т. д. Современная наука доказываетъ все яснѣе, что наслѣдственность играетъ тѣмъ меньшую роль, чѣмъ выше развитіе даннаго индивидуума; что умственныя и нравственныя качества *не* передаются отъ родителей къ потомкамъ и что чѣмъ выше качества, тѣмъ разительнѣе становится этотъ фактъ. Ребенокъ генія родится часто тупицей, а обыкновенные родители даютъ жизнь генію. Непрерывающійся субстратъ долженъ существовать, нѣчто постоянное, въ чемъ бы сохранялись разъ пріобрѣтенныя умственныя и нравственныя качества, иначе они не могли бы возрастать, иначе природа въ этой наиболѣе важной своей области проявила бы случайность и блужданіе вмѣсто обычной непрерывности своего творчества. По поводу этого вопроса наука молчитъ, но Древняя Мудрость учитъ, что этотъ непрерывающійся субстратъ есть Монада, которая представляетъ собой хранилище всѣхъ результатовъ, всѣхъ опытовъ и переживаній, которые сохраняются въ ней какъ возрастающія

дѣятельныя силы. Овладѣвъ вполнѣ обоими принципами: идеей Монады съ ея потенціями, превращающимися въ дѣятельныя силы, и идеей непрерывности жизни и формы, мы можемъ обратиться къ изученію подробностей; при этомъ мы увидимъ, что, принявъ оба названныя положеія, мы получимъ разрѣшеніе многихъ задачъ, не рѣшенныхъ современной наукой, а также и тѣхъ мучительныхъ задачъ жизни, надъ которыми тщетно бьются мыслители и альтруисты.

— Начнемъ наши наблюденія надъ Монадой съ того момента, когда оиа впервые подвергается воздѣйствіямъ со стороны трехъ высшихъ подраздѣленій ментальной сферы (*Агира*, безъ формы), т. е. съ самаго начала эволюціи формы. Ея первыя слабыя отвѣтныя вибраціи притягиваютъ вокругъ нея нѣкоторое количество матеріи ментальиой сферы, и такимъ образомъ возникаетъ постепенная эволюція уже упомянутаго перваго элементальнаго царства *).

Существуетъ семь основныхъ типовъ Монады; иногда ихъ изображаютъ аналогичиыми съ семью цвѣтами солнечнаго спектра, происшедшими отъ трехъ первичныхъ цвѣтовъ **). Каждый изъ этихъ семи типовъ обладаетъ своими отличительными характеристиками, и эти свойства сохраияются черезъ всѣ циклы ихъ эволюціи, отражаясь на всѣхъ рядахъ живыхъ существъ, одушевленныхъ ими. Начинается процессъ подраздѣленія каждаго изъ семи типовъ Монады, продолжающійся безъ перерыва до тѣхъ поръ, пока послѣ безчисленныхъ подраздѣленій не получится *индивидуальность*. Но намъ достаточно прослѣдить здѣсь лишь одну линію эволюціи,—остальныя шесть сходны по принципу.

Токи, посылаемые силами Монады, пытающимися впервые излиться наружу, обладаютъ лишь краткою жизнью въ формѣ; тѣмъ не менѣе весь опытъ, истекающій изъ этихъ первыхъ попытокъ, выражается въ самой Монадѣ усилениыми отвѣтами на воздѣйствія извнѣ; а такъ какъ эта отвѣтная жизнь состоитъ изъ вибрацій, которыя часто не соотвѣтствуютъ между собой, внутри Монады возникаетъ иаклонность къ раздѣленію, при чемъ гармонически вибрирующія силы тѣсно группируются между собою, какъ бы для согласованной дѣятельности, и это длится до тѣхъ

*) См. гл. 1 „Физическая сфера".

**) „Какъ вверху, такъ и внизу". Невольно вспоминаются три Логоса семи первичныхъ „Сыиовъ Пламеии"; въ христіанской символикѣ—Св. Троица и Семь Духовъ, стоящихъ передъ престоломъ Всевышняго; у Зароастра—Ахурамазда и семь Амешаспект'овъ.

поръ, пока не возникнуть „подраздѣленія Монады", если можно такъ выразиться, сходныя въ своихъ главныхъ свойствахъ, но различающіяся въ подробностяхъ, подобно разнымъ оттѣнкамъ одного и того же цвѣта. Онѣ становятся, благодаря воздѣйствіямъ, идущимъ изъ низшихъ подраздѣленій ментальной сферы (rûpa), Монадами второго элементальнаго царства. И такъ какъ процессъ продолжается, отвѣтныя силы Монады растутъ, и каждая Монада одушевляетъ жизнью безчисленныя формы, черезъ которыя она и получаетъ извнѣ воздѣйствія; а по мѣрѣ того, какъ однѣ формы разрушаются, Монада непрестанно оживотворяетъ все новыя и новыя формы. И процессъ подраздѣленія продолжается безъ перерыва, благодаря причинѣ, приведенной выше.

Такимъ образомъ, каждая Монада воплощается непрестанно въ новыя формы и сохраняетъ внутри себя всѣ силы, пробужденныя разнообразными опытами, которымъ она подвергалась черезъ посредство оживотворяемыхъ ею формъ. Мы можемъ разсматривать Монаду какъ душу цѣлой группы родственныхъ формъ; а по мѣрѣ того, какъ эволюція продолжается, эти формы представляютъ все болѣе и болѣе различія въ качествахъ, которыя суть не что иное, какъ силы „монадической групповой души", проявленныя посредствомъ формъ, въ которыхъ она воплощена. Безчисленныя „подраздѣленія Монады"—этого второго элементальнаго царства—достигаютъ теперь той ступени эволюціи, на которой онѣ начинаютъ отвѣчать на вибраціи астральной матеріи; съ этихъ поръ онѣ начинаютъ дѣйствовать въ астральной сферѣ и становятся Монадами третьяго элементальнаго царства, повторяя въ этомъ болѣе грубомъ мірѣ всѣ процессы, уже выполненные въ ментальной сферѣ. Постепенно подраздѣленія Монадъ, которыя мы назвали „групповыми душами", становятся все болѣе и болѣе многочисленными, выказываютъ все болѣе и болѣе различій въ подробностяхъ, а по мѣрѣ того, какъ отличительные признаки отдѣльныхъ формъ становятся все ярче, число послѣднихъ уменьшается все болѣе. Между тѣмъ—упомянемъ объ этомъ мимоходомъ—непрестанный потокъ Жизни, истекающій изъ Логоса, доставляетъ на высшихъ ступеняхъ ментальной сферы новыя Монады формъ; такимъ образомъ эволюція продолжается не прерываясь, и, по мѣрѣ того, какъ болѣе развитыя Монады воплощаются въ низшихъ мірахъ, ихъ мѣсто въ высшихъ мірахъ заполняется вновь истекающими Монадами.

Этимъ, постоянно повторяющимся процессомъ перевоплощенія Монадъ, или „монадическихъ групповыхъ душъ" въ астраль-

номъ мірѣ, эволюція ихъ продолжается до тѣхъ поръ, пока онѣ не дѣлаются способными отвѣчать на воздѣйствія со стороны физической матеріи. Если мы вспомнимъ, что *первичный атомъ* каждой сферы имѣетъ своей внѣшней оболочкой наиболѣе грубую матерію непосредственно предшествующей сферы, не трудно будетъ понять, какимъ образомъ Монады, спускаясь въ своемъ воплощеніи, подвергаются воздѣйствіямъ всѣхъ сферъ, черезъ которыя онѣ послѣдовательно проходятъ. Когда въ первомъ элементальномъ царствѣ для Монады становится уже привычнымъ вибрировать отвѣтно на прикосновенія матеріи соотвѣтствующей сферы, вслѣдъ за этимъ на нее начнетъ дѣйствовать—черезъ наиболѣе грубыя формы этой матеріи—и матерія слѣдующей низшей сферы. Такимъ образомъ, облеченная въ формы, построенныя изъ наиболѣе грубыхъ матеріаловъ ментальной сферы, Монада становится чувствительной и къ вибраціямъ астральной атомистической матеріи; когда же она воплощается въ формы, построенныя изъ наиболѣе грубой астральной матеріи, она начинаетъ отвѣчать на воздѣйствія атомистическаго эфира физической сферы, внѣшніе покровы котораго состоятъ изъ наиболѣе грубыхъ матеріаловъ астральной сферы. Такимъ образомъ, Монада достигаетъ физической сферы, или, точнѣе говоря, всѣ эти „монадическія групповыя души“ начинаютъ воплощаться въ тончайшія физическія формы, представляющія собой *эфирныхъ двойниковъ* будущихъ плотныхъ минераловъ физическаго міра. Въ эти эфирныя формы духи природы *) вносятъ болѣе плотные физическіе матеріалы.

И такъ строятся минералы всевозможныхъ видовъ, которые представляютъ изъ себя наиболѣе непроницаемыхъ проводниковъ для развивающейся жизни, вслѣдствіе чего жизненныя силы могутъ проявляться черезъ нихъ лишь весьма слабо. Каждая „монадическая групповая душа“ имѣетъ свое собственное выраженіе, свою минеральную форму, въ которой она и воплощается, достигая постепенно все большей дифференціаціи. Эти монадическія групповыя души называются иногда общимъ именемъ „минеральной Монады“, или Монады, воплощенной въ минеральномъ царствѣ.

Начиная съ этого времени, пробужденныя энергіи Монады начинаютъ играть болѣе активную роль въ эволюціи. Вызванныя къ дѣятельности, онѣ начинаютъ—до извѣстной степени—искать выраженія для себя и начинаютъ производить опредѣленное, образующее дѣйствіе на внѣшнія формы, въ которыя онѣ заключены.

---

*) См. гл. II.

Когда же ихъ дѣятельность начинаетъ проявляться слишкомъ энергично для минеральной оболочки, тогда наступаетъ время для возникновенія болѣе пластическихъ формъ растительнаго царства *).

Относительно минеральнаго царства мы уже указывали на ясно выраженную наклонность къ опредѣленной организаціи формы, къ проведенію неизмѣнныхъ линій **), вдоль которыхъ и происходитъ процессъ роста. Эта наклонность проявляется въ построеніи всѣхъ формъ, и она-то и придаетъ такую прекрасную симметрію всѣмъ естественнымъ предметамъ, которая поражаетъ насъ при внимательномъ наблюденіи природы.

Въ царствѣ растительномъ „монадическія групповыя души" подвергаются все новымъ подраздѣленіямъ, и притомъ съ растущей быстротой, вслѣдствіе увеличивающагося разнообразія воздѣйствій, которымъ онѣ подвергаются извнѣ. Результатомъ этого невидимаго для насъ подраздѣленія является развитіе семействъ, родовъ и видовъ растительнаго царства. Если какой-либо родъ съ своей групповой душой подвергается рѣзкому различію въ условіяхъ существованія, т. е. если зависящія отъ нея формы находятся въ условіяхъ, сильно разнящихся между собой, тогда возникаетъ наклонность къ раздѣленію (къ дифференціаціи) внутри самой Монады, результатомъ чего являются новые виды, обладающіе каждый своей собственной специфической групповой душой. Когда природа предоставляется самой себѣ, эти процессы совершаются весьма медленно, хотя „духи природы" и работаютъ, не переставая, въ направленіи дифференціаціи видовъ. Когда же появляется человѣкъ и начинаетъ оказывать искусственное воздѣйствіе на процессы природы и создавать культуру земли, вызывая дѣятельность одного рода силъ и ограничивая другія силы, тогда естественная дифференціація можетъ быть чрезвычайно ускорена и новые виды могутъ появляться гораздо легче. Но, пока не произошло окончательнаго раздѣленія внутри монадической групповой души, возвратъ къ прежнимъ условіямъ существованія можетъ сгладить появившуюся наклонность къ раздѣленію. Если же внутри Монады раздѣленіе окончилось, новые виды устанавливаются прочно и въ свою очередь готовы дать новыя развѣтвленія.

---

*) Духи природы выполняютъ этотъ переходъ изъ минеральнаго въ растительное царство въ физической средѣ.

**) Рѣчь идетъ объ осяхъ роста, которыя опредѣляютъ форму минерала. Особенно ясно онѣ являются въ кристаллахъ.

У нѣкоторыхъ долговѣчныхъ представителей растительнаго царства начинаетъ ясно проявляться элементъ личный—устойчивость ихъ организма дѣлаетъ возможнымъ это отдаленное подготовленіе къ индивидуальности. У дерева, живущаго иногда цѣлыя столѣтія, постоянное возвращеніе одинаковыхъ условій, какъ смѣна временъ года, чередующихся изъ года въ годъ и вызывающихъ внутреннія измѣненія поднятія сока, возникновенія и опаданія листьевъ, цвѣтенія и т. д., а съ другой стороны, прикосновеніе вѣтра, солнечныхъ лучей и дождя, всѣ эти внѣшнія вліянія съ своимъ чередующимся ритмомъ вызываютъ отвѣтныя вибраціи внутри монадической групповой души. И разъ это чередованіе условій, повторяясь постоянно, запечатлѣвается внутри Монады, появленіе одного условія вызываетъ въ ней смутное ожиданіе и послѣдующаго явленія, неизмѣнно его сопровождавшаго. Природа не развиваетъ ни одиого изъ своихъ качествъ внезапно, и здѣсь мы видимъ первое очертаніе того явленія, которое современемъ разовьется. въ *память и предвидѣніе.*

Въ растительномъ царствѣ появляется также и предвѣстникъ *ощущенія,* и въ высшихъ представителяхъ этого царства оио развивается до ступени, которая западными психологами обозначается терминомъ „массивныя ощущенія“, пріятныя и непріятныя *). Не нужно забывать, что Монада постепенно окружала себя частицами матеріи каждой космической сферы, черезъ которую она проходила, вслѣдствіе чего она и можетъ соприкасаться съ вибраціями всѣхъ пройденныхъ сферъ, при чемъ болѣе сильныя вибраціи, которыя исходятъ изъ наиболѣе грубыхъ частицъ матеріи, ощущаются всегда прежде другихъ. Солнечный свѣтъ, а также и холодъ, вызванный его отсутствіемъ, запечатлѣваются подъ конецъ въ сознаніи Монады; въ астральной же ея оболочкѣ, приводимой при этомъ въ легкое колебательное состояніе, возникаетъ то слабое „массивное ощущеніе“, о которомъ шла сейчасъ рѣчь. Дождь и засуха, которые воздѣйствуютъ на механическое построеніе формы и на ея способность передавать вибраціи одушевляющей ее Монадѣ, представляютъ собою еще одну изъ тѣхъ „противоположныхъ паръ“, воздѣйствіе которыхъ вызываетъ въ живомъ существѣ способность *различать* ту способность, которая представляетъ собою корень всѣхъ ощущеній, а позднѣе и каждой мысли. Такимъ образомъ, снова и снова повторяя свои воплощенія въ растеніяхъ,

*) „Массивными ощущеніями“ называются тѣ, которыя испытываются всѣмъ организмомъ, а не какой-либо одной его частью преимущественно передъ другой. Ощущенія эти представляютъ антитезу „острымъ ощущеніямъ“.

монадическія „групповыя души“ развиваются въ растительномъ царствѣ до тѣхъ поръ, пока тѣ изъ нихъ, которыми одушевлены наиболѣе совершенные представители этого царства, не подготовятся вполнѣ для перехода въ слѣдующее царство природы.

Этотъ переходъ ведетъ ихъ въ царство животное, и здѣсь онѣ начинаютъ медленно развивать въ своихъ физическихъ и астральныхъ оболочкахъ вполнѣ опредѣленныя личныя качества. Животное, способное къ свободному передвиженію, подвергаетъ себя бо́льшему разнообразію воздѣйствій, чѣмъ растеніе, прикрѣпленное къ одному мѣсту, а разнообразіе воздѣйствій всегда ускоряетъ дифференціацію.

Но монадическая групповая душа, которая оживляетъ извѣстное число дикихъ животныхъ одного и того же вида, хотя и получаетъ бо́льшее разнообразіе впечатлѣній, все же не можетъ развиваться быстро, въ виду того, что впечатлѣнія эти постоянно повторяются и воспринимаются однообразно всѣми представителями даннаго вида.

Всѣ внѣшнія воздѣйствія помогаютъ развитію физическихъ и астральныхъ оболочекъ, черезъ которыя монадическая групповая душа собираетъ свои опыты. Когда физическая форма представителя того или другого вида погибаетъ, опытъ, собранный посредствомъ этой формы, сохраняется въ групповой душѣ и какъ бы окрашиваетъ ее новымъ оттѣнкомъ; это новое свойство монадической групповой души, проникающее вмѣстѣ съ жизнью во всѣ новорожденныя животныя того же вида, передаетъ всѣмъ имъ опытъ погибшаго животнаго. Такимъ образомъ, постоянно повторяющіеся опыты, накапливаемые въ групповой душѣ, являются инстинктами, „наслѣдственными свойствами“ въ новыхъ представителяхъ того же вида.

Благодаря тому, что безчисленное количество птицъ пало жертвою ястреба, еле вылупившіеся изъ яйца цыплята испытываютъ страхъ при приближеніи наслѣдственнаго врага; ибо жизнь, воплощенная въ нихъ, знаетъ, какого рода опасность соединена съ ястребомъ, а врожденный инстинктъ служитъ выраженіемъ этого знанія. Вотъ какимъ путемъ образуются удивительные инстинкты, которые охраняютъ животныхъ отъ безчисленныхъ привычныхъ опасностей, тогда какъ новая опасность находитъ ихъ неподготовленными и приводитъ въ замѣшательство.

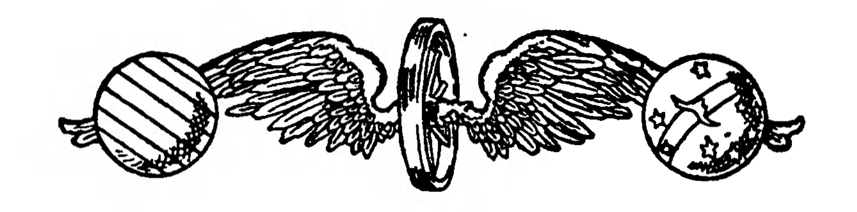
По мѣрѣ того, какъ животное подпадаетъ подъ вліяніе человѣка, монадическая групповая душа начинаетъ развиваться гораздо быстрѣе благодаря тѣмъ же причинамъ, которыя мы уже

видѣли дѣйствующими въ царствѣ растительномъ. Развиваются личныя свойства, и эти свойства дѣлаются все болѣе и болѣе опредѣленными; въ самый ранній періодъ развитія личныя свойства почти не проявляются, и цѣлое стадо дикихъ животныхъ дѣйствуетъ какъ одно существо, до того полно отдѣльныя формы подчинены общей душѣ. Домашнія животныя высшаго типа, какъ слоны, лошади, кошки, собаки, проявляютъ уже бо̀льшую индивидуальность; напримѣръ, двѣ собаки будутъ дѣйствовать различно подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ. Монадическая групповая душа воплощается все въ меньшее и меньшее число формъ по мѣрѣ того, какъ она приближается къ полной индивидуализаціи. Астральное тѣло, или проводникъ страстей, достигаетъ значительнаго развитія и, сохраняясь на нѣкоторое время послѣ смерти физическаго тѣла, ведетъ независимое существованіе въ Камалокѣ. Подъ конецъ все уменьшающееся число формъ, одушевленныхъ одной групповой душой, доходитъ до единицы, и тогда душа начинаетъ одушевлять рядъ единичныхъ животныхъ формъ; по сравненію съ человѣческимъ перевоплощеніемъ разница состоитъ въ томъ, что въ животной душѣ отсутствуетъ Manas съ его высшими ментальными и духовными началами. Но со временемъ ментальная матерія, вошедшая въ составъ групповой души, становится способной отвѣчать на вибраціи мечтальной сферы, и съ этого времени животное готово къ воспріятію третьей большой волны Жизни Логоса: вмѣстилище готово, чтобы принять въ себя человѣческую Монаду.

Пер. Е. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ.

Д-ра Р. Штейнеръ.

Глава VII *).

О нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ Посвященія.

Подобно шестнадцатилепестному „цвѣтку лотоса", сформированъ и двѣнадцатилепестный, находящійся вблизи сердца. И въ немъ также половина лепестковъ уже существовала и дѣйствовала въ прошедшей стадіи развитія человѣка. Поэтому, при оккультномъ обученіи эти шесть лепестковъ не нуждаются въ какомъ-либо особенномъ развитіи; они сами собой проявляются и начинаютъ вращаться, когда ученикъ работаетъ надъ другими шестью. Но, чтобы содѣйствовать этому развитію, человѣкъ, опять-таки, долженъ давать опредѣленное направленіе нѣкоторымъ изъ своихъ душевныхъ дѣятельностей.

Надо себѣ ясно представить, что воспріятія отдѣльныхъ астральныхъ чувствъ имѣютъ различный характеръ. Цвѣтокъ лотоса съ двѣнадцатью лепестками даетъ иное ощущеніе, чѣмъ шестнадцатилепестный. Этотъ послѣдній воспринимаетъ въ образахъ. Мысли человѣческія, законы, по которымъ происходитъ то или другое явленіе природы, выступаютъ передъ нимъ въ образахъ. Но это—не застывшіе и спокойные образы, а движущіеся и исполненные жизнью. Ясновидѣцъ, развившій у себя это чувство, можетъ для каждой мысли, для каждаго закона природы назвать

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи" 1908 г., № 10, стр. 23.

форму, служащую для нихъ выраженіемъ. Мысль о мести, напримѣръ, облекается въ стрѣлоообразную фигуру съ зубчатыми краями, мысль благоволенія имѣетъ часто видъ раскрывающагося цвѣтка и т. д. Опредѣленныя, полныя значенія мысли строятся правильно и симметрично, неясныя понятія имѣютъ неопредѣленныя очертанія. Совсѣмъ другія ощущенія получаются черезъ посредство двѣнадцатилепестнаго цвѣтка. Можно дать приблизительную характеристику этому роду ощущеній, опредѣливъ ихъ какъ душевное тепло и душевный холодъ. Ясновидѣцъ, одаренный этимъ чувствомъ, ощущаетъ какъ отъ образовъ, видимыхъ для него при помощи шестнадцатилепестнаго цвѣтка лотоса, истекаетъ или такая душевная теплота, или душевный холодъ. Если представить себѣ ясновидца съ развитымъ шестнадцатилепестнымъ, но не развившаго двѣнадцатилепестнаго цвѣтка, то онъ увидѣлъ бы при мысли благоволенія лишь одинъ описанный образъ (раскрывающагося цвѣтка). Другой, развившій въ себѣ оба чувства, примѣтилъ бы еще и тѣ излученія, исходящія отъ этой мысли, которыя не могутъ быть обозначены иначе, какъ душевное тепло. Но при этомъ нужно замѣтить, что при оккультномъ обученіи одно чувство не развивается никогда безъ другого, такъ что вышеупомянутое сказано только для поясненія. Ясновидящій, по мѣрѣ развитія двѣнадцатилепестнаго цвѣтка, пріобрѣтаетъ также глубокое проникновеніе въ явленія природы. Все основанное на произростаніи и развитіи излучаетъ тепло, все находящееся въ состояніи увяданія, разрушенія и гибели носитъ характеръ душевнаго холода.

Развитіе этого чувства производится слѣдующимъ образомъ. Первое, что въ этомъ отношеніи долженъ наблюдать ученикъ, это—упорядоченіе теченія своихъ мыслей (такъ-называемый контроль мыслей). Шестнадцатилепестный цвѣтокъ развивается благодаря исполненнымъ правды и значенія мыслямъ, двѣнадцати-же лепестный—благодаря внутреннему господству надъ своими мыслями. Блуждающія мысли, слѣдующія одна за другой не въ закономѣрномъ логическомъ порядкѣ, а чисто случайно, портятъ форму этого цвѣтка лотоса. Чѣмъ болѣе одна мысль проистекаетъ изъ другой, чѣмъ полнѣе изгоняется изъ хода мыслей все нелогическое, тѣмъ совершеннѣе становится присущая этому органу чувства форма. Если ученикъ слышитъ нелогичныя мысли, онъ долженъ сейчасъ же провести ихъ черезъ свое мышленіе въ истинномъ видѣ. Но онъ не долженъ избѣгать окружающихъ, близкихъ людей, если они мыслятъ и не вполнѣ логично, ради своего собственнаго развитія. Также не долженъ онъ чувствовать

и стремленія немедленно исправлять все нелогичное въ окружающей его средѣ. Напротивъ, полезно совершенно тихо, внутри себя, приводить въ логическій, осмысленный порядокъ всѣ врывающіяся извнѣ мысли, и въ своемъ собственномъ мышленіи слѣдуетъ достигать такого же порядка. Второе условіе, котораго необходимо достигнуть, это приведеніе къ такой же послѣдовательности и всѣхъ своихъ дѣйствій (контроль надъ дѣйствіями). Всякое непостоянство, все негармоничное въ дѣйствіяхъ, способствуютъ порчѣ двѣнадцатилепестнаго цвѣтка лотоса. Поступивъ опредѣленнымъ образомъ, ученикъ долженъ направлять слѣдующее свое дѣйствіе такъ, чтобы оно логическимъ образомъ слѣдовало изъ перваго. Кто дѣйствуетъ сегодня въ одномъ смыслѣ, а завтра въ другомъ, тотъ никогда не разовьетъ описаннаго чувства. Третье условіе—воспитаніе выдержки. Ученикъ не долженъ позволять отвлекать себя отъ цѣли, поставленной передъ собой, тѣмъ или другимъ вліяніемъ, пока онъ считаетъ эту цѣль вѣрной. Препятствія должны быть для него вызовомъ, чтобы преодолѣть ихъ, но отнюдь не поводомъ для отступленія отъ намѣченной цѣли. Четвертое условіе терпимость по отношенію къ людямъ, другимъ живымъ существамъ, а также и къ фактамъ. Ученикъ долженъ подавлять въ себѣ всякую излишнюю критику на все несовершенное, злое и дурное и стремиться къ пониманію всего встрѣчающагося ему. Какъ солнце не лишаетъ своего свѣта дурныхъ и злыхъ, такъ и онъ не долженъ лишать никого своего разумнаго участія. Встрѣчается ли ему какое-либо бѣдствіе, онъ не распространяется въ критическихъ разсужденіяхъ, ио принимаетъ фактъ, какъ необходимость, и старается, насколько позволяютъ ему силы, направить дѣло къ добру. Мнѣнія другихъ онъ не только разсматриваетъ, съ своей точки зрѣнія, но и самъ ставитъ себя въ положеніе другихъ. Пятое условіе—прямодушіе относительно всѣхъ явленій жизни. Можно это также назвать и „вѣрой“ и довѣріемъ“. Ученикъ долженъ съ довѣріемъ выступать навстрѣчу каждому человѣку и каждому существу, и всѣ его дѣйствія должны быть исполнены такимъ же довѣріемъ. Никогда не долженъ онъ говорить, выслушивая чье-либо сообщеніе: „я не вѣрю этому, такъ какъ это въ противорѣчіи съ моимъ сложившимся мнѣніемъ“. Наоборотъ, онъ долженъ быть готовымъ во всякое время провѣрить свое мнѣніе посредствомъ чужого мнѣнія. Онъ долженъ быть всегда воспріимчивымъ ко всему встрѣчающемуся и долженъ вѣрить въ дѣйствительность того, что предпринимаетъ. Робость и сомнѣніе онъ долженъ изгнать изъ своего существа. Если у него

является опредѣленное намѣреніе, онъ вѣритъ и въ силу этого намѣренія, и сто неудачъ не отнимутъ у него этой вѣры. Это—вѣра, могущая двигать горами. Шестое условіе заключается въ пріобрѣтеніи извѣстнаго душевнаго равновѣсія (спокойствія духа). Ученикъ долженъ сохранять ровное настроеніе, сталкивается ли онъ съ горемъ или съ радостью. Онъ долженъ отвыкнуть отъ колебанія между „восторгомъ, поднимающимъ до небесъ, и грустью, низвергающею до смертельной тоски". Несчастіе и опасность найдутъ его настолько же вооруженнымъ, какъ счастіе и радость.

Читатели теософическихъ сочиненій узнаютъ въ описанныхъ признакахъ тѣ „шесть свойствъ", которыя необходимо развить въ себѣ, если стремишься къ Посвященію. Здѣсь излагается ихъ связь съ тѣмъ душевнымъ чувствомъ, которое называется двѣнадцатилепестнымъ цвѣткомъ лотоса. Учитель и здѣсь можетъ дать лишь указанія, которыя могутъ привести этотъ цвѣтокъ лотоса въ зрѣлое состояніе, но образованіе правильной формы у этого органа чувствъ зависитъ отъ развитія перечисленныхъ свойствъ. Если оставить ихъ развитіе безъ вниманія, тогда этотъ органъ сложится въ безобразную форму. При развитіи упомянутаго дара ясновидѣнія, названныя свойства могутъ благодаря такому небреженію обратиться вмѣсто добра—ко злу. Человѣкъ можетъ сдѣлаться особенно нетерпимымъ, нерѣшительнымъ и уклоняющимся по отношенію къ окружающей средѣ. Напримѣръ, онъ можетъ стать крайне воспріимчивымъ относительно образа мыслей другихъ людей и отъ этого избѣгать и даже ненавидѣть ихъ. Это можетъ зайти такъ далеко, что душевный холодъ, который онъ будетъ испытывать при воззрѣніяхъ, противорѣчащихъ его собственнымъ воззрѣніямъ, сдѣлаетъ его неспособнымъ вслушиваться въ чужія мысли и оттолкнетъ его отъ людей.

Особенно тонкій душевный уходъ необходимъ для развитія десятилепестнаго цвѣтка лотоса, ибо здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы самому научиться сознательно владѣть впечатлѣніями чувствъ. Для начинающаго ясновидящаго—это совершенно необходимо, ибо только благодаря этому ясновидящій можетъ избѣжать источника безчисленныхъ иллюзій и духовныхъ ошибокъ. Обыкновенно человѣкъ совершенно не даетъ себѣ отчета, чѣмъ управляются его мысли и его воспоминанія, и чѣмъ они вызваны. Возьмемъ слѣдующій примѣръ. Кто-нибудь ѣдетъ по желѣзной дорогѣ. Онъ занятъ опредѣленною мыслью. Внезапно она принимаетъ совершенно другое направленіе. Вспоминается переживаніе, имѣвшее мѣсто много лѣтъ назадъ, и человѣкъ сплетаетъ его со своими

настоящими мыслями. При этомъ онъ совершенно не замѣчаетъ, что его взглядъ былъ направленъ въ окно на личность, имѣющую сходство съ той, которая участвуетъ въ воспоминаемомъ переживаніи. Видѣнное имъ не дошло до его сознанія, дошло лишь его воздѣйствіе, и онъ думаетъ, что воспоминаніе пришло „само собой", и сколько въ жизни бываетъ подобныхъ случаевъ! Какъ вліяютъ на нашу жизнь явленія, о которыхъ мы слышали или про которыя читали, и притомъ совершенно безсознательно для насъ. Напримѣръ, кто-нибудь не переноситъ опредѣленнаго цвѣта, но онъ совершенно не подозрѣваетъ, что причина этой нелюбви— учитель, носившій сюртукъ этого цвѣта и мучившій его многіе годы назадъ. Неисчислимыя иллюзіи покоятся на такихъ совпаденіяхъ. Многія вещи запечатлѣваются въ душѣ, проходя мимо сознанія. Возьмемъ слѣдующій случай. Кто-нибудь читаетъ въ газетѣ о смерти извѣстной личности и потомъ настойчиво утверждаетъ, что онъ предчувствовалъ эту смерть уже „вчера", хотя онъ ничего не видалъ и не слыхалъ, что могло бы навести его на эту мысль. И это правда,—мысль о смерти этого человѣка всплыла „вчера" какъ бы „сама собой". Одного только онъ не принялъ въ соображеніе: онъ пробылъ у знакомаго въ гостяхъ нѣкоторое время до того, какъ „вчера" его коснулась мысль; на столѣ лежалъ газетный листъ; онъ его не читалъ, но все же его взглядъ упалъ безсознательно на извѣстіе о тяжеломъ заболѣваніи той самой личности, о которой идетъ рѣчь. Полученное впечатлѣніе прошло мимо сознанія, но его-то вліяніе и вызвало „предчувствіе". Если все это принять въ соображеніе, можно представить себѣ, какой источникъ иллюзій и повода для фантазированія лежитъ въ такихъ косвенныхъ воздѣйствіяхъ на наше сознаніе. И этотъ источникъ долженъ быть уничтоженъ тѣмъ, кто хочетъ развить въ себѣ десятилепестный цвѣтокъ лотоса, ибо черезъ посредство этого цвѣтка лотоса можно воспринимать глубоко скрытыя свойства человѣка и другихъ существъ. Но истинными эти воспріятія могутъ быть только тогда, когда воспринимающій сдѣлался совершенно свободнымъ отъ описанныхъ иллюзій. Для этой цѣли необходимо сдѣлаться господиномъ надъ воздѣйствіями, идущими на насъ отъ внѣшняго міра, чтобы впечатлѣнія, которыхъ не *хочешь* воспринимать, дѣйствительно бы не воспринимались. Это можетъ быть постепенно осуществлено, если развивать въ себѣ сильную внутреннюю жизнь. Надо достигнуть того, чтобы только тѣ вещи дѣйствовали, на которыя человѣкъ устремляетъ свое вниманіе. То, что видишь, нужно *хотѣть* видѣть, а то, на что не обращаешь

вниманія, должно совсѣмъ не существовать. Чѣмъ жизненнѣе и энергичнѣе будетъ внутренняя работа души, тѣмъ скорѣе будетъ достигнута подобная власть надъ своими впечатлѣніями. Ученикъ долженъ избѣгать всякаго безцѣльнаго глядѣнья и слушанья. Для него должно существовать лишь то, на что направляется его взглядъ или слухъ. Онъ долженъ упражняться въ томъ, чтобы среди величайшей сутолоки не слышать ничего, если не хочешь слышать, и чтобы сдѣлать глазъ совершенно невоспріимчивымъ къ вещамъ, на которыя не направляешь его намѣренно. Какъ бы душевнымъ панцыремъ надо окружить себя отъ всѣхъ безсознательныхъ впечатлѣній. Въ особенности же его заботливость должна быть направлена на жизнь мысли. Онъ долженъ ставить передъ собой опредѣленную мысль и затѣмъ присоединять къ ней все то, что совершенно сознательно и свободно можетъ быть связано съ ней. Всякое искусственное измышленіе онъ долженъ при этомъ удалять. Если нужно привести мысль въ соотношеніе съ другой мыслью, это должно происходить послѣ тщательной провѣрки, *откуда* произошла эта другая мысль. То же и въ области чувства. Если имѣешь опредѣленную антипатію къ чему-либо, то нужно побѣдить ее, стараясь поставить себя въ *сознательное* отношеніе къ вызвавшему ее предмету. Такимъ образомъ все менѣе и менѣе будутъ имѣть вліяніе на его душевную жизнь безсознательные элементы. Только благодаря подобному строгому контролю надъ собой достигаетъ десятилепестный цвѣтокъ лотоса присущей ему формы. Душевная жизнь ученика должна сдѣлаться жизнью вниманія, и на что онъ не хочетъ или не можетъ обращать вниманія, отъ того надо умѣть держаться вдалекѣ. Если къ такому самовоспитанію присоединится медитація, соотвѣтствующая указаніямъ учителя, тогда находящійся въ желудочной впадинѣ цвѣтокъ лотоса достигаетъ зрѣлости правильнымъ образомъ, и все то, что ранѣе воспринималось астральными органами чувствъ только какъ форма и теплота, теперь будетъ восприниматься и какъ свѣтъ и цвѣтъ. И тогда раскроются передъ ученикомъ способности и таланты человѣка, а также силы и скрытыя свойства природы. Аура живыхъ существъ дѣлается видимой и все, что окружаетъ его, начнетъ разоблачать передъ нимъ свои душевныя качества. Надо прибавить, что именно здѣсь особенно необходима тщательная провѣрка, потому что на этой ступени игра безсознательныхъ воспоминаній становится особенно безудержной. Если бы этого не было, многіе люди имѣли бы упомянутое чувство, потому что оно проявляется почти немедленно, какъ только человѣкъ научается

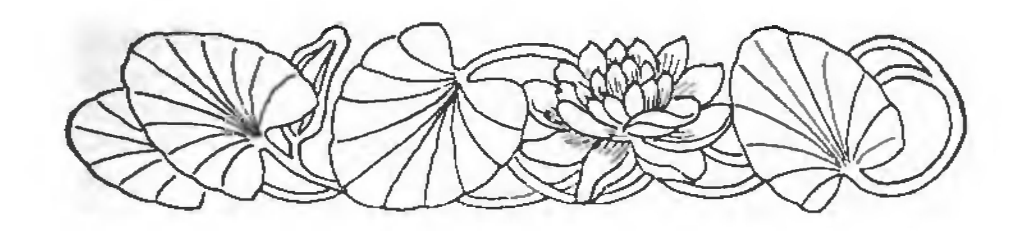
держать впечатлѣнія своихъ чувствъ настолько въ своей власти, что они становятся въ полную зависимость отъ его внимательности или невнимательности. Но пока власть физическихъ чувствъ подавляетъ и угнетаетъ душевныя чувства, до тѣхъ поръ десятилепестный цвѣтокъ лотоса остается въ бездѣйствіи. Труднѣе, чѣмъ описанный цвѣтокъ лотоса, развивается шестилепестный, который находится въ срединѣ тѣла, ибо для этого развитія необходимо совершенное самообладаніе всего человѣка, достигаемое при помощи самопознанія; и это должно быть въ такой степени, чтобы тѣло, душа и духъ находились въ совершенной гармоніи. Всѣ отправленія тѣла, всѣ наклонности и страсти души, всѣ мысли и чувства, исходящія отъ духа, должны быть приведены въ совершенное созвучіе. Тѣло должно быть настолько облагорожено и очищено, чтобы его органы не влекли ни къ чему ненужному для интересовъ души и духа. Душа не должна понуждаться тѣломъ къ вожделѣніямъ и страстямъ, противорѣчащимъ чистому и благородному мышленію. Но и духъ не долженъ царить надъ душею подобно рабовладѣльцу со своими нравственными долгомъ и законами; сама она должна по собственной свободной склонности слѣдовать обязанностямъ и долгу. Не какъ нѣчто навязанное, чему нужно покоряться противъ воли, должна стоять передъ ученикомъ его обязанность, но какъ нѣчто желанное, что онъ выполняетъ съ любовью. Свободную душу, находящуюся въ равновѣсіи между чувственностью и духовностью, долженъ развить въ себѣ ученикъ. Онъ долженъ дойти до того, чтобы быть въ полной безопасности передъ своей чувственностью, ибо послѣдняя должна быть настолько очищенной, чтобы не имѣть силы потянуть ученика внизъ. Ему нѣтъ уже болѣе нужды обуздывать свои страсти, потому что онѣ сами собой стремятся къ хорошему. Пока человѣкъ еще нуждается въ самобичеваніи, онъ не можетъ быть ученикомъ высшей ступени науки духа. Добродѣтель, къ которой нужно себя еще принуждать, не имѣетъ цѣны на пути ученичества. Пока еще имѣется вожделѣніе, оно мѣшаетъ оккультному развитію даже и въ томъ случаѣ, если это вожделѣніе побѣждается—все равно, принадлежитъ ли оно болѣе тѣлу или душѣ. Напримѣръ, если кто-либо отказывается отъ употребленія того или другого возбуждающаго средства, чтобы очистить себя черезъ подобное лишеніе, то это можетъ помочь ему только тогда, когда тѣло его не терпитъ отъ того ущерба. Если замѣчается послѣднее, то это показываетъ, что тѣло требуетъ возбуждающаго средства и тогда воздержаніе безполезно. Въ этомъ случаѣ правильнѣе будетъ человѣку отказаться

отъ воздержанія и подождать, пока для него откроются болѣе благопріятныя тѣлесныя условія, быть может, даже въ будущемъ воплощеніи. Разумное отношеніе въ подобномъ случаѣ указываетъ на бо̀льшую зрѣлость, чѣмъ стремленіе во чтобы то ни стало достигнуть того, что въ данныхъ обстоятельствахъ недостижимо. Да, такой разумный отказъ самому себѣ требуетъ бо̀льшаго развитія, чѣмъ обратное. Кому удастся развить шестилепестный цвѣтокъ лотоса, тотъ достигаетъ общенія съ сущностями, принадлежащими высшимъ мірамъ, но общеніе это ограничивается пока астральнымъ міромъ. Но въ оккультныхъ школахъ не дается указаній для развитія этого внутренняго органа до тѣхъ поръ, пока ученикъ не подвинулся по пути настолько, чтобы поднимать свой *духъ* въ еще болѣе высокій міръ. Это вступленіе въ истинный духовный міръ должно слѣдовать за развитіемъ цвѣтовъ лотоса, иначе ученикъ можетъ впасть въ смущеніе и неувѣренность. Хотя онъ и безъ того можетъ *видѣть*, но онъ не въ состояніи будетъ правильно обсуждать видѣнное. Между тѣмъ въ самомъ способѣ развитія шестилепестнаго цвѣтка, въ томъ, *что* для этого развитія требуется, заключается уже извѣстное ручательство противъ возможной путаницы и безосновности, ибо нелегко привести въ замѣшательство того, кто уже достигъ совершеннаго равновѣсія между чувственностью (тѣло), страстью (душа) и идеей (духъ). Тѣмъ не менѣе и этого ручательства еще не достаточно, когда, благодаря развитію шестилепестнаго цвѣтка лотоса, воспріятію ученика становятся доступными существа, одаренныя жизнью и самостоятельностью, но принадлежащія міру, столь отличному отъ міра его собственныхъ физическихъ чувствъ. Чтобы чувствовать себя вполнѣ увѣреннымъ въ этихъ мірахъ, не достаточно развитія названныхъ цвѣтовъ лотоса; для этого ученикъ долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи еще болѣе высокіе органы. Въ дальнѣйшемъ будетъ рѣчь о развитіи и этихъ еще болѣе высокихъ органовъ, а также и объ остальной организаціи астральнаго тѣла.

Перев. В. Лалетинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Видѣніе Аридея.

Дж. Мида.

I. Предисловіе.

Разсказъ Аридея является наиболѣе подробнымъ и картиннымъ Видѣніемъ Гадеса, дошедшимъ до насъ отъ классической древности; онъ превосходитъ по интересу даже платоновскую повѣсть объ Эрѣ и цицероновское Сновидѣніе Сципіона, не говоря уже о менѣе извѣстныхъ видѣніяхъ Крата и Зосимы.

Видѣніемъ Аридея заканчивается поучительный трактатъ Плутарха, греческое заглавіе котораго приблизительно слѣдующее: „О промедленіи Божества въ наказаніи злого человѣка“ или „Отсрочка Божественной Справедливости“.

Плутархъ изъ Херонеи, въ Беотіи, жилъ въ послѣднюю четверть перваго и первую четверть второго вѣковъ (? 50—120 п. Р. Х.). Будучи однимъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ людей древности, онъ былъ глубоко посвященъ въ подробности религіозныхъ философій и наукъ того времени и обладалъ большими критическими способностями; это былъ также человѣкъ широкаго религіознаго опыта, который занималъ высшее положеніе въ Дельфахъ, въ службѣ Аполлону, имѣлъ отношеніе къ Діонисіанскимъ обрядамъ и былъ основательно знакомъ съ внутренними степенями Мистерій Озириса, а также, безъ сомнѣнія, и другихъ мистическихъ традицій. Онъ воспитывался въ Аѳинахъ и слушалъ лекціи въ Римѣ.

Плутархъ для насъ одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ источниковъ, изъ которыхъ мы черпаемъ свѣдѣнія объ эллинской и эллинистической теологіи, теософіи и мистагогіи перваго столѣтія, и въ этомъ отношеніи онъ не замѣнимъ при сравнительномъ изученіи Гнозиса.

Нашъ философъ опредѣлялся различно, какъ платонистъ, неоплатонистъ, эклектикъ, этикъ и синкретистъ, но очень трудно подвести Плутарха подъ точно опредѣленный шаблонъ, ибо какъ въ своемъ интересномъ изслѣдованіи The Religion of Plutarch A. Pagan Creed of Apostolic Times (London, 1902), говоритъ Dr. John Oakesmith,—„Плутархъ скорѣе указалъ направленіе, чѣмъ начерталъ сводъ догматовъ". Въ извѣстномъ отношеніи онъ былъ хорошимъ образцомъ того, что мы въ настоящее время обозначаемъ словомъ „теософъ".

Хотя нѣтъ ни одного слова на протяженіи всѣхъ его объемистыхъ твореній, изъ котораго мы могли бы заключить о его знакомствѣ съ христіанствомъ, тѣмъ не менѣе утверждалось, что этическія и монотеистическія идеи Плутарха берутъ начало въ христіанствѣ, и особенно интересно, что dr. Charles Super въ своемъ сочиненіи „Retween Heathenism and Christianity" (Chicago, 1889) беретъ тотъ самый трактатъ Плутарха, который содержитъ наше Видѣніе (и еще „Относительно Провидѣнія" Сенеки), чтобы доказать тѣсную связь между религіей-философіей того времени и Новой Религіей.

Мы показали, однако, съ достаточной обстоятельностью въ Пролегоменахъ къ „Гермесу Трижды Величайшему", что ученія эллинистической теологіи, теософіи и гнозиса имѣли широкое распространеніе въ первомъ столѣтіи, и что во многихъ отношеніяхъ у нихъ былъ общій языкъ съ книгами Новаго Завѣта; однако, не можетъ быть вопроса о непосредственномъ заимствованіи съ той или съ другой стороны.

Видѣніе Аридея представляетъ интересъ во многихъ отношеніяхъ, и, несомнѣнно, этотъ интересъ увеличился бы для насъ, если бы мы могли согласиться съ графомъ Joseph de Maistre, что „Данте заимствовалъ общую идею своего „Ада" изъ описанія наказаній въ нашемъ Видѣніи" (Paris, 1856). Я долженъ, однако, оставить это предположеніе знатокамъ Данте, замѣтивъ при этомъ, что теперь доказано, особенно работами д-ра J. E. Sandys'a, что возрожденіе классицизма началось задолго до паденія Константинополя, въ дни Петрарки и Боккаччіо.

Относительно происхожденія и содержанія Видѣнія и того, что Плутархъ хотѣлъ имъ сказать, то здѣсь можетъ быть столько же мнѣній, какъ и въ случаѣ болѣе извѣстнаго „Видѣнія Эра" Платона. Мнѣ, однако, кажется, что ключъ къ пониманію надо искать въ слѣдующихъ словахъ нашего философа-мистагога:

„Человѣкъ, умирая, проходитъ черезъ тѣ же испытанія, черезъ которыя проходили люди съ расширеннымъ сознаніемъ, посвященные въ мистеріи. Такъ, въ термнахъ „τελευτᾶν“ (умирать) и „τελεῖσθαι“ (быть посвященнымъ) мы имѣемъ полнѣйшее соотвѣтствіе и по звуку и по содержанію.

„Начинается со скитаній и утомительныхъ путешествій, на которыя мы взираемъ съ сомнѣніемъ и которыя кажутся неимѣющими конца. Дальше всевозможные ужасы, содроганіе, колебаніе и оцѣпенѣніе.

„Но наконецъ чудный свѣтъ начинаетъ свѣтить намъ навстрѣчу, чистые лучи и прекрасныя поля готовы насъ принять, насъ привѣтствуютъ пѣсни и пляски, и торжественность священныхъ звуковъ, и святыя видѣнія.

„Въ этомъ состояніи тотъ, кто уже усовершенствовался во всѣхъ вещахъ и получилъ посвященіе, достигаетъ полной свободы въ единеніи со святыми и чистыми, и онъ смотритъ внизъ на непросвѣтленное множество непосвященныхъ, которые еще не ушли отъ жизни и копошатся въ густой тинѣ и туманѣ скученными стадами—пребываютъ въ нищетѣ изъ-за страха смерти и недостатка вѣры въ святость жизни души.

„Но вы должны знать, что общеніе и связь между душой и тѣломъ противуестественны“ (Plut. Fragm. v. 9, ed. Didot).

Дальнѣйшее изслѣдованіе этого положенія будетъ болѣе умѣстно сдѣлать впослѣдствіи, когда читатель познакомится съ Видѣніемъ.

Трактатъ по формѣ сходенъ съ діалогами Платона. Дѣйствующія лица: самъ Плутархъ, который является главнымъ ораторомъ, его зять Патроклей, Тимонъ –братъ его, и Олимпихъ, близкій другъ. Сценой служитъ портикъ храма Аполлона въ Дельфахъ. Трактатъ посвященъ нѣкоему Квинту, по всѣмъ вѣроятіямъ римлянину, о которомъ ничего болѣе неизвѣстно.

Развивая свою мысль, Плутархъ говоритъ, что нѣтъ наказанія болѣе ужаснаго и постыднаго, чѣмъ созерцаніе нашихъ дѣтей, страдающихъ вслѣдствіе нашихъ проступковъ. И если бы душа нечестиваго беззаконника могла послѣ смерти увидѣть своихъ дѣтей, или друзей, или близкихъ, въ большомъ несчастіи благодаря ему, увидѣть ихъ, несущими наказаніе за его проступки, то никто никогда не могъ бы убѣдить его, даже ради Зевса, еще разъ оказаться неправымъ или безпутнымъ по возвращеніи на землю.

„Я могъ бы передать вамъ разсказъ (λόγος), который я недавно слышалъ—продолжалъ онъ—но я боюсь, вы сочтете его за сказку (μῦθος); поэтому я ограничусь одною вѣроятностью".

Но такъ какъ другіе настаивали на томъ, чтобы онъ разсказалъ, Плутархъ говоритъ: „Позвольте мнѣ сначала покончить съ доводами относительно вѣроятности, а потомъ, если хотите, я разскажу сказку, если это на самомъ дѣлѣ сказка".

Плутархъ здѣсь, очевидно, хочетъ показать, что для него разсказъ—логосъ, а не миѳъ, а подъ логосомъ онъ, очевидно, понимаетъ то, что основывается на „фактѣ", а не на „вѣроятности".

Это ясно изъ его словъ и, кромѣ того, подтверждается употребленіемъ, всеобщимъ въ тѣ дни, слова „λόγος" для серьезнаго повѣствованія, въ особенности для „священнаго діалога" и разсказа о посвященіи.

Дальше интересно отмѣтить, что Платонъ въ концѣ своего разсказа о Видѣніи Эра опредѣлилъ его какъ миѳъ. Не думалъ ли объ этомъ Плутархъ и не хотѣлъ ли онъ подчеркнуть разницу между своимъ „логосомъ" и знаменитымъ „миѳомъ" Платона?

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что миѳы Платона часто обсуждались въ школахъ и что существовали самыя различныя мнѣнія относительно того, какъ ихъ понимать; терминъ „миѳъ" оказался въ немилости у ученыхъ, и Плутархъ здѣсь, какъ и всюду, употребляетъ „логосъ", какъ лучшее опредѣленіе для повѣствованія, имѣющаго связь съ ученіемъ о посвященіи.

Плутархъ говоритъ намъ, что герой его разсказа, нѣкто Аридей изъ Соли, приморскаго городка въ Малой Азіи, Аридей былъ близкимъ другомъ Протогена изъ Тарса (Плут. „О любви", II), который нѣкоторое время жилъ вмѣстѣ съ Плутархомъ въ Дельфахъ. Аридей разсказалъ о своихъ испытаніяхъ Протогену и другимъ близкимъ друзьямъ; итакъ, мы можемъ предположить, что Плутархъ впервые услыхалъ разсказъ отъ Протогена, и, найдя въ немъ общія черты съ тѣмъ, что онъ самъ изучалъ или видѣлъ драматически представленнымъ въ томъ или другомъ обрядѣ посвященія, черезъ которыя онъ прошелъ, Плутархъ обработалъ его и дополнилъ сообразно своимъ цѣлямъ.

Жизнь Аридея прославилась благодаря его распутству и порочности; это была жизнь разнузданнаго милліонера того времени. Есть свѣдѣнія, что, когда Аридей послалъ опросить оракула Амонлоха въ Маллѣ, въ Сициліи, есть ли для него возможность прожить лучше тѣ дни, которые ему оставалось жить, онъ полу-

чилъ въ отвѣтъ, что будетъ поступать лучше послѣ того, какъ умретъ.

Короткое время спустя Аридей подвергся сильному удару при паденіи, и, хотя кости его остались цѣлы, ударъ сдѣлалъ свое дѣло. Черезъ три дня, какъ разъ когда все было готово для его погребенія, къ нему вернулось сознаніе. Послѣ этого непріятнаго испытанія Аридей совершенно измѣнился, сталъ человѣкомъ исключительной добродѣтели. Такая поразительная перемѣна не могла пройти незамѣченной, но только немногимъ изъ наиболѣе близкихъ друзей разсказалъ Аридей, что съ нимъ случилось впродолженіе „трехъ дней". Разсказъ слѣдующій:

II. Видѣніе.

Когда его сознаніе отрѣшилось отъ тѣла, онъ испыталъ ощущеніе моряка, перекинутаго черезъ бортъ въ глубокую воду. Потомъ, когда онъ немного оправился, ему показалось, что онъ дышитъ всѣмъ существомъ своимъ и видитъ сразу все вокругъ, какъ будто душа „единое око" раскрылась.

Изъ предметовъ, для него ранѣе обычныхъ, онъ увидалъ лишь звѣзды, да и тѣ, странно-огромныя, странно-далекія одна отъ другой, излучали чудное сіяніе красокъ и звуковъ. И душа двигалась въ этихъ лучахъ такъ же спокойно, какъ судно въ тихую погоду, плыла свободно и быстро въ любомъ направленіи.

Большую часть изъ того, что онъ видѣлъ, Аридей забылъ.

По его словамъ, души умершихъ, переходя снизу вверхъ, являлись въ видѣ клуба, какъ бы изъ пламени, въ которомъ отсутствовалъ воздухъ; затѣмъ клубъ спокойно распадался, и изъ него выходили души, имѣя обликъ людей и вполнѣ законченныя формы. Однако, онѣ различались по своимъ движеніямъ: однѣ выносились съ удивительною легкостью и устремлялись прямо кверху, другія же долго вращались вмѣстѣ по кругу какъ веретена, покачиваясь кверху и книзу, мѣшая и перепутывая движеніе, которое выравнивалось только спустя долгое время и съ большимъ затрудненіемъ.

Относительно большинства онъ не зналъ, кто они; все же онъ увидѣлъ двухъ или трехъ знакомыхъ и старался присоединиться къ нимъ и заговорить; но тѣ не слыхали его и не походили на самихъ себя. Обезумѣвшіе, охваченные ужасомъ, избѣгая чужого взгляда и касанія, они вначалѣ все кружились и кружи-

лись вокругъ себя; потомъ, столкнувшись съ другими, въ такомъ же состоянiи, какъ и они сами, смѣшивались съ ними и толкались по всѣмъ направленiямъ, безпорядочно и безцѣльно, издавая безсмысленные возгласы, въ родѣ боевыхъ кличей, въ перемежку со стенанiями и криками отъ страха.

Совсѣмъ иныя души виднѣлись на верху оболочки (или покрова): онѣ сiяли отъ радости и часто сближались для дружеской бесѣды, но избѣгали смятенныхъ душъ, находившихся внизу, подъ ними. Свое недовольство онѣ, казалось, выказывали тѣмъ, что свертывались и уходили въ самихъ себя, а радость и удовольствiе проявлялись у нихъ развертыванiемъ и расширенiемъ.

Въ той области, по его словамъ, онъ увидѣлъ только одного родственника, да и то не навѣрно, такъ какъ родственникъ его умеръ, когда онъ (Аридей) былъ еще только мальчикомъ. Какъ бы то ни было, тотъ приблизился къ нему со словами: „Здравствуй Теспезiй!" И когда онъ, удивившись, отвѣтилъ, что его имя не Теспезiй, а Аридей, тотъ сказалъ:

„Оно было Аридей, но съ этихъ поръ оно будетъ Теспезiй (что значитъ „посланный богами"), ибо на самомъ дѣлѣ ты не умеръ, но явился сюда по волѣ боговъ, сохраняя разумъ, тогда какъ остальная часть души твоей покинута тобою въ тѣлѣ, какъ якорь. И ты можешь убѣдиться въ этомъ теперь и въ будущемъ, если обратишь вниманiе на то, что души умершихъ не отбрасываютъ тѣни и никогда не закрываютъ вѣждъ".

Услышавъ это, Теспезiй постарался какъ можно полнѣе использовать свои разумныя способности и, пристальнѣй вглядѣвшись, онъ увидѣлъ блѣдный тѣневой слѣдъ, тянувшiйся за нимъ, тогда какъ умершiе со всѣхъ сторонъ были окружены сiянiемъ и были прозрачны, хотя не всѣ одинаково. Одни, какъ чистый свѣтъ полной луны, излучали мягкую непрерывную ровную краску, другiе были раздѣлены на полосы или на узкiя ленты. Были также совершенно пестрыя—необычайный видъ!—густо покрытыя синеватыми пятнами, какъ змѣи. Иныя несли на себѣ неясныя царапины.

Затѣмъ родственникъ Теспезiя приступилъ къ подробнымъ описанiямъ и объясненiямъ. Онъ говорилъ, что Адрастея, дочь Необходимости и Зевса, была послана въ высшее небо, чтобы воздать за всѣ проступки, и какъ бы великъ или ничтоженъ ни былъ грѣшникъ, онъ не уходилъ отъ нея силою, не ускользалъ отъ ея бдительности.

„Есть три вида наказаній—говорилъ онъ—изъ которыхъ каждый находится въ вѣдѣніи особаго стража и исполнителя (Адрастеи). Немедленная кара (Ροινή) ждетъ тѣхъ, которые понесли наказаніе еще въ то время, когда ихъ облекало тѣло, и черезъ посредство тѣла, сейчасъ же за проступкомъ, и кара эта сравнительно мягкая, такъ какъ многіе проступки уже заглажены и ждутъ только очищенія. Что же касается тѣхъ, у которыхъ душевная сторона нуждается въ болѣе тщательномъ леченіи, то сознаніе (букв. δαίμων) вручаетъ ихъ правосудію (δίκη) послѣ ихъ смерти. И наконецъ тѣ, что были отброшены Правосудіемъ, какъ вполнѣ безнадежные, ихъ преслѣдуетъ Фурія (Ἐρινύς)—третій и самый неумолимый изъ судей Адрастеи, пока они блуждаютъ и бѣгутъ той или иной дорогой, и съ презрительной жестокостью повергаетъ она ихъ въ состояніе, о которомъ мы не смѣемъ ни говорить, ни думать.

Изъ этихъ трехъ видовъ исправленія—сказалъ онъ—то, которое достигается наказаніемъ человѣка еще при жизни, напоминаетъ одинъ изъ способовъ, обычныхъ у Персовъ, когда они стаскиваютъ платья и головные уборы съ виновныхъ и бичуютъ первыя, въ то время какъ послѣдніе со слезами умоляютъ ихъ перестать. Подобнымъ образомъ наказаніе въ видѣ потери благъ или страданія тѣла въ дѣйствительности не убиваетъ зло и не касается самого порока, но по большей части затрагиваетъ только репутацію и чувствительность виновныхъ.

„И всякій разъ, какъ человѣкъ переходитъ изъ того міра въ этотъ, не понеся наказанія и не очистившись, Правосудіе захватываетъ его душу такой, какова она есть, обнаженной, неспособной что-либо натянуть на себя и тѣмъ скрыть свою мерзость: но все, что въ ней, на виду у всѣхъ.

„И прежде всего его показываютъ родителямъ, если они хороши, или предкамъ, какъ предметъ отвращенія и безчестія для рода; если же его предки плохи, онъ долженъ смотрѣть на нихъ наказанія, а они на его, и это продолжается долгое время, пока онъ не изгладитъ всякую свою дурную наклонность трудомъ и мукою, которые по объему и напряженности настолько превосходятъ страданія въ тѣлѣ, насколько бодрствующее сознаніе интенсивнѣе сознанія во снѣ. И шрамы, и мѣтки отъ каждой дурной наклонности остаются на всѣхъ ихъ въ большей или въ меньшей степени.

„Посмотри—продолжалъ онъ—на окраску душъ всѣхъ оттѣнковъ и видовъ: вотъ та жирная, коричневато-сѣрая характеризуетъ

грубость и себялюбіе; тотъ кроваво-красный, пламенѣющій оттѣнокъ свидѣтельствуетъ о дикой и ядовитой природѣ; всюду, гдѣ имѣется голубовато-сѣрый, изъ такого существа не легко искореняется невоздержанная склонность къ удовольствіямъ; врожденная злоба, смѣшанная съ завистью, проявляется частой смѣной окраски.

„Надо замѣтить, что именно въ земной жизни порокъ души (рожденный страстями и воздѣйствующій на тѣло) производитъ смѣны окраски, тогда какъ очищенія и исправленія въ этой жизни имѣютъ цѣлью снять пятна, съ тѣмъ чтобы душа стала насквозь лучистой (αὐγοειδής) и равномѣрно окрашенной.

„Все время, пока имѣются эти цвѣта, бываютъ возвраты къ страстямъ, сопровождаемые колебаніями и уклоненіями; при этомъ нѣкоторыя души слабѣютъ и вскорѣ гибнутъ, а другія значительно крѣпнутъ.

„Изъ этихъ однѣ, въ силу повторнаго исправленія, наконецъ возстановляютъ присущія имъ наклонности и условія (жизни), другія же, благодаря свой неподатливости и привязанности къ удовольствіямъ, влекутся внизъ, въ тѣла животныхъ.

„Первыя, благодаря слабости разума и косности созерцательнаго начала слѣдуютъ внизъ за инстинктомъ опыта, чтобы родиться (какъ человѣкъ), тогда какъ послѣднія, нуждаясь въ орудіи для проявленія своего необузданнаго вожделѣнія, стремятся дать выходъ желаніямъ въ наслажденіи и достигаютъ этого черезъ любое тѣло, такъ какъ внѣ тѣла есть только тѣнь удовольствія и мечты о немъ безъ осуществленія".

Послѣ этихъ объясненій, руководитель направилъ его съ большою быстротою, казалось, черезъ огромное пространство; и легко и прямо, какъ будто ихъ поддерживали крылья изъ свѣтовыхъ лучей, они достигли обширнаго провала, уходившаго въ глубь спиралью. Тамъ онъ былъ оставленъ силой, которая его поддерживала.

Онъ замѣтилъ, что то же самое случилось здѣсь и съ остальными душами, такъ какъ, задержавши свой полетъ и спустившись внизъ, онѣ порхали вокругъ провала, не смѣя пересѣчь его прямо. Внутри онъ былъ, казалось, покрытъ, подобно Вакхическимъ пещерамъ, деревьями и травой и всякаго рода зеленью, а внѣ его струился мягкій и нѣжный воздухъ, насыщенный благовоніемъ (словно это была смѣсь винъ для любителей); и души, насладившись ароматами, раскрывались восторженно въ объятіяхъ одна у другой; и все это мѣсто было объято мечтой и смѣхомъ и духомъ игры и удовольствія.

Руководитель Тиспезія сказалъ ему, что то былъ путь, по которому Діонисъ вознесся къ богамъ и впослѣдствіи поднялъ Семелу; онъ назывался Мѣстомъ Забвенія (Λήθη).

Поэтому онъ не могъ позволить Теспезію оставаться здѣсь, какъ тому хотѣлось, но онъ насильно отвелъ его прочь, объясняя, насколько разумная сторона души разнѣживалась и увлажнялась удовольствіемъ, и какъ низшая сторона и то, что тяготѣетъ къ тѣлу, ставши влажною и черезъ то болѣе тѣлесною, пробуждаетъ въ себѣ воспоминаніе о тѣлѣ, и какъ отъ этого воспоминанія рождается стремленіе и желаніе, которое влечетъ душу внизъ.

Затѣмъ Теспезій, сдѣлавши путь столь же длинный, какъ и предыдущій, увидалъ на нѣкоторомъ разстояніи огромный бассейнъ, въ который лились струи; одна бѣлѣе, чѣмъ морская пѣна или снѣгъ, другая какъ пурпуръ, что рождается въ радугѣ, остальныя сверкали иными цвѣтами, изъ которыхъ каждый казался на разстояніи характерно-рѣкоточнымъ.

Но, по мѣрѣ того, какъ они подходили ближе, стушевывалось болѣе и болѣе все окружавшее бассейнъ, и въ немъ самомъ блѣднѣли краски—претворялась многоцвѣтность въ ярко-бѣлое сіяніе. И Теспезій увидалъ три существа (δαίμονες), которыя сидѣли вмѣстѣ, въ видѣ трехугольника, и смѣшивали струи въ опредѣленныхъ соотношеніяхъ.

Руководитель души Теспезія при этомъ замѣтилъ ему, что Орфей доходилъ до этимъ мѣстъ, когда разыскивалъ душу своей жены, и потомъ по забывчивости сталъ распространять невѣрныя свѣдѣнія о томъ, что Дельфійскій Оракулъ вдохновляется Аполлономъ и Ночью, тогда какъ Аполлонъ по существу противоположенъ Ночи.

„Но то, что ты видишь—сказалъ онъ—есть обыкновенный оракулъ Ночи и Селены, который проявляется на землѣ не въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, но змѣится по всѣмъ направленіямъ, проявляясь главнымъ образомъ въ видѣніяхъ и въ образахъ. Именно отсюда сны, послѣ того какъ ихъ смѣшаютъ, какъ это ты видишь сейчасъ, распространяютъ за гранью простое и истинное въ соединеніи со сложнымъ и невѣрнымъ.

„Что же касается до оракула Аполлона—продолжалъ онъ—ты его не видалъ и не будешь въ состояніи увидѣть, ибо связи твоей души не даютъ ей подняться кверху, но тянутъ внизъ, вслѣдствіе того, что онѣ наглухо прикрѣплены къ тѣлу“.

Говоря это, руководитель подвелъ его ближе и старался показать ему свѣтъ, который струился изъ Трипода, проходя, какъ онъ объяснялъ, черезъ лоно Ѳемиды и покоясь на Парнасѣ.

И, хоть ему очень хотѣлось увидѣть, онъ не могъ, вслѣдствіе ослѣпительности свѣта. Все же, проходя, онъ уловилъ торжественный женскій голосъ, который въ ритмичныхъ стихахъ возвѣщалъ среди другихъ событій, казалось, время его собственной смерти.

Его геній (δαίμων) сказалъ ему, что то былъ голосъ Стиллы, которая поетъ о грядущихъ событіяхъ въ то время, какъ она вращается въ дискѣ луны. Естественно, онъ хотѣлъ услыхать больше, но былъ отнесенъ луннымъ токомъ въ противоположную сторону, какъ бы въ вихрѣ водомета. Итакъ, онъ услыхалъ очень немного, и это немногое заключало въ себѣ пророчество насчетъ горы Везувія и разрушенія Динархеи огнемъ и отрывокъ о царствующемъ императорѣ въ такихъ словахъ:

„Будучи добрымъ, онъ покинетъ престолъ по болѣзни".

Послѣ того они повернули назадъ, чтобы увидать наказанія. И съ самаго начала ничего кромѣ горестнаго и возбуждающаго жалость не представилось ихъ глазамъ. Совсѣмъ не ожидая того, Теспезій очутился среди своихъ собственныхъ друзей, земляковъ и близкихъ; и тѣ, неся непристойныя и тягостныя наказанія, громко плакались на свои страшныя страданія и взывали къ нему о помощи.

И наконецъ онъ увидалъ родного отца, который выходилъ изъ особаго вида колодца, покрытый мѣтками и царапинами, простирая къ нему свои руки. Власти не позволяли ему дольше хранить молчаніе, но заставили его сознаться въ томъ, что руки его были запятнаны кровью нѣкіихъ состоятельныхъ иностранцевъ, имъ отравленныхъ. На землѣ ему удалось схоронить всѣ слѣды, но въ послѣдующей жизни все ему припомнилось; за одни преступленія онъ уже понесъ наказаніе, но за остальныя ему еще нужно было страдать.

И настолько велики были смущеніе и ужасъ Теспезія, что онъ не рѣшился заступиться или попросить за своего отца. Когда же онъ почувствовалъ желаніе повернуться и убѣжать, онъ ужъ не могъ найти милаго и близкаго ему руководителя, но другіе страшные по виду повлекли его впередъ, и, казалось, не было выбора—нужно было пройти черезъ все.

Такъ ему пришлось увидѣть, что тѣни людей, которыя считались плохими и были наказаны въ земной жизни, не имѣли соотвѣтствующей внѣшности, такъ какъ онѣ уже понесли тяжелый

трудъ, какъ слѣдствіе своей неразумной и страстной природы, тогда какъ тѣ, что прожили жизнь неразоблаченными, подъ личиною добродѣтели, были принуждены окружающими вывернуть свои души наизнанку въ мукахъ и въ неестественныхъ корчахъ, совсѣмъ такъ, какъ выворачиваются морскіе полипы, когда они проглатываютъ растительный побѣгъ.

Руководители Теспезія снимали съ нѣкоторыхъ оболочку и показывали ихъ покрытыми пятнами и гноящимися язвами, которыя свидѣтельствовали о болѣзненномъ состояніи ихъ сознательнаго и правящаго принципа. Другихъ, по словамъ его, онъ видѣлъ переплетенными подобно змѣямъ, по два, по три и болѣе вмѣстѣ, со злобой пожирающими одинъ другого въ отместку за то, что претерпѣли или сдѣлали сами другимъ въ земной жизни.

Дальше тамъ было три озера, одно возлѣ другого. Первое изъ кипящаго золота, другое изъ ѣдко-холоднаго свинца, третье изъ страшно-твердаго желѣза. И тамъ были наготовѣ демоны, которые, совсѣмъ какъ кузнецы со щипцами, погружали и извлекали души тѣхъ, кто страдалъ вслѣдствіе ненасытнаго желанія и жадности.

Послѣ того, какъ души раскалялись до-красна и становились прозрачными въ золотомъ озерѣ, демоны погружали ихъ въ свинцовое и купали ихъ въ немъ; и, когда онѣ смерзались тамъ и дѣлались твердыми, какъ градъ, ихъ переносили дальше, въ озеро желѣза; тамъ души страшно чернѣли, и когда твердость желѣза преодолѣвала ихъ сопротивленіе и онѣ разсыпались въ мельчайшія частицы, мѣнялась ихъ форма; тогда ихъ переносили обратно въ золотое озеро. И страшныя страданія испытывали онѣ, по словамъ его, во время такихъ превращеній.

Но страданія, всего болѣе возбуждавшія жалость Теспезія, были страданія тѣхъ душъ, которыя задерживались вновь въ ту самую минуту, когда, казалось, онѣ, наконецъ, были освобождены Правосудіемъ. Это были души тѣхъ, чьи преступленія отражались на ихъ дѣтяхъ или на потомкахъ.

И когда одному изъ этихъ послѣднихъ случалось подняться въ этотъ міръ, онъ въ ярости набрасывался на преступнаго, обличая его и показывая ему слѣды перенесенныхъ страданій, упрекая и преслѣдуя его. И хотя тотъ старался бѣжать и спрятаться, это не удавалось, такъ какъ исправители быстро схватывали его и влекли назадъ, къ Правосудію, а тамъ воздавали ему все съ начала, несмотря на его крики о пощадѣ, тѣмъ болѣе горестные, что онъ уже зналъ, какія наказанія его ждутъ.

И къ нѣкоторымъ привязывались души ихъ потомковъ, совсѣмъ какъ пчелы или осы, тѣсно насѣдавшія одна на другую, издѣваясь и вымещая на нихъ все, что онѣ перенесли по ихъ винѣ.

Въ заключеніе онъ увидѣлъ много такихъ же душъ, которымъ предстояло воплощеніе, помимо ихъ воли, въ тѣлѣ того или иного животнаго. Для этого особые духи, ударами невиданныхъ орудій, измѣняли соотвѣтственно ихъ обликъ. Въ однихъ случаяхъ имъ сковывали всѣ части въ одно цѣлое, въ другихъ выворачивали ихъ назадъ, а нѣкоторыя части безъ труда отдѣляли прочь, чтобы онѣ могли затѣмъ отвѣчать инымъ потребностямъ, иному образу жизни.

Среди этихъ душъ Теспезій увидалъ душу Нерона: и безъ того въ плохомъ состояніи, она была еще къ тому же пронизана гвоздями, раскаленными до-красна. Кузнецы держали наготовѣ форму змѣи Пиндара: въ ней предстояло душѣ воплотиться и искать выхода на свѣтъ, прогрызая утробу матери *).

Но тутъ внезапно возникъ яркій свѣтъ и послышался голосъ изъ этого свѣта, который приказывалъ превратить его въ менѣе ужасное твореніе, а именно сдѣлать изъ него существо, которое квакаетъ вокругъ болотъ и озеръ: онъ уже былъ наказанъ за свои преступленія и теперь заслуживалъ снисхожденія отъ боговъ за то, что освободилъ эллиновъ, самый прекрасный народъ среди его подданныхъ и наиболѣе близкій богамъ.

Вотъ все, что видѣлъ Теспезій. Когда же онъ хотѣлъ вернуться назадъ, онъ испыталъ крайній испугъ, такъ какъ женщина, страшная по виду и по размѣрамъ, схватила его со словами: „Пойди ко мнѣ, чтобъ тебѣ лучше запомнить подробности“. И ужъ она готовилась наложить на него раскаленный до-красна стиль, какъ это дѣлаютъ художники, работая по воску,—но другая женщина остановила ее.

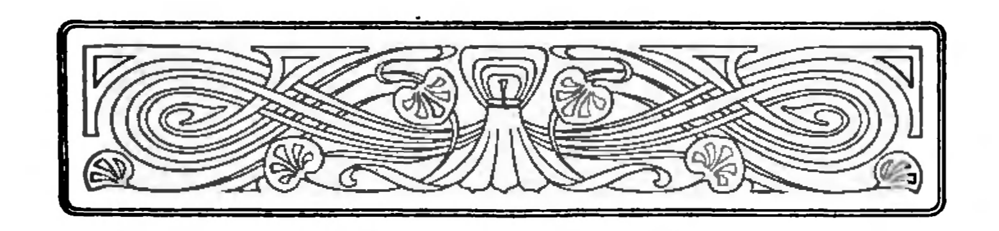
Затѣмъ неожиданно его словно втянуло сквозь трубку страшно сильнымъ и непреодолимымъ вдыханіемъ, и вотъ ужъ онъ покоился въ своемъ тѣлѣ и пробуждался къ жизни какъ разъ въ ту самую минуту, когда его собирались похоронить.

Пер. Викентьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Злѣйшая ехидна: по повѣрію эллиновъ она была живородяща. Дѣтенышъ, чтобы выйти на свѣтъ, прогрызалъ матку, отъ чего ехидна-мать умирала. Намекъ на убійство Агриппины (*прим. перев.*).

Дитя.

Микаэля Вуда.

(Пер. съ англ. А.).

Отшельникъ Пацификъ брату Пруденцію.

Дорогой братъ, Вы просили меня разсказать Вамъ подробнѣе то, о чемъ мы бесѣдовали съ Вами, когда Вы отдыхали въ моей кельѣ на возвратномъ пути отъ Матери Божьей—Утѣшенія. Но я прошу Васъ, братъ, никому до моей смерти не говорить объ этомъ.

Какъ вы знаете, я не всегда былъ бѣднымъ отшельиикомъ Пацификомъ; нѣтъ, я былъ великимъ, могущественнымъ рыцаремъ и звали меня Гарлуа—человѣкъ-мечъ, потому что никто такъ не владѣлъ мечомъ, какъ я.

Нашъ государь, король Артуръ, сдѣлалъ меня правителемъ большой западной страны; я былъ правитель строгій, и разбойники и злодѣи боялись меня, ибо я желалъ быть справедливымъ, но пощады я не зналъ. У меня былъ большой замокъ; его охраняли многочисленные рыцари, мои вассалы; хозяйство у меня было большое и слугъ было много. Я женился на прекрасной Игернѣ, да упокоитъ Господь ея душу! Она была необыкновенно красивая, любящая и чистая, и моя любовь къ ней была благоговѣйнымъ обожаніемъ; она мнѣ дала четырехъ дѣтей. Я ихъ горячо любилъ, но я скрывалъ свою любовь, и они, не зная моей нѣжности, любили только свою мать; въ дѣтствѣ они боялись меня, стихали въ моемъ присутствіи и прекращали свои игры.

Одинъ изъ моихъ сыновей принялъ монашескій обѣтъ, другой былъ убитъ на турнирѣ, а третій, великій рыцарь, погибъ въ сраженіи. Моя дочь Изолтъ отдала себя Богу и сдѣлалась монахиней.

Когда Игерне была взята на небо, я сдѣлался мрачнымъ и ожесточился на людей, но я горячо постился и молился, чтобы мнѣ было дано заслужить Небо и увидѣться съ моей Игерной.

Однажды, въ праздникъ Рождества Христова, въ сумерки, я молился передъ алтаремъ въ часовнѣ. Вдругъ во время моей горячей молитвы маленькое дитя спустилось ко мнѣ по ступенямъ алтаря.

Замѣть, дорогой братъ, что я не видѣлъ дитяти, но я зналъ, что оно спускается ко мнѣ. Это было маленькое четырехъ или пятилѣтнее дитя; оно сошло по ступеиямъ ко мнѣ и вложило свою нѣжную ручку въ мою руку. Я испугался и осѣнилъ себя знаменіемъ креста, но ребенокъ оставался около меня. Затѣмъ, не знаю, когда онъ ушелъ, но скоро онъ снова вернулся. Онъ былъ почти всегда со миой. Часто, когда я сидѣлъ въ залѣ и судилъ преступниковъ, это дитя сидѣло у меня на колѣняхъ. Я его обнималъ рукой, но никто его не видѣлъ, кромѣ меня. Когда я былъ одинъ и занятъ дѣлами, ребенокъ сидѣлъ у моихъ ногъ на полу и игралъ. Я его не видѣлъ, но зналъ, что онъ играетъ. На зарѣ онъ обнималъ меня и, цѣлуя, будилъ меня къ молитвѣ.

Вы знаете, мой братъ, что ребенокъ, котораго мать только-что выкупала, имѣетъ нѣжный запахъ весеннихъ маргаритокъ и молодой травки; этотъ запахъ я постоянно ощущалъ, когда малютка сидѣлъ у меня на колѣняхъ или обнималъ меня своими маленькими рученками.

Черезъ нѣкоторое время я замѣтилъ очень странную вещь: когда дитя было со мной, я видѣлъ правду, но правда эта была совсѣмъ иная, чѣмъ та, что я прежде принималъ за правду. Я узрѣлъ справедливость и понялъ, что раньше я не зналъ ея. Я узрѣлъ мудрость и понялъ, что все, что называютъ мудростью, вздоръ. Я все это видѣлъ и понималъ безъ труда, потому что дитя было со мною. Я былъ въ большомъ изумленіи. Наконецъ я узрѣлъ любовь... О, братъ мой, какъ блѣдно передъ нею все то, что люди называютъ этимъ именемъ!

Все это раскрылось мнѣ послѣ того, какъ мнѣ пришлось судить одного изъ моихъ слугъ.

Его обвиняли въ кражѣ зерна и въ томъ, что онъ дерзко говорилъ съ домоправителемъ. Онъ казался очень озлобленнымъ

и не хотѣлъ говорить; онъ страшно меня боялся, онъ былъ еще совсѣмъ юный мальчикъ. Такъ какъ для всѣхъ преступленій существуетъ, Вы знаете, одинъ законъ, то я его осудилъ на годъ тюрьмы вмѣстѣ со взрослыми преступниками. Но вдругъ дитя привстало на моихъ колѣняхъ и обняло мою шею съ мольбой; тогда я сказалъ:

„Подождите. Я хочу поговорить наединѣ съ мальчикомъ и послушаю, что онъ имѣетъ сказать въ свое оправданіе".

Братъ мой, повѣрите ли? Дитя меня нѣжно поцѣловало въ щеку. Я велѣлъ отвести юнаго слугу въ мои покои и спросилъ его, виновенъ ли онъ въ кражѣ. Дрожащимъ голосомъ онъ отвѣтилъ: „Нѣтъ". Я его спросилъ, не знаетъ ли онъ, за что его ложно обвинили, ибо его обвиняли домоправитель и его сынъ, а въ его пользу никто не свидѣтельствовалъ. Тогда, видя мое расположеніе къ нему, онъ горько заплакалъ, палъ къ моимъ ногамъ и разсказалъ, что они его обвиняли въ кражѣ одного зерна, которое онъ будто бы далъ своему ручному скворцу. Сынъ хозяина хотѣлъ взять этого скворца и посадить его въ клѣтку, но мальчикъ не позволилъ его взять, а скворецъ не давался никому другому въ руки. Тогда сынъ хозяина разсердился и обвинилъ его въ кражѣ, а отецъ повѣрилъ сыну своему. Но мальчикъ не кралъ, онъ питалъ своего скворца остатками своего собственнаго хлѣба.

Затѣмъ я его спросилъ, бранился ли онъ и говорилъ ли дерзко съ домоправителемъ. Онъ зарыдалъ и признался, что бранился, но брань была вещь обыкновенная у слугъ, онъ же былъ возмущенъ несправедливостью и ложнымъ обвиненіемъ.

Когда оказалось, что никто кромѣ обвинявшаго его юноши не видѣлъ, чтобы онъ питалъ птицу зерномъ, я велѣлъ ему показать мнѣ своего скворца и дать ему при мнѣ зерно и хлѣбъ. Мальчикъ засвисталъ; скворецъ подлетѣлъ, сѣлъ ему на плечо и сталъ ѣсть хлѣбъ, отказавшись отъ зерна. Я разспросилъ другихъ слугъ; они сказали, что часто видѣли, какъ скворецъ, сидя на плечѣ у мальчика, ѣстъ хлѣбъ изъ его рукъ.

Тогда я отнялъ у домоправителя этого мальчика и взялъ его себѣ въ услуженіе. Онъ былъ честнымъ, добрымъ и вѣрнымъ слугой; онъ не хотѣлъ меня оставить и тогда, когда я ушелъ изъ міра и поселился въ своей кельѣ. Онъ устроился по близости въ шалашѣ и ходитъ за мной; на старости лѣтъ онъ сталъ мнѣ большимъ утѣшеніемъ.

А дитя больше меня не покидало и освѣщало мой путь своей святой чистотой. Любовь моя къ этому дитяти заставила меня

полюбить всѣхъ дѣтей, такъ что я не могъ не возлагать съ благословеніемъ своихъ рукъ на нихъ, а мои глаза слѣдили за ними, какъ будто въ иихъ жила тайна, которую душа тщетно порывалась разгадать.

Всѣ удивлялись мнѣ, а я удивлялся имъ. Прежде меня такъ боялись, что всѣ скрывали отъ меня свои грѣхи; теперь же они шли ко мнѣ, какъ къ завѣтному другу, и дѣлились со мной своимъ горемъ и позоромъ. Но я тутъ былъ не при чемъ; все это было дѣломъ дитяти, которое сидѣло у меня на колѣняхъ или играло у моихъ ногъ.

Настала Пасха. Святой Дубрицій стоялъ передъ алтаремъ и возносилъ передъ народомъ Дары Господни. И вдругъ, братъ мой, я узналъ, кто былъ дитя, бывшее со мной все это время. Передо мною стояло Бѣлое Сіяніе, и въ этомъ сіяніи я увидѣлъ не Распятаго Сына Человѣческаго, а радостное огненное дитя; отъ святого видѣнія исходило бѣлое пламя, которое пронизало мой бокъ и мое сердце. По этому огненному лучу дитя спустилось и проникло въ самое мое сердце. Я почувствовалъ жизнь дитяти въ сердцѣ, какъ нѣжное рѣяніе крыльевъ, а изъ святой колыбели дитяти въ моемъ сердцѣ исходило сіяніе, которое пронизывало всѣ мои члены. Это бѣлое сіяніе меня окутало всего, такъ что не я больше жилъ и правилъ въ плоти и крови моего тѣла, а огонь дитяти.

Этотъ огонь, братъ мой, живетъ и пребываетъ во мнѣ; онъ мною правитъ и меня наставляетъ, чтобы я могъ исцѣлять людей, больныхъ тѣломъ и душой. Съ тѣхъ поръ маленькое дитя больше никогда не приходило сидѣть у меня на колѣняхъ или играть у моихъ ногъ, и я знаю почему. Но дѣти земли бѣгутъ ко мнѣ и обнимаютъ меня своими нѣжными руками. Они приносятъ мнѣ большую радость; я вижу въ нихъ святое знаменіе и символъ того дитяти, которое родилось въ моемъ сердцѣ и часъ отъ часа растетъ.

Микаэль Вудъ.

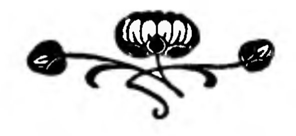
* * *

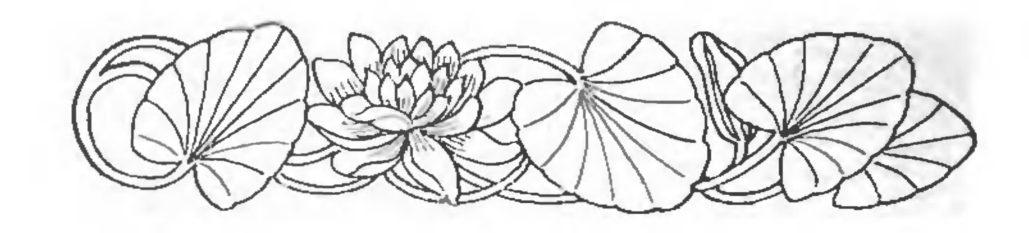
Когда съ неба спускаются тучи грозовыя
И отъ бури сгибается стонущій лѣсъ,
Волны на берегъ катятся мѣдно-лиловыя,
Скорбно плача въ отвѣтъ на рыданья небесъ,—
Слушай, слушай тогда, какъ, грозой пробужденная,
Начинаетъ природа вдругъ трепетно жить.
Въ каждой вѣткѣ стучитъ ея жизнь усыпленная,
Въ каждой травкѣ слагается пѣснь вдохновенная:
Это Богъ въ ней проснулся и сталъ говорить...

* * *

Когда на землю падаетъ горе тяжелое
И волной затопляетъ безсильныхъ людей,
И несется крикъ боли людской во вселенную,
Отражаясь громами небесными въ ней,—
Слушай, слушай печали аккорды пѣвучіе,
Въ нихъ любви и добра свѣтлый, вѣчный залогъ.
Мысль живую рождаютъ ихъ отблески жгучіе,
Въ каждомъ сердцѣ дрожатъ эти звуки могучіе,
Въ каждой чистой душѣ пробуждается Богъ!..

Л. Гернетъ.

Теософія въ Германіи.

Теософическое движеніе зародилось въ Германіи еще въ концѣ прошлаго вѣка. Образовались отдѣльные кружки, стремившіеся изучать Теософію и знакомить съ нею общество. Такъ, въ Берлинѣ былъ открытъ салонъ графини Брокдорфъ, въ которомъ собирались не только теософы, но и представители различныхъ литературныхъ направленій, поэты, художники, артисты. Здѣсь читались и доклады по Теософіи. Сильно заинтересованная Теософіей, графиня Брокдорфъ собрала цѣнную теософическую библіотеку, которую она *) затѣмъ пожертвовала Теософическому обществу. Такія собранія и чтенія происходили и въ двухъ-трехъ другихъ городахъ. Но всѣ эти начинанія были слабы; главный ихъ недостатокъ былъ тотъ, что всѣ эти кружки работали врозь и замкнуто, безъ взаимнаго общенія и безъ объединяющаго настроенія. Чуждый Теософіи духъ сепаратизма виталъ надъ этими кружками и мѣшалъ имъ слиться. Эта тенденція особенно ярко сказалась въ позиціи двухъ такихъ кружковъ, принявшихъ отъ всемірнаго Теософическаго Общества всѣ основныя его положенія и затѣмъ заявившихъ, что они ничего общаго не имѣютъ съ Обществомъ, отъ котораго почерпнули жизнь, и считаютъ себя новыми, независимыми теософическими обществами. Это настроеніе и вызвало въ Германіи къ жизни два, три теософическихъ органа, проповѣдующихъ совершенно тожественныя ученія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стоящихъ какъ бы совершенно отдѣльно другъ отъ друга, точно не одна Теософія въ мірѣ, а нѣсколько. Въ этихъ журналахъ замѣчается нерѣдко боевая, полемическая нота, стремленіе обосновать свое первенство въ дѣлѣ Теософіи и умаленіе заслугъ своихъ товарищей по работѣ. Все это ясно указываетъ, что хотя

*) Графиня Брокдорфъ недавно скончалась.

интересъ къ Теософіи въ Германіи зародился уже давно, но истиннаго пониманія духа этого великаго ученія почти ни у кого еще не было. Духъ этотъ—духъ объединяющій, духъ мира и любви. Тамъ, гдѣ нѣтъ его, нѣтъ истинной Теософіи.

Тѣмъ не менѣе за это время были сдѣланы цѣнныя попытки перевести теософическія книги на нѣмецкій языкъ, интересныя статьи и даже періодическія изданія. Укажемъ, какъ на одно изъ наиболѣе цѣнныхъ такихъ начинаній, на журнальчикъ „Lotusblüthen", о которомъ мы дадимъ отдѣльный отзывъ въ библіографическомъ отдѣлѣ „Вѣстника". Нельзя также не упомянуть цѣнные труды Франца Гартмана, давшаго рядъ интересныхъ научныхъ изслѣдованій древнихъ и средневѣковыхъ духовныхъ движеній. Между прочимъ, его книжечка „Populäre Theosophie" (Популярная Теософія) одна изъ лучшихъ книжекъ для начинающихъ.

Всѣ эти попытки были первыми сѣменами Теософіи; многіе изъ нихъ заглохли, но когда въ 1902 году работу взялъ въ руки докторъ *) Рудольфъ Штейнеръ, то почва оказалась вспаханной, и всходы скоро взошли.

Докторъ Рудольфъ Штейнеръ извѣстенъ въ Германіи какъ авторъ философскихъ трактатовъ (Wahrheit und Wissenschaft; Philosophie der Freiheit), какъ знатокъ древнихъ и средневѣковыхъ мистическихъ теченій и гностиковъ (Die Mystik; Cristenthum, als eine mystische Thatsache), какъ толкователь Гете (Das Märchen von der grünen Schlange; Faust) и какъ издатель оккультно-духовнаго журнала „Lucifer-Gnosis".

Шесть лѣтъ тому назадъ Р. Штейнеръ былъ выбранъ генеральнымъ секретаремъ только-что образовавшейся Нѣмецкой Секціи, и за этотъ короткій срокъ онъ сдѣлалъ работу по размѣрамъ почти сказочную. Онъ сплотилъ начинанія разбросанныхъ кружковъ, основалъ въ Берлинѣ сильное духовное ядро (Besant-Zweig), сдѣлавшійся центромъ движенія, и вызвалъ къ жизни рядъ новыхъ группъ, стройно объединяющихся вокругъ центра.

Въ 1905 г. было образовано въ Германіи уже 18 вѣтвей; всего 377 членовъ.

Въ 1906 г. было 24 вѣтви и 591 членъ.

Въ 1907 г. было 28 вѣтвей и 872 члена.

Въ настоящее время открылось еще нѣсколько теософическихъ кружковъ въ Германіи и въ Нѣмецкой Швейцаріи *). Число членовъ сильно возросло.

---

*) Докторъ философіи и математики.

*) Швейцарія еще не имѣетъ своей собственной секціи.

Чтобы имѣть представленіе о работѣ Р. Штейнера и о вліяніи его, стоитъ лишь просмотрѣть дѣловой органъ Нѣмецкой Секціи „Mittheilungen“ (Сообщенія), издаваемый М. Шоль для членовъ Секціи, въ которомъ печатаются отчеты всѣхъ открытыхъ собраній, съѣздовъ, лекцій и дается списокъ образующихся новыхъ кружковъ и вступающихъ членовъ. За текущій годъ (отъ сентября 1907 г. до марта 1908 г.) Р. Штейнеромъ прочитана масса лекцій на самыя разнообразныя духовныя и оккультныя темы въ разныхъ городахъ Германіи, Австріи и Швейцаріи. Онъ читалъ въ Берлинѣ, Штутгартѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Ганноверѣ, Гамбургѣ, Бременѣ, Прагѣ, Вѣнѣ, Будапештѣ, Грацѣ, Базелѣ, Бернѣ, Санъ-Галленѣ, Лугано, Нюренбергѣ, Мюнхенѣ, Дюссельдорфѣ, Эберфельдѣ, Боннѣ, Кёльнѣ, Франкфуртѣ, Висбаденѣ, Майнцѣ, Гейдельбергѣ, Карлсруэ, Мангеймѣ, Веймарѣ, Касселѣ. Въ Штутгартѣ, Гамбургѣ и Нюренбергѣ былъ прочитанъ цѣлый курсъ лекцій. Кромѣ того, лѣтомъ Р. Штейнеръ ѣздилъ въ Голландію, Данію, Норвегію и Швецію, гдѣ тоже читалъ цѣлый циклъ лекцій.

Въ октябрѣ въ Берлинѣ состоялся обычный съѣздъ, на которомъ бываетъ ежегодное общее собраніе членовъ Секціи. Одновременно Р. Штейнеръ читалъ рядъ лекцій на слѣдующія темы:

15 октября: Гдѣ и какъ обрѣтается Духъ?

22 октября: Тайное откровеніе Гете съ экзотерической точки зрѣнія.

31 октября: Тайное откровеніе Гёте съ эзотерической точки зрѣнія.

На текущую зиму докторомъ Штейнеромъ уже намѣчены слѣдующія темы:

1) Библія и Мудрость (Ветхій Завѣтъ).

2) Библія и Мудрость (Новый Завѣтъ).

3) Суевѣріе съ точки зрѣнія науки духа.

4) Вопросы питанія съ точки зрѣнія науки духа.

5) Вопросы здоровья съ точки зрѣнія науки духа.

6) Толстой въ свѣтѣ науки духа.

7) Практическое развитіе мышленія.

8) Невидимые члены человѣческой природы и практическая жизнь.

9) Тайна человѣческихъ темпераментовъ.

10) Загадки Гётевскаго Фауста съ точки зрѣнія экзотерической и эзотерической.

Вездѣ докторъ Р. Штейнеръ призываетъ къ духовной работѣ и къ перестройкѣ жизни во имя идеаловъ вѣчныхъ, и вездѣ

его вдохновенное слово создаетъ новыя и новыя ячейки жизни. Мы думаемъ, что для характеристики этой удивительной по силѣ и напряженію работы мы не можемъ найти выраженія, какъ то, которое дается Е. П. въ предисловіи къ лекціи доктора Штейнера „Культуры пятой расы *)". Приводимъ это мѣсто цѣликомъ:

„Лекціи доктора Штейнера производятъ глубокое впечатлѣніе своей новизной, могучей нравственной силой своихъ идей и неотразимой логикой. Но онъ проповѣдуетъ не какъ моралистъ. Его проповѣдь захватываетъ слушателей потому, что необходимость добра и правды на землѣ становится имъ какъ категорическій императивъ, внѣ котораго *невозможно* здоровое развитіе человѣчества. Смѣло раздвигая завѣсу, которая скрываетъ невидимые міры, онъ дѣлаетъ это всегда съ одной и той же цѣлью: чтобы показать, какая неизбѣжная связь существуетъ между помыслами и чувствами человѣка здѣсь на землѣ и всѣмъ тѣмъ, что происходитъ въ невидимыхъ мірахъ. Онъ яркими чертами рисуетъ передъ своими слушателями, *какъ* совершается круговоротъ жизни: свободное выполненіе на землѣ законовъ духа, иначе воли Божіей, вызываетъ благія условія въ невидимыхъ мірахъ, а эти послѣдніе, въ свою очередь, отражаются въ физическомъ мірѣ какъ благо, и, наоборотъ, нарушеніе духовныхъ законовъ человѣчествомъ влечетъ за собою нарушеніе порядка и гармоніи въ невидимыхъ мірахъ, что неизбѣжно отражается различными бѣдствіями и страданіями въ земной жизни человѣка".

Всѣ, кто слышали доктора Р. Штейнера, согласятся съ этой прекрасной характеристикой. Благодаря Р. Штейнеру въ Германіи выросло движеніе необычайно сильное по яркости, глубинѣ содержанія и оригинальности.

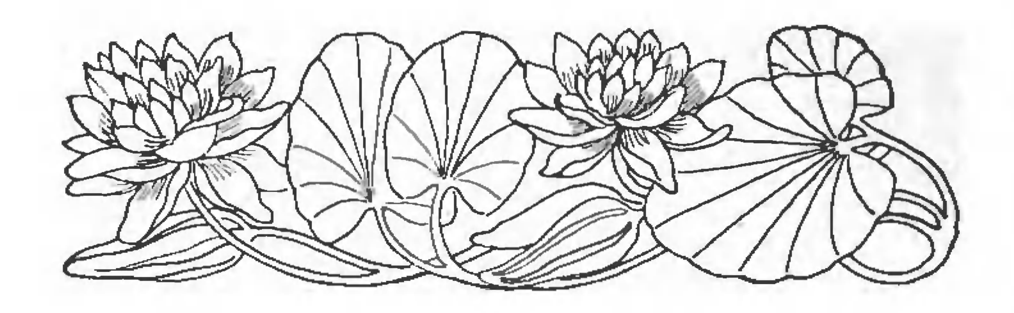
Въ Россіи интересъ къ вопросамъ Теософіи сильно растетъ, что сказывается въ цѣломъ рядѣ новыхъ теософическихъ изданій и въ письмахъ и запросахъ, получаемыхъ редакціей „Вѣстника Теософіи" изъ провинціи и изъ далекой окраины. Въ настоящее время въ С.-Петербургѣ образовалось *Россійское Теософическое Общество*, имѣющее тѣ же цѣли, что и Всеміpное Теософическое Общество *), и духовно къ нему примыкающее. Уставъ Общества отпечатанъ и желающіе могутъ его выписывать изъ редакціи.

Alba.

---

*) См. сборникъ „Вопросы Теософіи", выпускъ I.

*) Свѣдѣнія о немъ печатаются на обложкѣ каждаго № „Вѣстника".

Обозрѣніе теософической литературы.

Adyar Bulletin открывается Замѣтками Президента, только что вернувшагося изъ Австраліи. А. Безантъ провела октябрь въ Бенарессѣ, въ Сѣверномъ Теософическомъ центрѣ, гдѣ находится Центральная Индусская школа, ею учрежденная; въ ноябрѣ она вернется въ Адіаръ, гдѣ готовится въ этомъ году съѣздъ Индусской Секціи *).

А. Безантъ сообщаетъ, что Орденъ Служенія началъ дѣятельно работать въ Америкѣ, Англіи и Австраліи.

Въ Америкѣ составился Совѣтъ Національнаго Образованія, который задался цѣлью создать Теософическій Университетъ.

Въ Австраліи предложено учредить слѣдующіе союзы:

1. Союзъ введенія религіознаго и нравственнаго воспитанія въ школы и выработки подходящаго, для этой цѣли, учебника.

2. Союзъ христіанскаго объединенія въ Австраліи.

3. Союзъ посѣщенія больницъ, пріютовъ и тюремъ и сотрудничества съ обществами, преслѣдующими тѣ же цѣли.

4. Союзъ борьбы съ картежной игрой и пьянствомъ.

5. Союзъ борьбы со смертною казнью и борьбы за реформу въ положеніи преступниковъ.

6. Союзъ для распространенія идеи сожженія мертвыхъ.

7. Союзъ для учрежденія при Сидней'скомъ Университетѣ кафедры сравнительнаго изученія религій.

---

*) Какъ извѣстно, Индусская Секція собирается поочередно въ Бенарессѣ и Адіарѣ.

Въ Англіи создались слѣдующіе союзы:

1. Союзъ Національнаго образованія, который стремится: 1) ввести религіозное и нравственное воспитаніе въ школы и 2) содѣйствовать распространенію книгъ и статей по этому предмету.

2. Союзъ борьбы съ вивисекціей, съ оспопрививаніемъ и съ прививками другихъ болѣзней.

3. Союзъ содѣйствія разрѣшенію Соціальнаго вопроса. Этотъ союзъ будетъ распространять литературу этого вопроса, освѣщая его въ свѣтѣ Теософіи.

4. Союзъ изученія и распространенія Древней Восточной науки.

5. Союзъ въ помощь дѣтскому вопросу. Этотъ союзъ будетъ заботиться объ отсталыхъ и больныхъ дѣтяхъ, будетъ защищать дѣтей отъ эксплоатаціи и будетъ изучать все, что касается дѣтскаго вопроса.

Интересно, что уроженцы Австраліи вѣрятъ въ перевоплощеніе и говорятъ, что рождающіяся дѣти—это вернувшіеся на землю ихъ предки.

Въ отдѣлѣ „Теософія въ разныхъ странахъ" есть интересное письмо изъ Болгаріи. Авторъ разсказываетъ начало теософическаго движенія въ Болгаріи *) и вспоминаетъ историческое прошлое страны. Будучи на пути между Востокомъ и Западомъ, между Европой и Константинополемъ, между умирающей Византіей и возрожденной Германіей, Болгарія была какъ бы передаточнымъ пунктомъ, проводникомъ цивилизаціи и тайной литературы Востока Западу и Сѣверу. Знаменитый Симеонъ, правитель Болгаріи въ X вѣкѣ, перевелъ съ греческаго много мистическихъ книгъ; кромѣ того, онъ самъ много писалъ. Эти книги имѣли большое вліяніе на Западъ и на Сѣверъ, въ особенности на Россію.

Великая мистическая традиція Азіи, сыгравшая столь большую роль въ средніе вѣка въ Европѣ, проникла на Западъ черезъ Болгарію. Во главѣ мистическаго движенія въ Болгаріи стоялъ священникъ Богомилъ, необыкновенно образованный и духовный человѣкъ. По его имени и до сихъ поръ называется извѣстное духовное движеніе. Есть предположеніе, что къ этому теченію принадлежалъ и таинственный Баянъ, странствующій пѣвецъ, о ко-

*) Движенію въ Болгаріи „Вѣстникъ Теософіи" посвятилъ статью въ сентябрьскомъ №.

торомъ такъ часто упоминаютъ древнеславянскія былины и сказки. Въ теченіе двухъ вѣковъ Богомилы имѣли большое вліяніе на Болгарію. Нѣкоторые изъ нихъ, именуемые „совершенными", имѣли особую миссію, которая заставляла ихъ переходить съ мѣсто на мѣсто и учить. Богомилы приняли свое ученіе отъ Азіатскихъ Манихеевъ. Когда начались религіозныя гоненія, они отправились на Сѣверъ и на Западъ и тамъ основали новыя мистическія движенія. Древній городъ Софія, который въ настоящее время принялъ совершенно европейскій обликъ, имѣетъ улицу, названную по имени великаго мистика Богомила.

Другое интересное духовное движеніе, оставившее свои слѣды въ Болгаріи,—секта толка Павла, ведущая повидимому свою традицію отъ Ап. Павла. Въ Болгаріи существуетъ еще большое село, носящее названіе „Pavlikeny".

Авторъ даетъ свѣдѣнія о первыхъ шагахъ Теософіи въ Болгаріи, объ открытіи первыхъ теософическихъ центровъ и о теософической болгарской литературѣ.

Болгарія при возникновеніи своемъ была отдѣломъ Французской Секціи, но въ настоящее время, въ виду послѣдней резолюціи Совѣта Теософическаго Общества въ Бенарессѣ *), она непосредственно примкнула къ Адіару.

Въ „Teosophist'ѣ" есть очеркъ Эрнеста Эдней, посвященный лорду Бэкону. На основаніи всѣхъ послѣднихъ историческихъ изслѣдованій, авторъ склоненъ думать, что подъ именемъ лорда Бэкона жилъ великій мистикъ, имѣвшій громадное вліяніе на самыхъ выдающихся людей своего времени и давшій огромный импульсъ научно-философской современной мысли.

„Annales Théosophiques" представляетъ необыкновенно интересный №, заключающій статью Ж. Монье: „Св. Павелъ какъ мистикъ", статью Л. Лелê „Христіанская мистика" и статью Е. Марко: „Учителя мудрости и Теософія".

Ж. Монье прежде всего дѣлитъ мистиковъ на два разряда: на мистиковъ-созерцателей и на мистиковъ-практиковъ. Ап. Павла онъ относитъ ко второй категоріи вмѣстѣ со Св. Августиномъ, Св. Бернардомъ, авторомъ „Подражанія Христу" и Св. Терезой.

Мистику этихъ подвижниковъ онъ называетъ „мистикой динамической" и еще „мистикой духа". Духъ для апостола, по его

*) Совѣтъ Теософическаго Общества постановилъ, что кружки и члены въ странахъ, гдѣ нѣтъ еще Секціи, должны непосредственно примыкать къ центру Теософическаго Общества, къ Адіару (см. Vahan, № іюнь).

мнѣнію, есть внутренній Богъ и его воздѣйствіе на душу, воздѣйствіе Живаго Христа. Знаніе этого воздѣйствія даетъ религіозный опытъ, которымъ такъ сильны мистики этого типа. Признакомъ его является во внѣшней жизни гармонія, удивительное равновѣсіе, здоровье, ибо рожденіе духовное (въ смыслѣ той тайны, о которой рѣчь въ бесѣдѣ съ Никодимомъ) ведетъ непремѣнно за собой гармонизацію всей природы внутренней и внѣшней.

Авторъ вспомииаетъ духовныя переживанія Ап. Павла (Дѣяніе Ап. гл. XIII, 1; Посланіе къ Коринѳ. XII, 1—6 и 7—9; Дѣянія Ап. XXII, 17—22 и 6—10; посл. къ Кол. II, 1—1; посл. къ Римл. VIII, 25—26) и указываетъ на то, какую потрясающую реальность они имѣли для него. Внутренній голосъ ему постоянно даетъ указанія и повелѣнія; онъ присутствуетъ духомъ на собраніяхъ, молится съ ними и руководитъ ими въ то время, какъ его тѣло физическое находится совершенно въ иномъ мѣстѣ; онъ борется за тѣхъ, которыхъ онъ взялся духовно вести; онъ переживаетъ минуты экстаза, для передачи котораго у него нѣтъ словъ, и онъ не знаетъ, былъ ли онъ въ то время въ своемъ физическомъ тѣлѣ или вышелъ изъ него („только Богъ это знаетъ"). Въ посланіи къ Римлянамъ онъ говоритъ о высшемъ молитвенномъ состояніи.

Авторъ вспоминаетъ 4 стадіи молитвы, какъ ихъ развила Св. Тереза въ своей біографіи: сперва молитва трудная, на подобіе того, какъ лейка поливаетъ садъ подъ жгучимъ солнцемъ; вторая похожа на болѣе обильную поливку сада посредствомъ трубы; еще быстрѣе происходитъ орошеніе, когда земля изрыта канавами, это третья стадія; наконецъ ниспадаетъ дождь съ небесъ, который все возраждаетъ, это четвертая стадія.

Созерцая такую жизнь, какъ жизнь Ап. Павла, заканчиваетъ авторъ, испытываешь такое чувство, какъ будто стоишь передъ огромнымъ огнемъ, изъ котораго вылетаютъ миріады искръ. Эти огненныя искры и насъ зажигаютъ.

Въ своей статьѣ о христіанской мистикѣ Л. Лелё отмѣчаетъ присущую ей черту: универсальность, единство, которая по его мнѣнію сказывается какъ трансцедентная сила, воспринимаемая каждымъ человѣкомъ независимо отъ его расы и отъ его вѣроисповѣданія. Но авторъ оговаривается, что онъ имѣетъ въ виду христіанство въ его наиболѣе чистомъ и глубокомъ видѣ, тотъ духовный свѣтъ, который непосредственно передается какъ озаряющая сердце истина, какъ пламя отъ свѣчи къ свѣчѣ. Воинствующее христіанство, стоящее на буквѣ, а не на почвѣ духа, есть

болѣзнь, искажающая духовную красоту религіи. Это заблужденіе человѣка плоти, воспринявшаго христіанское ученіе внѣшнимъ, а не внутреннимъ образомъ, и вносящаго слабость и грѣхи своей непобѣжденной плоти въ вопросы духа. Чѣмъ человѣкъ болѣе одухотворяется, тѣмъ больше догма теряетъ свою силу надъ нимъ, тѣмъ больше человѣкъ живетъ „духомъ живымъ" и тѣмъ дальше онъ отходитъ отъ „мертвящей буквы". Христіаиство утверждаетъ законъ свободы, по которому каждый идетъ къ Богу тѣмъ путемъ, который ближе его душѣ, и этимъ самымъ приводитъ къ глубочайшему уваженію ко всѣмъ духовнымъ исканіямъ. Тамъ, гдѣ есть желаніе поработить духовныя искагія и насильно ихъ всѣ согнать въ одно русло, тамъ нѣтъ пониманія истиннаго христіанства. Этотъ воинствующій догматизмъ авторъ называетъ путемъ „сатанинскимъ", тѣмъ путемъ, противъ котораго возставали во всѣ времена Посланники Господа и въ борьбѣ съ которымъ принесъ себя въ жертву божественный Сынъ Человѣческій.

Что такое Христосъ?—спрашивалъ во II вѣкѣ мученикъ-философъ Юстинъ.—Это—отвѣчалъ онъ—Глаголъ-Разумъ, Свѣтъ всего человѣчества. Итакъ, человѣкъ, признающій Божественный Разумъ, непремѣнно христіанинъ, хотя бы его считали язычникомъ или атеистомъ. Тѣ же, кто не признали Божественнаго Разума, враги Христа, хотя бы они и называли себя христіанами. Признакъ христіанства—это освобожденіе отъ мрака и страха.

Что такое христіанство?—спрашиваетъ въ IV вѣкѣ Августинъ, епископъ Гиппонскій.—Это—отвѣчаетъ онъ—то, что во всѣ времена связывало разумъ человѣческій съ Разумомъ Божественнымъ. Это Религія, которая существовала въ мірѣ отъ самаго его начала до того времени, когда Разумъ Божественный—Христосъ проявился во плоти. Это проявленіе было названо христіанствомъ.

Всѣ великіе христіанскіе мыслители шли по стопамъ Юстина и Августина. На глубокомъ пониманіи явленія Христа они строили свое ученіе объ универсальности христіанства, ибо они были мистики, т. е. имѣли тотъ религіозный опытъ, который открываетъ пониманіе міра духовнаго. Они непосредственно соприкоснулись съ Истиной, и Истина ихъ освободила отъ путъ мертвящей буквы по слову Христа, сказавшаго: „Познайте Истину и Истина сдѣлаетъ васъ свободными".

Христіанская мистика, по мнѣнію автора, есть тоска по Небесной родинѣ и порывъ найти утерянный путь къ ней. Человѣкъ—то, что онъ любитъ; вся суть человѣка въ его любви. Любовь же есть постоянное отожествленіе себя съ любимымъ. Мистикъ, это

человѣкъ, такъ сильно стремящійся къ Богу, что вся его жизнь выливается въ одну силу: *любовь-волю.*

Въ мистикѣ есть теорія и практика, но интересно, что теорія вытекаетъ изъ практики, а не наоборотъ. Въ „безмолвіи" души человѣкъ слышитъ голосъ Бога; безмолвіе же обрѣтается духовнымъ опытомъ, сознательнымъ трудомъ подчиненія низшаго начала высшему и дѣятельнымъ стремленіемъ къ добру въ себѣ и вокругъ себя.

Мистики всѣхъ временъ звали къ очищенію страстей и къ нравственному совершенствованію, къ тому труду, который открываетъ намъ нашего внутренняго Бога.

„Божественный Свѣтъ и вѣчная красота—восклицаетъ Августинъ—столь стары и вѣчно новы; люди бы васъ нашли, если бы искали васъ въ себѣ самихъ. Но они никогда не погружаются въ себя, и оттого вы остаетесь для нихъ скрытымъ Богомъ"...

„Первый шагъ—говоритъ Св. Тереза—состоитъ въ томъ, чтобы отдѣлить себя отъ всѣхъ страстей и отъ всѣхъ внѣшнихъ заботъ. Затѣмъ надо признать свое ничтожество, ибо тотъ, кто много думаетъ о себѣ, идетъ къ погибели. Затѣмъ надо глубоко проникнуться чувствомъ Присутствія Божьяго и горячо желать войти въ общеніе съ Вѣчнымъ Царемъ, Отцомъ Небеснымъ. Что же такое это небо, на которомъ пребываетъ нашъ Божественный Отецъ? Это небо наша душа. Богъ всюду, и Августинъ, который тщетно искалъ Его внѣ себя, нашелъ Его только въ своемъ сердцѣ.

Авторъ перечисляетъ стадіи развитія мистика:

1) Отдаленіе отъ шума внѣшнихъ вещей, отъ личныхъ заботъ и переживаній и погруженіе въ глубокое молитвенное размышленіе, въ „*медитацію*". Это актъ сознанія и актъ воли, фазисъ очистительный. Для тѣхъ, въ комъ любовь и воля слабы, нужна цѣлая жизнь, можетъ быть рядъ жизней, чтобы совершить это духовное дѣланіе.

2) Медитація, сдѣлавшаяся привычкой, изъ фазиса очень активнаго переходитъ въ періодъ полуактивный, въ „*умную молитву*" (oraison mentale), при которой человѣкъ перестаетъ молиться словами, а пребываетъ лишь все время въ присутствіи Добра, на которое обращено все его внутреннее вниманіе.

3) Тогда наступаетъ *созерцаніе*, интенсивное зрѣніе Добра. Признакъ этого состоянія внутренній миръ. Человѣкъ пребываетъ въ безмолвіи храма и воспринимаетъ Святое Присутствіе. Но миръ то снисходитъ, то исчезаетъ. Состояніе души при исчезно-

веніи его называется Св. Іоанномъ Креста „духовною ночью", а Діонисомъ Ареопагитомъ—„божественнымъ мракомъ".

4) Созерцаніе приводитъ къ фазису *просвѣтлѣнія*, когда внутренній свѣтъ больше не покидаетъ мистика даже среди духовной ночи.

5) Просвѣтленіе сопровождается еще высшими состояніями: *экстазомъ, восторгомъ и блаженствомъ* (l'extase et le rapt, le ravissement). Въ океанѣ свѣта человѣкъ начинаетъ жить жизнью единой со всѣмъ сущимъ и сливается съ Богомъ. Какъ желѣзо въ раскаленной печкѣ краснѣетъ, блѣднѣетъ, сверкаетъ и какъ бы преображается въ пламя, оставаясь все же желѣзомъ, такъ и душа въ этой неизрѣченной славѣ, освободившись отъ всего земного, остается сама собой въ своей сущности, достигнувъ божественнаго состоянія; оставаясь отличной отъ Бога, она вмѣстѣ съ тѣмъ слилась съ Богомъ.

Центромъ всей духовной жизни—Любовь. Когда любовь наша, сдѣлавшаяся сверхличной, достигла высшаго своего напряженія, мы сливаемся въ духѣ со всѣмъ, что существуетъ. Тогда мы можемъ сказать съ Францискомъ Ассизскимъ: „Братья и сестры мои—цвѣты, рыбы, птицы, потоки, облака"... Съ тѣмъ большей силой мы можетъ сказать тогда людямъ: „Братья и сестры мои, мы всѣ дѣти Одного Отца". Мы будемъ тогда единымъ человѣчествомъ, которое надѣется и любитъ, мы совершимъ то, что Религія міра во всѣхъ своихъ храмахъ и святилищахъ привѣтствовала какъ „Общеніе Святыхъ".

Эти двѣ рѣчи особенно интересны намъ, какъ рѣчи двухъ извѣстныхъ представителей христіанскаго духовенства.

Въ статьѣ „Теософія и Учителя Мудрости" Э. Марко касается вопроса о сверхчеловѣчествѣ, какъ его понимали Ницше и Эмерсонъ, и, затѣмъ, какъ онъ вылился въ теософическомъ міропониманіи. Теософія утверждаетъ, что человѣчество во всѣ времена было руководимо Сверхчеловѣчествомъ. Въ эпоху духовныхъ кризисовъ, когда человѣчество теряло пути, являлись Учителя мудрости и Основатели великихъ религіозныхъ системъ, которые давали міру законы высшей жизни и звали его къ свободному духовному творчеству.

„Theosophical Review" даетъ интересныя свѣдѣнія о мистическомъ движеніи, извѣстномъ подъ именемъ „Манихейства", которое сочетаетъ въ себѣ маздаизмъ и древне-халдейскую теософію съ христіанскимъ гнозисомъ. Космогонія Манихейства глубоко мистична.

Н. Гернетъ даетъ очеркъ о Ярославѣ Мудромъ. Авторъ указываетъ на то, что Ярославъ воздвигъ два храма второму лицу Св. Троицы—Софіи: въ Кіевѣ и Новгородѣ, въ которыхъ остались удивительныя иконы Премудрости Божьей—Софіи. Въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ и сейчасъ сохранился этотъ древній образъ. Дѣва Софія стоитъ въ сіяніи. Къ ней поднимается лѣстница изъ семи ступеней. На первой начертано: Вѣра, на второй—Надежда, на третьей—любовь, на четвертой—Чистота, на пятой—Смиреніе, на шестой—Благодать, на седьмой—Слава. Ее окружаютъ семь столбовъ, на которыхъ начертаны мистическіе символы. Авторъ предполагаетъ, что Ярославъ былъ посвященный и что онъ зналъ „глубокимъ духовнымъ вѣдѣніемъ то единое Реальное, которое есть Бытіе, Любовь и Мудрость, то Единое Пламя, которое горитъ за всѣми алтарями".

Разсказъ „Бичъ духа" (М. Вуда) раскрываетъ тонкую психологію подвижника, котораго одолѣваетъ духовная гордость.

Дж. Мидъ (редакторъ обозрѣнія) посвящаетъ статью „безсмертной расѣ". Въ настоящее время многіе ожидаютъ великихъ событій и мечтаютъ о рожденіи новой расы. Это указываетъ на то, что человѣчество переживаетъ переломъ. Каждая нація, которая что-нибудь совершила, гордилась своей культурой и мечтала о спеціальной своей миссіи. Нѣкоторые народы считали себя особенно „избранными" отъ Бога. Но самая идея мессіанства была экзотерична и эзотерична. Экзотерическое ея выраженіе имѣло догматическую окраску; ея приверженцы вѣрили, что „избраніе" въ данномъ случаѣ было вопросомъ крови; болѣе глубокое, мистическое ея пониманіе привело къ мысли о вселенской, безсмертной расѣ, въ которую входятъ праведники всѣхъ націй, къ мечтѣ о вселенской Церкви, состоящей изъ всѣхъ, кто исполняетъ волю Божью. Тѣ, на комъ лежитъ божественная печать любви, тѣ, кто рождается для служенія и апостолата, всѣ принадлежатъ къ одной расѣ безъ различія національности, всѣ они родные другъ другу по крови и по духу.

Въ „Isis'ѣ" продолжаются статьи А. Ф. Ульрихъ: „Религія нашихъ предковъ". Настоящій очеркъ авторъ посвящаетъ религіозному міросозерцанію Поляковъ и Чеховъ.

По древнему преданію въ Европу явились два брата: Чехъ и Лехъ. Отъ Чеха произошли Чехи; отъ Леха—Поляки, которые долго носили названіе Леховъ (Ляхи). Въ историческомъ преданіи обоихъ народовъ есть поразительное сходство: король Крокъ въ Богеміи, король Кракъ или Кракусъ въ Польшѣ, собираетъ во-

кругъ себя народъ, начинаетъ строить города и обучать наукамъ и искусствамъ своихъ подданныхъ. У Крока три дочери; двѣ (Казя и Лекта, что означаетъ Чистая и Легкая) занятыя наукой и поклоненіемъ Силамъ природы, уступаютъ престолъ третьей, Любуссѣ (отъ Любы), которая начинаетъ править Чехами послѣ смерти Крока. У польскаго короля Крака, построившаго Краковъ, дочь, прекрасная Ванда, которая жертвуетъ собой для родины.

Авторъ видитъ въ этихъ сказаніяхъ глубокій символизмъ. Крокъ и Кракъ происходятъ отъ глагола Krocic, итти впередъ. Слѣдовательно, они означаютъ движеніе впередъ, процессъ эволюціи. Три дочери—это три міра; міры ментальный и астральный не проявляются видимо для насъ, міръ же физическій олицетворяется царицей земли Любой. Интересно, что одно изъ названій земли по санскритски Prithivi, отъ prija, любимое.

Польскій миѳъ о Кракѣ и прекрасной Вандѣ имѣетъ также космическое значеніе; здѣсь мы встрѣчаемся съ сказаніемъ о драконѣ, который побѣжденъ силой Крака, что свидѣтельствуетъ о высотѣ Крака, въ которомъ авторъ видитъ посвященнаго, руководившаго зачинающейся польской культурой. Этотъ миѳъ относится къ южному циклу древнихъ польскихъ сказаній. Сѣверный циклъ, имѣющій нѣсколько иной характеръ, интересенъ намъ какъ носящій на себѣ явные слѣды знанія закона Кармы.

„Hindu College Magazine“ перепечатываетъ изъ Индусской газеты „Защитникъ“ статью, посвященную новой женской школѣ (Central Hindu Girls School) въ Бенарессѣ, недавно основанной усиліями А. Безантъ и миссъ Ф. Арундэль. Статья указываетъ на трудность созданія такой школы при отсутствіи большихъ капиталовъ; вся школа держится на идейномъ, безвозмездномъ трудѣ теософовъ-учредителей. Ея открытіе въ высшей степени своевременно, такъ какъ до сихъ поръ въ Индіи женское образованіе совершенно не организовано. Авторъ горячо привѣтствуетъ начинанія Теософическаго Общества, успѣвшаго создать уже цѣлый рядъ полезныхъ просвѣтительныхъ учрежденій въ Индія.

Въ „Lotus-Journal“, журналѣ для юношества, даются свѣдѣнія о дѣятельности „Круглаго Стола“--союза, объединяющаго юношество, желающее начать активное служеніе міру *). Образовалась уже третья группа, примкнувшая къ духовному союзу „Круглаго Стола“, девизъ котораго „Слѣдуй за Королемъ“. Эта группа ставитъ себѣ цѣлью защиту жизни. Она будетъ бороться

*) Подробности даны въ „Вѣстникѣ Теософіи“, № 9, стр. 71.

со злыми забавами (охотой, рыбной ловлей), съ убоемъ скота ради ѣденія мяса и съ жестокостью во всѣхъ ея проявленіяхъ и видахъ.

Маленькій журналъ болгарскій „Путь въ тебѣ" нѣсколько расширился и украсился. Онъ даетъ Бхагаватъ-Гиту (въ отрывкахъ), обозрѣніе теософической литературы, древнее сказаніе Марка Криницкаго и въ видѣ приложенія „Эзотерическое христіанство", А. Безантъ, и „Астральный міръ" Ледбитера. Журналъ открылъ отдѣлъ вопросовъ и отвѣтовъ.

Въ „Теософской Жизни" продолжаются статьи В. И. Ш. (Борьба духа съ матеріей), Н. Рышковскаго (Индивидуальность и безсмертіе), Какъ достигается познаніе высшихъ міровъ д-ра Штейнера (пер. А. Борніо) и Оккультизмъ и его отношеніе къ христіанству (А. Кэллетъ). Идетъ также статья Раатца: Семиричная организація человѣка. Книжка заканчивается очень задушевно написанной статьей В. И. Ш. „Да будетъ свѣтъ!", въ которой авторъ выражаетъ надежду на широкое распространеніе духовныхъ знаній въ Россіи и призываетъ къ объединенію всѣхъ работающихъ на этой нивѣ.

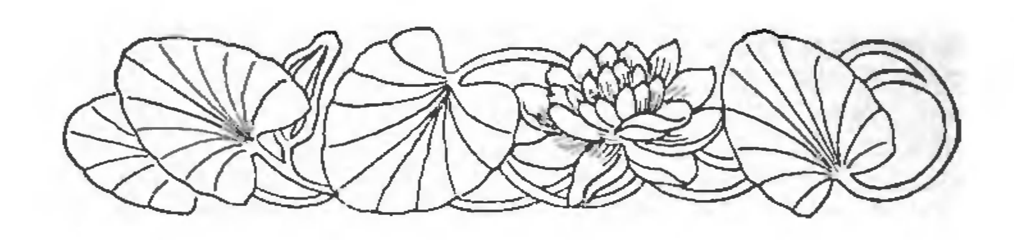
„Наше скромное общество, такъ заканчиваетъ авторъ свою статью, вступая, съ Божіей помощью, во второй годъ своего существованія, шлетъ всѣмъ братьямъ по духу и стремленіямъ свой сердечный братскій привѣтъ съ горячимъ призывомъ на соединенную работу въ Божіемъ виноградникѣ; любовь, все животворяющая, ведущая къ подвигамъ добра, да свяжетъ насъ въ одну общую братскую семью, всѣ помыслы которой направлены къ исканію истины, познанію Бога-Творца, съ лозунгомъ путеводительнымъ: „да будетъ свѣтъ!".

Мы только-что узнали, что „Теософическое Обозрѣніе" прекращаетъ свое существованіе. Вмѣсто него будетъ выходить (дважды въ мѣсяцъ) журналъ „Міръ" (литературно-художественный, научно-популярный, политико-экономическій и критико-библіографическій журналъ) *), въ программу котораго Теософія, если и войдетъ, то повидимому лишь какъ второстепенный отдѣлъ, о чемъ мы искренне сожалѣемъ. За годъ своего существованія „Теософическое Обозрѣніе" многихъ познакомило съ основными положеніями и съ настроеніемъ Теософическаго міропониманія, и, такимъ образомъ, внесло свою лепту въ родившееся въ Россіи Теософическое движеніе.

Alba.

---

*) Выписка изъ нами полученнаго отъ г. Богушевскаго объявленія.

Геккель, міровыя загадки и Теософія.

Д-ра Р. Штейнера.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

(Рефератъ, прочтенный д-ромъ Рудольфомъ Штейнеромъ въ Берлинѣ 5-го октября 1905 года).

Говоря сегодня на тему „Геккель, міровыя загадки и Теософія", я знаю, что для изслѣдователя духовной жизни тема эта представляетъ большія трудности и что выводы мои, быть можетъ, возбудятъ сильное недовольство въ людяхъ самыхъ противоположныхъ взглядовъ. Но тѣмъ не менѣе мнѣ кажется необходимымъ высказаться на эту тему съ теософической точки зрѣнія, такъ какъ „евангеліе", возвѣщенное Геккелемъ въ его книгѣ „Міровыя загадки", получило доступъ къ тысячамъ и тысячамъ людей. Въ короткое время разошлись десять тысячъ экземпляровъ „Міровыхъ загадокъ", и книга переведена на множество языковъ. Рѣдкій случай, чтобы такое серьезное сочиненіе нашло столь широкій сбытъ. Если Теософія хочетъ ясно опредѣлить свои цѣли, то она должна считаться съ подобнымъ явленіемъ и выяснить свое собственное положеніе по отношенію къ нему. Прибавимъ, что само по себѣ теософическое міросозерцаніе имѣетъ цѣлью не борьбу, а примиреніе и согласованіе противоположностей.

Надо замѣтить, что я нахожусь въ особенномъ положеніи относительно міровоззрѣнія Эрнста Геккеля. Я знаю тѣ впечатлѣнія и чувства, которыя въ наше время, какъ бы волшебной силой, влекутъ человѣка, отчасти благодаря его научному сознанію, отчасти благодаря всеобщему настроенію, къ тѣмъ простымъ и великимъ концепціямъ, изъ которыхъ складывается міровоззрѣніе

Геккеля. И я бы не рѣшился такъ безпристрастно говорить сегодня, если бы я былъ по отношенію къ Геккелю тѣмъ, кого называютъ противникомъ, и если бы я не зналъ прекрасно, чего можно достигнуть, если вдуматься въ удивительное построеніе его идей.

Прежде всего тотъ, кто съ полнымъ сознаніемъ относится къ развитію духовной жизни, не можетъ не признать моральнаго значенія за дѣятельностью Геккеля. Съ громадной энергіей въ теченіе многихъ лѣтъ боролся этотъ человѣкъ за свое міровоззрѣніе, боролся упорно, защищаясь въ то же время отъ различныхъ непріятностей, идущихъ ему навстрѣчу. Съ другой стороны мы не въ правѣ отрицать за Геккелемъ большой способности къ синтетическому построенію, къ синтетическому мышленію. Онъ обладаетъ въ полной мѣрѣ тѣмъ, чего недостаетъ многимъ другимъ естествоиспытателямъ. Онъ осмѣлился, несмотря на то, что въ послѣднія десятилѣтія собственно научныя теченія были противъ подобнаго предпріятія, резюмировать результаты своихъ изслѣдованій, построивъ на основѣ ихъ законченное міровоззрѣніе. Это должно быть признано изъ ряда вонъ выходящимъ поступкомъ. Но говоря о Геккелѣ, я ставлю себя въ особое положеніе и относительно теософическаго міросозерцанія. Тотъ, кто знакомъ съ развитіемъ нашего теософическаго движенія, тотъ знаетъ, какіе рѣзкіе протесты и какое противодѣйствіе были направлены со стороны теософіи противъ выводовъ, сдѣланныхъ Геккелемъ въ его сочиненіи, и даже именно со стороны основательницы теософическаго движенія Е. П. Елаватской. Противъ немногихъ явленій изъ области научнаго міровоззрѣнія боролось эзотерическое ученіе съ такой страстностью, какъ противъ положеній Геккеля. Я могу подчеркнуть свое безпристрастіе по этому поводу, такъ какъ думаю, что отчасти въ моемъ сочиненіи „Геккель и его противники", отчасти же въ книгѣ о міросозерцаніи XIX вѣка я отдалъ полную справедливость всему, что есть вѣрнаго въ міровоззрѣніи Геккеля. Мнѣ кажется, что я выдѣлилъ въ его сочиненіяхъ то, что является въ нихъ непреходящимъ и плодотворнымъ. Взгляните на общій характеръ міросозерцанія въ Европѣ, поскольку оно опирается на научную основу.

Еще въ первой половинѣ XIX-го вѣка направленіе умовъ было совершенно инымъ, чѣмъ во второй, и появленіе Геккеля какъ разъ совпало съ тѣмъ временемъ, когда очень легко было дать матеріалистическое истолкованіе, такъ-называемому, дарвинизму, тогда бывшему еще молодымъ направленіемъ. Кто пойметъ, какъ

естественно было объяснять матеріалистически всѣ естественно научныя открытія въ ту эпоху, когда Геккель выступилъ въ области естествознанія молодымъ послѣдователемъ-энтузіастомъ, тотъ пойметъ и его матеріалистическую тенденцію и предпочтетъ путь примиренія борьбѣ. Если вы обратитесь къ тѣмъ, кто въ серединѣ XIX-го вѣка свободнымъ взглядомъ окидывалъ великія проблемы человѣчества, то вы увидите два слѣдующихъ факта. Съ одной стороны полное отреченіе отъ высшихъ вопросовъ бытія, признаніе невозможности съ научной точки зрѣнія разрѣшить вопросы божественнаго міропорядка, безсмертія, свободы воли, происхожденія жизни—однимъ словомъ собственно міровыя загадки. Съ другой стороны, на ряду съ этимъ духомъ отреченія, вы найдете еще остатки старой религіозной традиціи даже у естествоиспытателей. Смѣлое стремленіе впередъ, при изслѣдованіи міровыхъ вопросовъ съ научной точки зрѣнія, вы найдете въ первой половицѣ XIX-го вѣка только у нѣмецкихъ философовъ, какъ напримѣръ, у Шеллинга, Фихте, а также у Окена, который былъ одинаково свободнымъ мыслителемъ во всѣхъ областяхъ жизни. Что у современныхъ естествоиспытателей имѣетъ притязаніе на обоснованныя міровоззрѣнія, то въ общихъ чертахъ вы уже можете найти у Окена. Но и здѣсь всюду еще чувствуется особое вѣяніе; еще живо здѣсь ощущеніе стараго спиритуализма, утверждающаго, что за всѣмъ, что можно воспринимать внѣшними чувствами и изслѣдовать инструментами, скрывается нѣчто духовное. Самъ Геккель постоянно разсказываетъ, какъ это специфическое вѣяніе еще проникало умъ его великаго учителя, незабвеннаго естествоиспытателя Іоганна Мюллера. Вы можете прочесть у Геккеля, что когда въ берлинскомъ университетѣ онъ работалъ у Іоганна Мюллера и изучалъ анатомію животныхъ и человѣка, ему бросилось въ глаза большое сходство не только внѣшней формы, но и того, что составляетъ содержаніе этой формы, какъ бы ея скрытую тенденцію. И когда онъ высказалъ своему учителю, что это указываетъ на таинственное сродство животнаго и человѣка, то Іоганнъ Мюллеръ, который такъ глубоко всматривался въ явленія природы, отвѣтилъ ему, что тотъ, кто когда-нибудь раскроетъ тайну происхожденія видовъ, достигнетъ высшаго.

Нужно только вдуматься въ состояніе ума подобнаго ученаго, который, очевидно, не остановился бы ни передъ чѣмъ, если бы для него явилась надежда проникнуть въ тайну. Въ другой разъ, когда учитель и ученикъ совершали научную экскурсію, Геккель

опять завелъ рѣчь о томъ, какое большое сходство, заставляющее предполагать родство, существуетъ между извѣстными видами животныхъ, и вновь Іоганнъ Мюллеръ отвѣтилъ ему подобнымъ же образомъ. Этимъ я хотѣлъ только дать нѣкоторую характеристику того времени. Почитайте какого угодно выдающагося естествоиспытателя первой половины XIX-го вѣка, напримѣръ Бурдаха, и вы найдете, несмотря на тщательную разработку всѣхъ естественно-научныхъ деталей, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится объ органическомъ мірѣ, постоянное указаніе на то, что тутъ дѣйствуютъ не одни только физическія и химическія силы, но привходитъ и нѣчто высшее.

Но съ изобрѣтеніемъ микроскопа, который далъ человѣку возможность всмотрѣться въ своеобразное строеніе живыхъ существъ, когда увидѣли, что имѣютъ дѣло съ тонкими тканями, состоящими изъ мельчайшихъ организмовъ, все измѣнилось. Физическое тѣло, которое служитъ одеждой растеніямъ и животнымъ, разлагается для естествоиспытателя на клѣточки. Открытіе жизни клѣточекъ было сдѣлано въ концѣ тридцатыхъ годовъ XIX-го вѣка, и, благодаря тому, что чувственнымъ образомъ, путемъ микроскопа, пришли къ признанію жизни мельчайшихъ организмовъ, легко и естественно было позабыть и упустить изъ вида то, что въ самихъ этихъ существахъ дѣйствуетъ въ качествѣ организующаго начала, такъ какъ это начало не могло быть познано ни физическимъ чувствомъ, ни вообще какимъ бы то ни было внѣшнимъ образомъ.

Тогда еще дарвинизмъ не появился, но подъ вліяніемъ этого великаго открытія въ области чувственнаго изслѣдованія, въ сороковыхъ—пятидесятыхъ годахъ, образовалось матеріалистическое естествознаніе. Стали думать, что, исходя изъ того, что можно воспринять и объяснить чувственнымъ образомъ, можно объяснить и весь міръ. То, что сегодня большинству представляется просто дѣтскимъ, тогда вызвало много шума и явилось въ нѣкоторомъ родѣ евангеліемъ для людей того времени. Сила и матерія, Бюхнеръ, Молешоттъ—таковы были боевые девизы и руководящія величины. Предполагать что-либо по ту сторону нагляднаго чувственнаго воспріятія, на ряду съ тѣмъ, что можно было детально изслѣдовать зрѣніемъ, считалось проявленіемъ ребяческой фантазіи раннихъ эпохъ человѣчества.

Не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ вида, что рядомъ съ логическими разсужденіями и съ научнымъ изслѣдованіемъ въ

развитіи міровоззрѣнія играютъ большую роль также и чувства и ощущенія.

Весьма заблуждается тотъ, кто думаетъ, что системы міровоззрѣнія вырабатываются исключительно на основаніи смѣлыхъ выводовъ сужденія. Можно смѣло сказать, что тутъ всегда играютъ роль также влеченія сердца и скрытыя основы воспитанія мысли. Въ послѣдней фазѣ своего развитія человѣчество прошло черезъ матеріалистическое воспитаніе. Начало его отодвигается далеко назадъ, но въ то время, о которомъ мы говоримъ, оно достигло своей высшей точки. Мы называемъ эту эпоху матеріалистическаго воспитанія эпохой просвѣщенія.

Человѣкъ долженъ былъ научиться—и это было послѣднимъ слѣдствіемъ именно христіанскаго міровоззрѣнія — чувствовать себя хорошо на твердой почвѣ дѣйствительности. Того Бога, котораго онъ такъ долго искалъ за облаками, онъ долженъ былъ теперь искать въ себѣ самомъ. Это оказало глубокое вліяніе на все развитіе мысли въ XIX-мъ вѣкѣ, и тотъ, кто хочетъ, какъ психологъ, изучать эту эпоху, тотъ долженъ всѣ явленія того времени, какъ, напримѣръ, освободительное движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, принимать только какъ отдѣльные закономѣрно наступающіе бурные періоды въ развитіи сознанія важнаго значенія физической реальности. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такимъ направленіемъ воспитанія человѣчества, которое съ силой вырвало изъ сердца человѣка всякое стремленіе къ высшей, духовной жизни.

Такимъ образомъ, заключеніе, что міръ состоитъ сплошь изъ чувственныхъ явленій, не вытекло изъ естественныхъ наукъ, но, наоборотъ, согласно направленію того времени, всѣ факты естествознанія были объяснены матеріалистически. И кто безпристрастно изучитъ эти вещи, тотъ увидитъ, что я правъ, хотя въ одинъ короткій часъ я не успѣю высказаться обо всемъ подробно.

Съ этимъ періодомъ матеріализма совпадаютъ большіе успѣхи въ области естественныхъ наукъ, астрономіи, физики и химіи, достигнутые благодаря спектральному анализу, развитію теоретическаго изученія теплоты и созданію ученія объ эволюціи живыхъ существъ, называемаго теоріей Дарвина. Если бы эти открытія произошли въ то время, когда образъ мыслей былъ таковъ, какъ на границѣ XVIII и XIX-го вѣковъ, когда настроеніе было еще болѣе духовнымъ, то въ этихъ же самыхъ открытіяхъ нашли бы достаточно доказательствъ господства и дѣйствія духа въ природѣ. Удивительныя открытія естествознанія послужили бы именно

доказательствомъ первенства духа. Изъ этого видно, что сами по себѣ естественно-научныя открытія не ведутъ необходимо и при всѣхъ обстоятельствахъ къ матеріализму, но благодаря тому, что многіе представители умственной жизни того времени были настроены матеріалистически, ихъ открытія получили матеріалистическое же толкованіе. Матеріализмъ былъ „введенъ“ въ естествознаніе, и такіе ученые, какъ Эрнстъ Геккель, восприняли его безсознательно. Даже само открытіе Дарвина не должно было бы привести къ матеріализму.

Въ его первомъ сочиненіи мы находимъ слѣдующее мѣсто:

„Я того мнѣнія, что всѣ живыя существа, которыя когда-либо были на землѣ, ведутъ свое происхожденіе отъ одной основной формы, въ которую Творецъ вдохнулъ жизнь“. Эти слова стоятъ въ книгѣ Дарвина „о происхожденіи видовъ“,—сочиненіи, которое матеріализмъ дѣлаетъ своей опорой. Ясно, что тотъ, кто встрѣтилъ эти открытія какъ матеріалистическій мыслитель, долженъ былъ придать и дарвинизму матеріалистическую окраску. Свою настоящую матеріалистическую тенденцію дарвинизмъ получилъ благодаря матеріалистическому смѣлому образу мышленія Геккеля.

Большое впечатлѣніе произвело въ 1864 году сообщеніе Геккеля о связи человѣка съ высшими животными (обезьянами). Въ то время подобное заявленіе не могло имѣть иного смысла, какъ тотъ, что человѣкъ происходитъ отъ высшихъ животныхъ. Но съ тѣхъ поръ въ мысли человѣческой совершилась своеобразная эволюція. Геккель остался при убѣжденіи, что человѣкъ происходитъ отъ высшихъ животныхъ, тѣ въ свою очередь отъ животныхъ низшихъ, а эти низшія отъ простѣйшихъ живыхъ существъ.

Такимъ образомъ онъ выводитъ всю родословную человѣка. Духъ былъ изгнанъ изъ міра и остался только какъ форма матеріальныхъ явленій. Но Геккель ищетъ выхода изъ такого положенія, допуская въ самомъ себѣ, на ряду съ матеріалистически мыслящей душой, еще другую, особаго рода душу чувствующую, склонную къ спиритуализму. Оба эти элемента никогда не могли достигнуть въ немъ братскаго единенія. Отсюда вытекаетъ, что Геккель даже мельчайшимъ живымъ организмамъ приписываетъ нѣкотораго рода сознаніе; но тутъ остается необъяснимымъ, какимъ образомъ сложное человѣческое сознаніе развивается изъ сознанія этихъ мельчайшихъ живыхъ существъ.

Однажды Геккель сказалъ въ разговорѣ: „нѣкоторыхъ отталкиваетъ мой матеріализмъ, но вѣдь я же не отрицаю духа, я

не отрицаю жизни; я хотѣлъ бы только, чтобы люди вдумались въ тотъ фактъ, что какъ скоро въ реторту помѣщены реагирующіе другъ на друга вещества, такъ сейчасъ же все въ ней оживаетъ и движется". Этотъ примѣръ показываетъ ясно, что у Геккеля, кромѣ мыслящей души научнаго изслѣдователя, есть еще и чувствующая душа спиритуалиста. Однимъ изъ тѣхъ, которые при появленіи теоріи Дарвина тоже выводили происхожденіе человѣка отъ высшихъ животныхъ, былъ англійскій ученый Гексли. Это ему принадлежитъ утвержденіе, что то сходство, которое существуетъ между человѣкомъ съ высшимъ животнымъ, больше, чѣмъ сходство между высшими и низшими видами обезьянъ, а что изъ этого можно сдѣлать лишь одинъ выводъ: что человѣкъ происходитъ отъ высшихъ животныхъ. За послѣднее время изслѣдователи открыли новые факты, и тѣ направленія, которыя въ теченіе столѣтій воспитывали сердце и душу человѣка, теперь измѣнились. Результатомъ этого измѣненія для Гексли былъ тотъ необычайный для него взглядъ, который онъ высказалъ въ девяностыхъ годахъ, незадолго до своей смерти: „итакъ мы видимъ, что въ природѣ можно наблюдать цѣлую лѣстницу живыхъ существъ, отъ простѣйшихъ и наименѣе совершенныхъ до сложныхъ и совершеннѣйшихъ. Этотъ рядъ мы можемъ прослѣдить. Но почему бы не продолжаться ему и въ той области, которая не доступна нашему наблюденію?"

Въ этихъ словахъ указанъ путь, на которомъ человѣкъ, исходя изъ естествознанія, можетъ подняться до идеи божественнаго существа, стоящаго высоко надъ человѣкомъ—существа, которое настолько же выше человѣка, насколько этотъ послѣдній выше простой клѣточки.

Гексли сказалъ однажды: „я предпочитаю происходить отъ животноподобныхъ предковъ, чѣмъ отъ такихъ, которые отрицаютъ человѣческій разумъ". Таково измѣненіе, происшедшее въ понятіяхъ и чувствахъ людей нашего поколѣнія.

Геккель продолжалъ изслѣдованіе въ своемъ духѣ. Уже въ 1867 году обнародовалъ онъ свою популярную книгу „Естественная исторія творенія". Многому можно изъ нея научиться. Можно узнать, какъ закономѣрно связаны между собой въ природѣ всѣ живыя существа; можно заглянуть въ смутныя эпохи прошлаго, привести живое въ связь съ уже вымершимъ, отъ котораго на землѣ сохранились лишь послѣдніе остатки. Все это въ точности было постигнуто Геккелемъ. Дальнѣйшее, имѣющее всемірноисторическое значеніе, могу пояснить лишь сравненіемъ. Тотъ,

кто пожелаетъ разобраться въ этомъ вопросѣ, увидитъ, что это сравненіе не хуже многихъ другихъ, которыя, несмотря на присущіе всѣмъ сравненіямъ недостатки, все же могутъ быть признаны удачными.

Представьте себѣ историка искусства, который захотѣлъ бы описать вамъ всю великую область живописи, начиная отъ Леонардо да Винчи и до нашихъ дней, въ прекрасномъ художественномъ изложеніи. Все, что было создано въ этомъ направленіи, предстало бы передъ вашей душой, и вамъ бы казалось, что вы непосредственно наблюдаете за свободно развивающимся движеніемъ человѣческаго духа. Представьте себѣ затѣмъ, что приходитъ нѣкто и говоритъ объ этомъ описаніи слѣдующее; „все, что изображаетъ вамъ здѣсь историкъ искусства—неправда; ничего подобнаго не было, это просто описаніе фантастическихъ образовъ, которымъ ничто не соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности, и мнѣ нѣтъ никакого дѣла до такихъ фантазій. Чтобы получить вѣрный очеркъ исторіи искусства, нужно изслѣдовать самую дѣйствительность. Поэтому я лучше подвергну анализу останки самого Леонардо да Винчи, попробую вновь возстановить его тѣло и изслѣдую составъ его мозга и какъ именно онъ работалъ“.

Такимъ образомъ однѣ и тѣ же вещи будутъ описаны историкомъ искусства и анатомомъ. Тутъ можетъ и не быть никакой ошибки, все можетъ происходить совершенно правильно. Въ результатѣ историкъ-анатомъ увѣряетъ, что мы должны бороться не на животъ, а на смерть съ росказнями идеалистически настроенныхъ историковъ искусства; мы должны бороться съ этой фантазіей, которая является почти столь же грубымъ суевѣріемъ, какъ если бы мы представили себѣ, что рядомъ съ тѣломъ Леонардо да Винчи еще существуетъ нѣкій газообразный вихрь, изображающій душу. Это сравненіе удачно, хотя оно можетъ показаться нелѣпымъ. Въ точно такомъ положеніи находится каждый, кто утверждаетъ исключительную истинность геккелевской естественной исторіи творенія. И съ нимъ нельзя бороться путемъ указанія ошибокъ. Такія ошибки могутъ, разумѣется, быть, но не въ нихъ дѣло. Важно то, что все доступное чувственному изслѣдованію впервые было представлено въ своей внутренней связи. Въ общихъ чертахъ это и было сдѣлано Геккелемъ. Это сдѣлано такъ, что каждый, кто только желаетъ, можетъ увидѣть, какъ именно духъ дѣйствуетъ при образованіи формы тамъ, гдѣ, повидимому, царитъ и движется только одна матерія. Изъ этого

можно многому научиться, можно получить понятіе о томъ, какъ путемъ серьезнаго, упорнаго труда можно постигнуть умомъ внутреннюю связь матеріальныхъ явленій. Тотъ, кто прослѣдитъ антропогенезисъ Геккеля, тотъ увидитъ, какъ создается форма, начиная отъ простѣйшихъ до сложнѣйшихъ организмовъ и кончая человѣкомъ. Но тотъ, кто къ словамъ мыслителя матеріалиста сумѣетъ присоединить духъ, тотъ въ ученіи Геккеля сможетъ изучать прекраснѣйшую элементарную Теософію.

Результаты изслѣдованій Геккеля представляютъ собой какъ бы первую главу Теософіи. Изучая его сочиненія, можно лучше чѣмъ какимъ бы то ни было инымъ способомъ уяснить себѣ развитіе и измѣненіе органическихъ формъ. И мы имѣемъ полное основаніе, чтобы показать, какіе великіе результаты были достигнуты успѣхами этихъ углубленныхъ естественно-научныхъ изслѣдованій.

Въ то время, когда Геккель воздвигалъ свое удивительное зданіе, къ глубочайшимъ вопросамъ человѣчества относились какъ къ неразрѣшимымъ проблемамъ.

Въ 1872 году Дюбуа Реймондъ (Dubois Reymond), въ риторически блестящей рѣчи, высказался о границахъ естественно-научныхъ изслѣдованій и объ естествознаніи вообще. Мало о чемъ такъ говорили за послѣднія десятилѣтія, какъ объ этой рѣчи, съ ея знаменитымъ—„Ignorabimus“. Она является важнымъ фактомъ и представляетъ собой существенный контрастъ ходу развитія мысли Геккеля и его ученію о происхожденіи человѣка. Въ другой своей рѣчи Дюбуа Реймондъ выставилъ, какъ великія проблеммы бытія, на которыя естествознаніе или совсѣмъ не можетъ отвѣтить, или отвѣчаетъ только отчасти, слѣдующія „Семь міровыхъ загадокъ“:

1. Происхожденіе силы и матеріи.

2. Какимъ образомъ неподвижной матеріи сообщилось первое движеніе?

3. Какъ въ нѣдрахъ этой подвижной матеріи возникла жизнь?

4. Какъ объясняется тотъ фактъ, что въ природѣ существуетъ многое, что носитъ печать цѣлесообразности, присущей обыкновенно только разумной дѣятельности человѣка?

5. Если бы мы изслѣдовали нашъ мозгъ, то не нашли бы въ немъ ничего, кромѣ снующихъ другъ вокругъ друга маленькихъ шариковъ; какимъ же образомъ эти шарики производятъ то, что я вижу „красный цвѣтъ“, слышу звуки органа, ощущаю боль и т. д.? Представте себѣ вращающіеся атомы и вамъ тотчасъ же

станетъ ясно, что изъ нихъ никогда не можетъ возникнуть ощущенье, которое выражается словами: „я вижу красный цвѣтъ, я обоняю запахъ розъ“ и т. п.

6. Какимъ образомъ въ живыхъ существахъ развиваются разсудокъ, разумъ и языкъ?

7. Какъ можетъ возникнуть свободная воля въ существѣ, которое до такой степени связано, что каждое его дѣйствіе должно быть вызвано вращеніемъ атомовъ?

Въ связи съ этими „міровыми загадками“ Дюбуа Реймонда, Геккель назвалъ свою книгу—„Міровыя загадки“. Онъ хотѣлъ дать ею отвѣтъ на выводы Дюбуа Реймонда. Въ рѣчи этого послѣдняго о границахъ естествознанія есть одно особенно важное мѣсто. Обратимъ на него вниманіе, и оно приведетъ насъ къ Теософіи. Когда въ Лейпцигѣ Дюбуа Реймондъ говорилъ передъ естествоиспытателями и врачами, то его духъ устремился въ болѣе чистую свободную сферу, которая ведетъ къ теософическому міровоззрѣнію. Дюбуа Реймондъ сказалъ тогда слѣдующее: если мы разсматриваемъ человѣка съ естественно-научной точки зрѣнія, то онъ является намъ какъ взаимодѣйствіе безсознательныхъ атомовъ. И объяснить человѣка съ естественнонаучной точки зрѣнія значитъ вполнѣ уяснить себѣ это движеніе атомовъ. Дюбуа Реймондъ полагаетъ, что если возможно показать, какимъ именно образомъ происходитъ движеніе атомовъ въ какомъ либо мѣстѣ мозга, когда говорятъ: „я думаю“, или „дай мнѣ яблоко“, то проблема человѣка разрѣшена естественнонаучнымъ образомъ. Онъ называетъ это „астрономическимъ“ познаніемъ человѣка. Въ видѣ звѣзднаго неба въ миніатюрѣ представляются ему движущіяся группы человѣческихъ атомовъ. Но что здѣсь остается непонятнымъ, это то обстоятельство, что въ человѣческомъ сознаніи, о которомъ я, положимъ, прекрасно знаю, что именно такъ и такъ движутся его атомы, что въ человѣческомъ сознаніи возникаютъ ощущеніе, чувство и мысль. Этого не можетъ объяснить никакое естествознаніе. Дюбуа Реймондъ закончилъ слѣдуюшими словами: у спящаго человѣка, не сознающаго своего ощущенія, которое выражается словами „я вижу красный цвѣтъ“, мы имѣемъ передъ собой физическую группу движущихся тѣлесныхъ частицъ. Относительно этого спящаго тѣла мы не скажемъ—Ignorabimus—„мы не знаемъ“. Наоборотъ, человѣкъ бодрствующій недоступенъ пониманію естествоиспытателя. У спящаго человѣка не предполагается того, что всегда предполагается у бодрствующаго, именно сознанія, посредствомъ котораго онъ является намъ, какъ существо духовное.

При томъ недостаткѣ смѣлости мысли, которымъ въ то время страдало естествознаніе, дальнѣйшее поступательное движеніе было невозможно; о Теософіи естествоиспытателямъ нельзя было и подумать, такъ какъ естествознаніе рѣзко опредѣлило свои границы и установило точку, до которой хотѣло идти. Но именно въ это время, благодаря самоограниченію, которое естествознаніе наложило на себя, и появилось теософическое міросозерцаніе. Никто не станетъ утверждать, что человѣкъ, засыпающій вечеромъ и опять пробуждающійся утромъ, прекращаетъ съ вечера свое существованіе, чтобы утромъ опять возникнуть.

Тѣмъ не менѣе Дюбуа Реймондъ говоритъ, что ночью въ человѣкѣ нѣтъ того элемента, который есть въ немъ днемъ. Здѣсь лежитъ исходная точка для возможности теософическаго міросозерцаніе.

У спящаго человѣка чувственное сознаніе молчитъ. А такъ какъ естествоиспытатель опирается на дѣятельность чувственнаго сознанія, онъ ничего не можетъ высказать о томъ, что выходитъ за его предѣлы, т. е. о духѣ; ему недостаетъ какъ разъ того, что дѣлаетъ человѣка существомъ духовнымъ. Итакъ, средствами естествознанія мы не можемъ проникнуть въ область духовнаго. Естествознаніе опирается на то, что воспринимается внѣшними чувствами. Что не подлежитъ такому воспріятію во время сна человѣка, не можетъ стать объектомъ его изслѣдованія. Но именно въ этомъ, не воспринимаемомъ у спящаго „нѣчто" должны мы искать то, что дѣлаетъ человѣка существомъ духовнымъ. Объ этомъ „нѣчто", лежащемъ за границами матеріальнаго, чувственнаго, можно говорить не раньше, чѣмъ образуются соотвѣтствующіе органы, духовныя очи, которыя имѣютъ способность видѣть переходящее за предѣлы чувственнаго. (Объ этомъ ничего не можетъ знать естествоиспытатель, исходящій только изъ чувственнаго). Потому нельзя говорить—здѣсь предѣлъ познанія, но только—здѣсь предѣлъ чувственнаго познанія. Естествоиспытатель воспринимаетъ чувственно, но не „видитъ духовно". Онъ долженъ стать „видящимъ", чтобы увидѣть духовное въ человѣкѣ. И глубокая міровая мудрость и стремится именно къ тому, чтобы не только расширить кругъ чувственнаго познанія, но и повысить человѣческія способности. Въ этомъ и заключается различіе между современнымъ естествознаніемъ и теософіей. Естествознаніе говоритъ: человѣкъ обладаетъ внѣшними чувствами, которыми онъ воспринимаетъ, и разсудкомъ, посредствомъ котораго онъ комбинируетъ свои чувственныя воспріятія. Все же, что сверхъ этого,

лежитъ за предѣлами естественнонаучнаго познанія. Теософія смотритъ иначе. Она говоритъ: ты правъ, естествоиспытатель, когда судишь со своей точки зрѣнія; ты правъ совершенно также, какъ слѣпой, который со своей точки зрѣнія утверждаетъ, что въ мірѣ нѣтъ ни свѣта, ни красокъ. Я не дѣлаю возраженій противъ естественнонаучной точки зрѣнія; я хочу только противопоставить ей взглядъ Теософіи, которая утверждаетъ, что возможно и даже несомнѣнно, что человѣкъ не долженъ оставаться на его настоящей точкѣ зрѣнія. Возможно, что подобно тому, какъ въ физическомъ тѣлѣ развились органы чувствъ: глаза и уши, такъ разовьются другіе органы—духовныя очи. А съ этими органами появятся и высшія способности. Но прежде надо повѣрить этому, нѣтъ, даже не надо вѣрить, а просто принять безпристрастно, какъ всякое сообщеніе. Насколько несомнѣнно, что не всѣ вѣрующіе въ „естественную исторію творенія" сами видѣли приводимые тамъ факты—такъ какъ сколько же такихъ, которые могли наблюдать ихъ въ дѣйствительности?—настолько же невозможно доказать здѣсь каждому фактъ познанія сверхчувственнаго. Для обыкновеннаго чувственнаго человѣка нѣтъ возможности проникнуть въ эту область. Подойти къ ней мы можемъ только съ помощью извѣстныхъ методовъ. Если человѣкъ превратитъ себя въ орудіе высшихъ силъ, чтобы заглянуть въ міры, скрытые для чувственнаго человѣка, тогда въ немъ возникнутъ совершенно особыя явленія. Обыкновенный человѣкъ не въ состояніи разсматривать себя самого, или воспринимать окружающіе предметы, когда его чувства погружены въ сонъ. Если же онъ примѣнитъ методы оккультнаго изслѣдованія, то эта неспособность прекратится, и онъ начнетъ сознательно воспринимать впечатлѣнія астральнаго міра.

Сначала является то знакомое каждому переходное состояніе, которое лежитъ между внѣшней жизнью чувственныхъ воспріятій и той, которая продолжается даже въ глубочайшемъ снѣ. Это переходное состояніе есть хаосъ сновидѣній. Почти каждому оно знакомо только какъ отзвукъ пережитаго днемъ. Да и какъ бы могъ человѣкъ получить во снѣ нѣчто новое? Вѣдь у его внутренняго существа нѣтъ еще органовъ воспріятія. Но нѣчто уже предполагается, именно наличность жизни.

То, что выходитъ изъ тѣла во время сна, помнитъ себя, и воспоминаніе это проявляется въ спящемъ видѣ въ болѣе или менѣе смутныхъ картинъ. (Если вы хотите болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этихъ вещахъ, то возьмите мой журналъ „Lucifer Gnosis", на-

чиная отъ 14 номера). Мало по малу, на мѣстѣ хаоса въ царствѣ сновъ начинаетъ появляться порядокъ и гармонія. Это признакъ того, что человѣкъ началъ духовно развиваться; тогда онъ видитъ во снѣ не только хаотическое отраженіе дѣйствительности, но и вещи, которыхъ нѣтъ въ обыденной жизни. Конечно, люди, которые хотятъ остаться въ области осязаемаго, въ области чувственнаго, скажутъ: „но вѣдь это только сны".

Но разъ вы получите доступъ къ высшимъ міровымъ тайнамъ, то вамъ будетъ рѣшительно безразлично, узнали ли вы ихъ во снѣ, или чувственнымъ образомъ. Представьте себѣ, что Грахамъ Белль изобрѣлъ телефонъ во снѣ. Какое дѣло до этого въ наше время, когда телефонъ во всякомъ случаѣ сдѣлался важнымъ и полезнымъ предметомъ. Такимъ образомъ ясныя и послѣдовательныя сновидѣнія являются началомъ. Когда человѣкъ, въ теченіе ночной жизни, вживется въ свои сны, когда въ продолженіи нѣкотораго времени пріучитъ себя воспринимать совершенно иные міры, тогда скоро наступитъ время, когда онъ эти воспріятія съумѣетъ примѣнять въ дѣйствительности. Весь міръ предстанетъ передъ нимъ въ новомъ свѣтѣ, но къ этому новому онъ будетъ относиться столь же сознательно, насколько сознательно мы относимся къ чувственнымъ ощущеніямъ, когда, напримѣръ, проходимъ мимо этихъ рядовъ стульевъ и всего, что вы здѣсь видите. Человѣкъ обладаетъ тогда новымъ состояніемъ сознанія, въ немъ открывается нѣчто существенно новое. Дальнѣйшимъ развитіемъ является способность ясновидящаго не только воспринимать духовнымъ зрѣніемъ своеобразныя явленія высшихъ міровъ, какъ явленія свѣтовыя, но и слышать звуки, исходящіе изъ духовныхъ сферъ, такъ что вещи открываютъ ему свои истинныя имена и предстаютъ передъ нимъ въ новомъ значеніи. На языкѣ мистерій это выражается словами: „человѣкъ видитъ солнце въ полночь", что значитъ, что для него нѣтъ больше пространственныхъ препятствій для того, чтобы увидѣть солнце по другую сторону земли. Откроется ему и дѣйствіе солнца въ міровомъ пространствѣ, онъ начнетъ воспринимать то, что пиѳагорейцы почитали за истину, именно гармонію сферъ. Эти звоны и звуки, эта міровая гармонія станетъ для него дѣйствительностью. Поэты, которые въ то же время были ясновидящими, знали о существованіи міровой гармоніи. И только тотъ понимаетъ Гёте, кто разсматриваетъ его съ этой точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, слова въ его „Прологѣ въ небесахъ" можно принимать или какъ пустую фразу, или какъ высшую истину. Тамъ, гдѣ во второй части Фаустъ вновь входитъ

въ духовный міръ, онъ говоритъ объ этихъ звукахъ: „Новый день, гремя, родился!“ Тутъ мы находимъ связь естествознанія съ Теософіей. Дюбуа Реймондъ указываетъ на то, что только спящій человѣкъ можетъ быть объектомъ для естественнонаучнаго изслѣдованія. Но когда въ человѣкѣ начинаютъ открываться внутреннія чувства, когда онъ начинаетъ видѣть другую духовную дѣйствительность, тогда все зданіе элементарной Теософіи, — которое столь удивительно построилъ Геккель, и которымъ никто не восхищается болѣе меня,—пріобрѣтаетъ совершенно новый блескъ, совершенно новое значеніе. Согласно этому удивительному построенію мы принимаемъ прототипомъ человѣка простѣйшее живое существо, но такимъ же образомъ мы можемъ прослѣдить и происхожденіе нашего „духовнаго“ существа вплоть до болѣе первоначальнаго состоянія сознанія.

Теперь я изложу теософическое ученіе о происхожденіи человѣка. Конечно, отъ „доказательства“ этого ученія въ краткомъ докладѣ нужно совершенно отказаться. И естественно, что всѣмъ тѣмъ, кто знакомъ только съ ходячими представленіми о происхожденіи человѣка, все, что я скажу, покажется невѣроятнымъ и фантастическимъ. Но вѣдь всѣ ихъ представленія возникли изъ господствующаго матеріалистическаго образа мыслей. И многіе изъ тѣхъ, которые можетъ быть въ настоящее время желали бы отбросить отъ себя обвиненія въ матеріализмѣ, подпадаютъ только, понятному впрочемъ, самообману.

Въ наши дни теософическое ученіе объ эволюціи едва извѣстно. И при нападкахъ противниковъ, теософъ сейчасъ же видитъ изъ дѣлаемыхъ ему возраженій, что они говорятъ просто о характерѣ этой эволюціонной теоріи. Для тѣхъ, кто признаетъ возможными проявленія души или духа только внутри животныхъ, или человѣческихъ организмовъ, теософическій образъ мышленія совершенно непонятенъ. Съ такими лицами всякій споръ на эту тему является безплоднымъ. Имъ надо сначала освободиться отъ матеріалистическихъ воззрѣній, подъ вліяніемъ которыхъ они находятся, и ознакомиться съ основными положеніями Теософіи. Какъ чувственные методы естественнонаучнаго изслѣдованія прослѣживаютъ первыя ступени развитія физической организаціи человѣка вплоть до отдаленныхъ, смутныхъ первобытныхъ временъ, такъ же поступаетъ теософическое мышленіе относительно души и духа. Теософическое ученіе никоимъ образомъ не противорѣчитъ извѣстнымъ фактамъ естествознанія; оно только не имѣетъ ничего общаго съ матеріалистическимъ истолкованіемъ

этихъ фактовъ. Естествознаніе, прослѣживая цѣпь живыхъ существъ въ порядкѣ, обратномъ ходу ихъ развитія, приходитъ все къ болѣе простымъ организмамъ и утверждаетъ, что существа болѣе совершенныя происходятъ отъ простыхъ и несовершенныхъ. Это истина, пока рѣчь идетъ о физическомъ тѣлѣ, хотя гипотетическія формы первобытныхъ эпохъ, о которыхъ говоритъ матеріалистическое естествознаніе, не вполнѣ совпадаютъ съ формами, извѣстными теософическому изслѣдованію. Но для настоящей цѣли намъ нѣтъ надобности касаться этого подробнѣе.

Въ отношеніи чувственно-физическомъ и Теософія признаетъ родство человѣка съ высшими млекопитающими, а слѣдовательно, и съ человѣкоподобными обезьянами. Но о происхожденіи человѣка отъ существа, стоящаго на одномъ уровнѣ душевнаго развитія съ современной обезьяной, не можетъ быть и рѣчи. Дѣло обстоитъ совершенно иначе. Все, что матеріализмъ утверждаетъ относительно этого пункта, покоится на простой ошибкѣ мысли. Такую ошибку можно легко обнаружить путемъ одного тривіальнаго сравненія, которое, несмотря на свою тривіальность, тѣмъ не менѣе вѣрно. Представьте себѣ двухъ лицъ, изъ которыхъ одно довольно низкой нравственности и незначительно по интеллекту; другое же, наоборотъ, высокаго интеллектуальнаго и нравственнаго развитія. Предположимъ, что фактъ ихъ родства можетъ быть установленъ. Можно ли изъ этого заключить, что лицо, стоящее выше, происходитъ отъ такого, которое въ своемъ развитіи равно низшему? Никоимъ образомъ. Слѣдующій фактъ, касающійся упомянутыхъ двухъ лицъ, быть можетъ, покажется неожиданнымъ тѣмъ, кто утверждаетъ происхожденіе одного изъ этихъ лицъ отъ другого. Оба лица родственники, они братья. Но ихъ общій отецъ не былъ вполнѣ похожимъ ни на того, ни на другого. Одинъ изъ братьевъ опустился въ своемъ развитіи, другой достигъ высшаго развитія.

И естествознаніе какъ разъ дѣлаетъ ошибку, указанную въ этомъ сравненіи. Руководясь полученными фактами, оно вынуждено признать нѣкое родство между обезьяной и человѣкомъ. Но оно не имѣло права дѣлать изъ этого выводъ: человѣкъ происходитъ отъ обезьяноподобнаго животнаго. Оно скорѣе должно было признать общаго физическаго отца, первоначальное существо, отъ котораго произошелъ какъ человѣкъ, такъ и обезьяны; но обезьяна—опустившійся, человѣкъ—развившійся братъ. Но что же послужило съ одной стороны къ очеловѣченію первобытнаго существа, съ другой къ его паденію до обезьяны? Теософія отвѣ-

часть: это сдѣлала сама человѣческая душа. Эта душа предполагается уже въ ту эпоху, когда на физически видимой землѣ блуждали общіе праотцы человѣка и обезьяны. Изъ толпы этихъ праотцовъ лучшіе оказались способными къ процессу высшаго духовнаго развитія, худшіе неспособными. Такимъ образомъ душа современнаго человѣка имѣетъ своего предка—душу, подобно тому, какъ тѣло имѣетъ предковъ тѣлесныхъ. Въ эпоху этихъ „предковъ", правда, невозможно было бы доказать для чувственнаго воспріятія присутствіе души внутри тѣла въ томъ смыслѣ, какъ это теперь понимается. Въ извѣстномъ отношеніи душа тогда принадлежала еще „высшимъ мірамъ".

Она и обладала также иными способностями и силами, чѣмъ душа нынѣшняго человѣка. Ей не доставало еще разсудка и моральнаго чувства. Она не строила себѣ орудій изъ предметовъ внѣшняго міра и не трудилась надъ созданіемъ государствъ. Ея дѣятельность въ значительной мѣрѣ была направлена на строеніе и выработку самого „пра-тѣла". И она видоизмѣняла свой несовершенный мозгъ такимъ образомъ, чтобы впослѣдствіи онъ могъ стать носителемъ мышленія.

Какъ въ наши дни обращенная наружу дѣятельность души строитъ машины, такъ душа-предокъ строила само пра-тѣло. Могутъ, конечно, возразить на это: но почему же теперь душа больше не можетъ въ той же степени работать надъ созданьемъ своего тѣла? Это происходитъ отъ того, что та сила, которая раньше шла на образованіе органовъ, въ болѣе позднее время обратилась на подчиненіе силъ природы и управленіе ими.

Итакъ, переносясь мысленно въ первобытную эпоху, мы приходимъ къ двойственному происхожденію человѣка. Его духъ и душа не возникли впервые отъ усовершенствованія чувственныхъ органовъ, но „душа" уже существовала во дни странствованія по землѣ нашихъ „праотцовъ". Она сама избрала для себя изъ толпы „праотцевъ", конечно, говоря фигурально, извѣстную часть, которой и сообщила тотъ внѣшній тѣлесный видъ, которымъ отличается современный человѣкъ. Другая часть подверглась регрессу и представляетъ собой нынѣшнихъ человѣкоподобныхъ обезьянъ. Слѣдовательно, эти послѣднія, въ буквальномъ смыслѣ слова, суть ничто иное какъ подобная вѣтвь человѣческихъ предковъ. Эти „праотцы"—физическіе предшественники человѣка, но они могли быть ими только, поскольку носили въ себѣ способность къ дальнѣйшему развитію подъ вліяніемъ обитавшей въ нихъ человѣческой души. Поэтому физически человѣкъ ведетъ

свое происхожденіе отъ этого первобытнаго существа, душевно же—отъ своего „душевнаго предка". Теперь мы можемъ еще дальше отодвинуть родословную человѣка.

Мы приходимъ тогда къ еще болѣе несовершенному „предку".

Но даже и въ это время уже существовалъ предокъ душевный, который поднялъ физическаго предка до степени обезьяны, оставивъ сзади неспособныхъ къ развитію братьевъ. Изъ нихъ образовались существа, чьи потомки стоятъ теперь ниже обезьяны, въ царствѣ млекопитающихъ. Такимъ образомъ можно углубляться все дальше, въ первобытныя эпохи прошлаго, когда на землѣ, имѣвшей совершенно иной видъ, чѣмъ теперь, были только тѣ простые организмы, изъ которыхъ Геккель выводитъ всѣхъ высшихъ животныхъ. Но и ихъ современникомъ былъ уже „душевный предокъ" человѣка. Онъ переработалъ годныхъ, а негодныхъ оставилъ въ сторонѣ; слѣдовательно, вся сумма обитающихъ на землѣ живыхъ существъ происходитъ по истинѣ „отъ человѣка". И то, что сейчасъ мыслитъ и дѣйствуетъ въ немъ, какъ душа, вліяло на развитіе организмовъ. Когда наша земля была еще въ зачаточномъ состояніи, человѣкъ самъ былъ еще вполнѣ душевнымъ существомъ.

Онъ началъ свое развитіе актомъ образованія простѣйшаго тѣла. И весь рядъ живыхъ существъ представляетъ собой ничто иное, какъ пройденныя ступени тѣлеснаго развитія вплоть до настоящаго совершеннаго состоянія. Конечно, современныя животныя не имѣютъ того вида, какой имѣли на извѣстной ступени ихъ предшественники, когда отдѣлились отъ человѣческаго ствола.

Они не остались на мѣстѣ, но слѣдуя закону, о которомъ мы не можемъ высказаться подробнѣе изъ за необходимой краткости изложенія, подверглись регрессу.

Интересно, что съ внѣшней стороны Теософія приходитъ къ родословной человѣка, которая не очень отличается отъ построенной Геккелемъ. Но Геккель изъ физическихъ праотцевъ человѣка неизмѣнно дѣлаетъ, гипотетическихъ правда, животныхъ.

Въ дѣйствительности же всюду, гдѣ Геккель даетъ намъ животныхъ, стоятъ несовершенные еще предки человѣка; животные же, и даже вообще всѣ живыя существа, суть только регрессировавшія, подвергшіяся вырожденію формы, оставшіяся на тѣхъ ступеняхъ, черезъ которыя подвигалось развитіе человѣческой души. Итакъ, существуетъ внѣшнее сходство между Геккелевской и теософической родословной, внутренно же онѣ далеки другъ отъ друга, какъ небо отъ земли.

Отсюда происходитъ тотъ фактъ, что на выводахъ Геккеля можно хорошо изучить элементарную теософію. Нужно только, утверждаемые имъ факты разсматривать теософически и поднять его наивную философію до философіи высшей.

Когда Геккель критикуетъ эту „высшую" философію и презрительно отзывается объ ней, то онъ столь же наивенъ, какъ человѣкъ, который, выучивъ таблицу умноженія, сталъ бы утверждать: „то, что я знаю, истинно, а вся высшая математика только фантастическая чепуха". Дѣло значитъ вовсе не въ томъ, что теософы желаютъ отвергать элементарныя положенія естествознанія, а въ томъ, что матеріалистически настроенный изслѣдователь не имѣетъ никакого понятія о теософіи. Философія человѣка зависитъ отъ того, что онъ изъ себя самъ представляетъ.

Это выразилъ Фихте словами: у кого нѣтъ воспринимающаго глаза, тотъ не можетъ видѣть краски, кто не обладаетъ впечатлительной душой, не можетъ видѣть духа. Гёте въ извѣстной фразѣ выразилъ ту же самую мысль: если бы глазъ не былъ солнечнымъ, какъ могли бы мы смотрѣть на солнце? Если бы въ насъ не жила божественная сила, какъ могли бы мы восхищаться божественнымъ? А правильно понимая изреченіе Фейербаха, можно сказать: каждый видитъ образъ Божества такимъ, каковъ онъ самъ. Чувственный человѣкъ дѣлаетъ себѣ и чувственнаго Бога; тотъ, кто воспринимаетъ душевное, можетъ найти душу и въ своемъ богѣ. „Если бы львы, быки и волы могли создавать себѣ боговъ, то ихъ боги были бы похожи на львовъ, быковъ и воловъ", сказалъ одинъ философъ древней Греціи.

И въ идолопоклонникѣ живетъ нѣкое высшее духовное начало, но онъ еще не отыскалъ его въ себѣ, и потому не дошелъ до того, чтобы видѣть въ своемъ богѣ нѣчто большее, чѣмъ деревянный чурбанъ. Идолопоклонникъ не можетъ поклоняться чему-нибудь большему, чѣмъ то, что онъ самъ въ себѣ чувствуетъ. Онъ и самъ себя ставитъ на одинъ уровень съ чурбаномъ. Кто не видитъ ничего, кромѣ вращающихся атомовъ, кто не видитъ высшее въ маленькихъ матеріальныхъ точкахъ, тотъ и въ себѣ самомъ не открываетъ высшаго принципа. Геккель путемъ добросовѣстнаго изслѣдованія пріобрѣлъ то, что онъ даетъ въ своихъ сочиненіяхъ, и, въ виду его достоинствъ, ему могутъ быть прощены сопутствующія имъ ошибки. Положительные элементы его работы останутся, отрицательные исчезнутъ. Если смотрѣть съ высшей точки зрѣнія, то можно сказать, что идолопоклонникъ поклоняется фетишу, безжизненному существу, а атомистъ-мате-

ріалистъ поклоняется*) не единому маленькому божку, но цѣлому множеству мелкихъ божковъ, которыхъ онъ называетъ атомами.

И насколько велико суевѣріе идолопоклонника, настолько же велико оно и у матеріалиста. Атомъ матеріалиста ни что иное какъ фетишъ. Вѣдь и въ деревянномъ чурбанѣ тоже только атомы. Въ одномъ мѣстѣ Геккель говоритъ: „мы видимъ Бога въ камнѣ, въ растеніи, въ животномъ, въ человѣкѣ; Богъ всюду". Но онъ видитъ только такого Бога, котораго постигаетъ. Объ этомъ такъ глубоко сказалъ Гете: „Подобенъ Богу ты, котораго постигаешь,—не Мнѣ".

И такъ матеріалистъ видитъ вращающіеся атомы въ камнѣ, растеніи, животномъ и человѣкѣ и, быть можетъ, также въ художественномъ произведеніи и ссылается при этомъ на то, что только его міровоззрѣніе монистично и что онъ уничтожилъ старое суевѣріе. Но единство міровоззрѣнія имѣютъ и теософы и мы можемъ сказать словами самого же Геккеля: мы видимъ Бога въ камнѣ, растеніи и человѣкѣ, но въ нихъ мы видимъ не вихрь атомовъ, а живого Бога, Бога духовнаго, котораго стремимся найти въ природѣ, потому что находимъ его въ самихъ себѣ.

Пер. О. Анненкова.

КОНЕЦЪ.

*) Слово поклоняться, конечно, не надо здѣсь понимать буквально, такъ какъ [ма]теріалистическій мыслитель отвыкъ не отъ фетишизма, а именно отъ „поклоненія".

Письма къ читателямъ.

Истинная поэзія міра въ исторіи его духовной жизни.
Том. Дэвидсонъ.

Сегодня мнѣ хочется поговорить съ моими читателями по поводу новыхъ вѣяній въ русской литературѣ. Передо мной XXIII „Сборникъ Знанія", и въ немъ всѣ три повѣсти: „Исповѣдь" Горькаго, „Сказки земли" Гусева-Оренбургскаго и „Въ старой лаврѣ" Золотарева составляютъ нѣчто цѣльное. Всѣ три проникнуты тревогой исканія, во всѣхъ трехъ намѣчается стремленіе къ *единству,* осуществленному народомъ, и всѣ три вставлены въ рамку религіозной жизни народа. Странники, монахи, священники, семинаристы на протоптанныхъ паломниками тропинкахъ въ монастырѣ, въ Кіево-Печерской лаврѣ, всѣ дѣйствующія лица прикасаются такъ или иначе къ духовной жизни Россіи. Особенно интересенъ со стороны формы разсказъ Гусева-Оренбургскаго „Сказки земли". Въ лицѣ сельскаго священника о. Геннадія, сохранившаго въ сердцѣ своемъ священный огонь пастырскаго призванія и вѣру въ святость храма и чистоту домашняго очага, передъ нами уже не индивидуальное переживаніе: передъ нами живой символъ глубоко потрясеннаго человѣческаго духа, съ воплемъ ужаса убѣгающаго отъ дѣйствительности, отъ поруганныхъ святынь своей души.

Но мы остановимся только на „Исповѣди" Горькаго. Разбирать этотъ разсказъ, весь, какъ лѣтній лучъ, испещренный интересными мыслями и яркими изреченіями, которыя передаютъ скрытыя радости и страданія жадно ищущей Бога человѣческой души, нѣтъ возможности въ письмѣ. Это требуетъ большой статьи. Мы же съ читателемъ подойдемъ къ нему съ иною цѣлью: мы попробуемъ разобрать, съ какимъ міросозерцаніемъ подходитъ представитель новыхъ духовныхъ вѣяній къ задачамъ жизни,

какимъ свѣтомъ озаряетъ онъ распутье, къ которому подошла русская жизнь. Никогда нравственная отвѣтственность любимаго писателя—а Горькій по праву принадлежитъ къ любимымъ и читаемымъ писателямъ—не бываетъ такъ велика, какъ именно во времена историческаго распутья народной жизни, и никогда вліяніе писателя на народное творчество не бываетъ такимъ сильнымъ и непосредственнымъ. Но для того, чтобы это вліяніе было свѣтлымъ, нужно, чтобы самъ писатель ясно различалъ между добромъ и зломъ и владѣлъ выработаннымъ міросозерцаніемъ, которое опиралось бы не на временныя явленія и модныя теченія мысли, а на незыблемую основу вѣчной истины, годной для всѣхъ временъ и народовъ. Всѣ внѣшнія формы жизни временны: патріархальный строй и монархія, конституціонное правленіе и республика—все это лишь наружные признаки, которые могутъ скрывать за собой и благо и зло, и суть вовсе не въ нихъ. Строй можетъ быть самый прогрессивный, и люди все же могутъ чувствовать себя неудовлетворенными и далекими отъ счастья, и, наоборотъ, гораздо больше счастья можетъ дать самый первобытный строй, если въ немъ соблюдена внутренняя правда взаимныхъ человѣческихъ отношеній, о чемъ говорятъ легенды всѣхъ народовъ, упоминающія о „Золотомъ вѣкѣ", когда во главѣ націй стояли посвященные, поднявшіеся надъ личнымъ честолюбіемъ и личными интересами, двигаемые *однимъ* стремленіемъ: вести свой народъ къ внутреннему благу и внѣшнему благоденствію. И народъ отдавалъ имъ свою волю и свою судьбу, основываясь не на хартіяхъ и писанныхъ договорахъ, а на незримомъ довѣріи, которое, пока оно не нарушено, представляетъ собой такую незыблемую твердыню, которая неразрушима ничѣмъ.

Но для того, чтобы дорасти до права на такое довѣріе, нужно стать *сверхличнымъ*. Нужно, чтобы у правителей любовь къ личному благу преобразилась въ любовь къ общему благу, а потребность личной власти поднялась до потребности осуществить справедливость и правду во всѣхъ сферахъ общественной жизни.

Въ наше время, когда почти единственнымъ двигателемъ людей является эгоизмъ, ихъ богомъ матеріальное благо, кажется сказкой существованіе такихъ людей, которые были руководимы одною любовью къ Истинѣ, Добру и Красотѣ. Но это не сказка. Это было и это *будетъ*. То человѣчество, передъ сознаніемъ котораго уже возникъ идеалъ, подобный Христу, *не можетъ* помириться съ жизнью, основанной на лжи; его тревога будетъ все болѣе расти и расти, и оно не успокоится, пока въ его жизни не

водворится правда, которая вся сводится къ красотѣ взаимныхъ отношеній человѣка къ человѣку. Низшія свойства, которыя толкають людей къ нарушенію справедливости въ сношеніяхъ другъ съ другомъ, могутъ окончательно побѣдить только тогда, когда во всемъ человѣчествѣ умретъ голосъ совѣсти, который въ минуты внутренней тишины говоритъ каждому изъ насъ настойчиво и внятно, что не можетъ быть счастья для людей, пока они не начнутъ жить любя и довѣряя другъ другу, какъ того требуетъ божественный законъ. Пока этотъ тихій голосъ не замолкъ, искра божественнаго огня все еще тлѣетъ въ душѣ человѣческой, и стоитъ лишь подуть благодатному вѣтру, и искра разгорится въ великій очищающій огонь, который обновитъ всю жизнь земли. И если бы писатели, голосъ которыхъ доходитъ до сердца народовъ, не уставая призывали людей къ неумирающей красотѣ праведнаго отношенія человѣка къ человѣку, они несомнѣнно стали бы тою „солью земли", о которой говорилъ Христосъ, тѣми „свѣтильниками", которые свѣтятъ во тьмѣ.

Если подойти къ „Исповѣди" Горькаго съ *такими* ожиданіями, удовлетвореніе можно найти только въ томъ, что знакомыя соціалистическія ученія поднимаются имъ на высшую ступень, чисто внѣшнія связи замѣняются сознаніемъ *внутренняго* единства народной массы, въ исканія новыхъ путей жизни проникаетъ сверхличное начало преклоненія передъ *народной душой.* Вотъ это сверхличное, почти религіозное настроеніе и придаетъ значительность и даже красоту многимъ страницамъ его „Исповѣди".

Но если искать въ его „Исповѣди" указанія на истинные пути или вѣрнаго освѣщенія историческаго процесса, этого читатель у него не найдетъ. Основная идея Горькаго вложена въ уста странника Іоны, изреченіямъ котораго приписывается способность „окрылять на всю жизнь душу", „указать вѣрный къ Богу путь". Въ чемъ же эта идея? „Новой" она можетъ быть названа только потому, что выливается изъ подъ пера недавняго индивидуалиста; въ пламенныхъ изреченіяхъ Іоны повторяется то же преклоненіе передъ низшими слоями народа, которое русское общество переживало въ семидесятыхъ годахъ, то же обожествленіе народной массы. Разсказъ ведется отъ лица странника, который повидимому долженъ выражать духовныя исканія русской души. Подкидышъ, онъ провелъ дѣтство у дьячка Ларіона—одинъ изъ немногихъ свѣтлыхъ образовъ разсказа—затѣмъ попалъ въ конторщики къ кулаку, самъ сталъ кулакомъ, чтобы, разбогатѣвъ, жениться на его дочери Ольгѣ. Затѣмъ короткое свѣтлое счастье съ любимой

женщиной, ея смерть, безумная тоска, попытка на самоубійство. Это какъ бы прологъ къ исповѣди. Затѣмъ начинаются исканія потрясенной души: хожденія по священникамъ, старицамъ, житье въ монастыряхъ. Передъ читателемъ проходитъ цѣлая вереница портретовъ, изъ которыхъ нѣкоторые едва намѣченные абрисы, но все это, по словамъ самого автора, лишь „пыль позади толпы, охваченной тревогой богоисканія" (стр. 110) „Толпа" эта, невидимо стоящая за каждою мыслью исповѣди, проходящая незримымъ потокомъ позади всей загаженой, темной дѣйствительности, и является героемъ „исповѣди", тѣмъ найденнымъ Богомъ, котораго такъ страстно искала душа странника. Исповѣдь кончается гимномъ народу, „владыкѣ, чудотворцу и богостроителю". Вотъ этотъ гимнъ: „Ты еси мой Богъ и творецъ всѣхъ боговъ, соткавшій ихъ изъ красотъ духа своего въ трудѣ и мятежѣ исканій Твоихъ!" „Да не будутъ міру бози иніи развѣ тебе, ибо ты еси единъ Богъ, творяй чудеса! Тако вѣрую и исповѣдую!" (стр. 205).

Въ религіи Горькаго личность совсѣмъ исчезаетъ, она растворяется въ *ликѣ народа*. Мало того, она является источникомъ всякаго зла. „Началась эта дрянная и недостойная разума человѣческаго жизнь съ того дня, какъ первая человѣческая личность оторвалась отъ чудотворной силы народа, отъ массы, матери своей, и сжалось со страха передъ одиночествомъ и безсиліемъ своимъ въ ничтожный и злой комокъ мелкихъ желаній, комокъ, который нареченъ былъ—„я". Вотъ это самое „я" и есть злѣйшій врагъ человѣка! На дѣло самозащиты своей и утвержденія своего среди земли оно безполезно убило всѣ силы духа, всѣ великія способности къ созданію духовныхъ благъ" (стр. 163). И далѣе еще сильнѣе: „Одиночество—суть отломленность твоя отъ родного цѣлаго, знакъ безсилія духа и слѣпота его; въ цѣломъ ты найдешь безсмертіе, въ одиночествѣ же неизбѣжное рабство и тьма, безутѣшная тоска и смерть" (стр. 174).

Въ яркости своего сознанія грѣха, разъединенія, Горькій подходитъ близко къ истинѣ. И еслибы онъ довелъ свою идею до конца, онъ овладѣлъ бы вѣрнымъ пониманіемъ историческаго процесса. И тогда *весь* народъ, со всѣмъ своимъ историческимъ творчествомъ, изъ котораго постепенно сложился его государственный строй, предсталъ бы передъ нимъ какъ единый живой организмъ, расчленять который—какъ это дѣлаетъ Горькій—на внутренно чуждыя одна другой части—и безполезно, и не выражаетъ истины. Истина въ томъ, что такъ же, какъ организмъ изъ клѣтокъ, тѣло народное состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей,

говорящихъ однимъ языкомъ, исповѣдующихъ одну вѣру, несущихъ въ душѣ и въ крови своей результаты испытаній всего народа. Жизнь, силы и здоровье народнаго тѣла пополняются изъ одного источника, но отдѣльные органы его должны иести различныя функціи, одинаково необходимыя для *всего* организма. Отрицать этого нельзя, но можно и слѣдуетъ добиваться, чтобы все тѣло народное питалось равномѣрно и все было одинаково освѣщено со всѣхъ сторонъ.

Когда это не соблюдается и силы и здоровье всего организма приносятся въ жертву отдѣльнымъ его органамъ, не только эти послѣдніе, но и весь организмъ заболѣваетъ; плохо питаемое, въ потемкахъ хирѣющее народное тѣло страдаетъ отъ худосочія, теряетъ бодрость, силу, красоту. Всѣ страданія народовъ и въ прошломъ и въ настоящемъ происходятъ отъ нарушенія внутренняго единства, отъ неравномѣрнаго распредѣленія жизненныхъ силъ внутри организма народнаго. Царящій эгоизмъ, борьба классовъ, несовмѣстимость сословныхъ интересовъ, отношеніе государства къ народу, создавшему его своими трудами, какъ къ *средству,* а не какъ къ *цѣли* своего бытія,—все это довело людскія отношенія до предѣла, до цинически исповѣдуемой вслухъ „борьбы за существованіе“... Какъ протестъ противъ этого „предѣла“, исповѣдь Горькаго имѣетъ свое значеніе. Но вѣрнымъ указаніемъ на иную, лучшую жизнь, основанную на высшемъ нравственномъ сознаніи, она не можетъ быть уже потому, что сама страдаетъ грѣхомъ разъединенія. Горькій дѣлитъ народъ на „рабочій народъ земли, ея силу, единственный и вѣчный источникъ боготворчества“ (стр. 148) и на „бѣлую кость, которая только *шлифовала* работу народа“, на „баръ—чужихъ на землѣ“ (151 стр.) и т. д. и т. д. Этимъ расчлененіемъ тѣла народнаго Горькій самъ вгоняетъ заразу разобщенія и ненависти внутрь народнаго сознанія и самъ подрываетъ правду своей мысли. И расчлененіе это особенно ненужно и искусственно для демократической Россіи, гдѣ именно „бары“, „бѣлая кость“, представители привиллегированныхъ сословій погибали во множествѣ за свою беззавѣтную любовь къ народу, а представители крестьянскаго и рабочаго сословія—когда имъ удавалось разбогатѣть—нерѣдко становились угнетателями своихъ же братьевъ.

Здѣсь розмахъ мысли Горькаго сразу понижается, изъ за большой идеи выглядываетъ знакомая „партійность“, а фонарь, который держитъ странникъ Іона, начинаетъ тускнѣть и освѣщать лишь разорванные клочки исторнческаго процесса, оставляя въ тѣни всю истинную связь явленій.

Это роковое свойство всякой ненависти: проникнутая ею, мысль не въ состоянiи подняться на высоту, откуда видны всѣ истинныя пропорцiи и взаимодѣйствiя земной жизни. Лишь мысль, окрыленная любовью, способна подниматься надъ злобами дня и, какъ солнцемъ, освѣщать горизонты жизни, отчетливо указывая на связь явленiй.

Отсутствiе объективной правды въ оцѣнкѣ историческихъ явленiй заставляетъ Горькаго дѣлать и еще другiе ошибочные выводы. Его дѣленiе народа по внѣшнимъ сословнымъ признакамъ не можетъ привести къ вѣрному народному самопознанiю. Внутри народа происходитъ постоянное передвиженiе клѣтокъ: вчерашнiй крестьянинъ сегодня можетъ стать бариномъ, а сегодняшнiй баринъ завтра можетъ потерять всѣ свои признаки. Для вѣрнаго опредѣленiя цѣнности „сына народа" необходимо найти *постоянный* признакъ, независимый отъ его сословнаго положенiя. Этимъ признакомъ можетъ быть только одно: *полезность его дѣятельности для всего народа,* а не „бѣлая" или „черная" кость, которая сама по себѣ ровно ничего не значитъ, потому что можно быть крестьяниномъ и тормазить жизнь, и можно быть титулованнымъ барономъ и вести ее къ свѣту и правдѣ.

За что можно и должно любить рабочiй народъ? Въ *чемъ* тайна его обаянiя надъ каждымъ великодушнымъ сердцемъ, и *почему* всѣ лучшiе люди всегда стояли за интересы рабочаго народа? Того народа, который обрабатываетъ землю и ея продукты, который кормитъ и содержитъ государство въ мирное время, а въ дни опасности защищаетъ его жизнью своей? Тайна эта лишь въ томъ, что, трудясь и напрягая свои силы, онъ дѣлаетъ это не для себя одного, а для *всѣхъ,* для *всего* организма народнаго, слѣдовательно, онъ дѣлаетъ *сверхличное* дѣло, а вездѣ, гдѣ сверхличный мотивъ проникаетъ въ жизненное творчество, тамъ осуществляется божественная правда, тамъ земная жизнь осѣняется высшимъ началомъ, которое самому обыденному дѣлу придаетъ несомнѣнную печать поэзiи и нравственной красоты. Но та же самая печать очаровываетъ насъ и во всѣхъ другихъ областяхъ жизненнаго творчества, она приложима и къ умственнымъ и къ духовнымъ дѣятельностямъ, и къ дѣятельностямъ правящей власти, если послѣдняя, заботясь объ *общемъ* благѣ, творитъ *сверхличное* дѣло.

Но подобный нравственный критерiй возможенъ лишь при религiозномъ мiровоззрѣнiи, когда для человѣка мѣриломъ добра является не *условная* человѣческая правда, которая сегодня—одна,

а завтра—другая, которая растетъ и мѣняется вмѣстѣ съ растущимъ сознаніемъ,—а безусловная Божья Правда, неизмѣнная для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ. Что она неизмѣнна и одна для всего человѣчества, въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, кто дастъ себѣ трудъ познакомиться изъ первоисточниковъ съ священными писаніями всѣхъ міровыхъ религій: вездѣ, начиная съ религіозныхъ вѣрованій древней Индіи и кончая ученіями исповѣдуемаго современной Европой Евангелія, вездѣ мы найдемъ одно и то же: что человѣкъ есть отраженіе Бога Творца, что его истинное *я*—вѣчно, и едино съ *я* вселенной, что оно исходитъ отъ Бога, отчего и не перестаетъ стремиться къ Богу, что воля Бога ведетъ человѣка къ единству, любви и совершенству... Такое міросозерцаніе не совмѣстимо съ обожествленіемъ народа, которое составляетъ самую яркую черту „религіи" Горькаго. Оно знаетъ, что въ міровомъ историческомъ процессѣ каждый народъ выполняетъ свою опредѣленную задачу, принимаетъ посредствомъ индивидуальнаго своего творчества участіе въ великой дѣятельности всего человѣчества, направляемой Волей Бога къ осуществленію Правды, Добра и Красоты на землѣ.

И точно также, какъ человѣкъ становится великимъ только тогда, когда способенъ подняться надъ своими личными интересами и эгоистическими желаніями, такъ и народъ бываетъ великимъ только тогда, когда способенъ преклоняться передъ Началомъ безконечно болѣе высокимъ и совершеннымъ, чѣмъ онъ самъ.

Къ сожалѣнію, размѣръ письма не позволяетъ подробно остановиться на идеѣ „народа-богостроителя", которая составляетъ вѣнецъ міросозерцанія Іоны—Горькаго. Идея эта не только не совпадаетъ съ истиной, не только понижаетъ всю общечеловѣческую этику, но она и не оригинальна. Обожествлять народъ—значитъ перемѣщать эгоизмъ изъ сознанія отдѣльнаго человѣка въ сознаніе народа, изъ раздробленныхъ маленькихъ эгоизмовъ творить одинъ общій, огромный эгоизмъ. Такимъ эгоизмомъ проникнута вся отживающая общественная этика западно-европейскихъ народовъ, которые возвели свои національные интересы въ какой то священный культъ. Ихъ девизы: „нѣмцы для нѣмцевъ", „англичане для англичанъ" и т. д. едва-ли могутъ имѣть силу надъ русской душой, которая никогда не отличалась самодовольствомъ, а если загоралась, то отъ гораздо болѣе гордой мечты: служить *всѣмъ*, работать для *всѣхъ*, стремиться къ водворенію для всѣхъ народовъ Царства Божія на землѣ.

Другъ читателя.

Католическій модернизмъ и кризисъ современнаго сознанія.

Николая Бердяева.

(„Русская мысль", сентябрь 1908 г.).

Въ этой статьѣ говорится о духовномъ движеніи во Франціи, упоминается талантливый философъ Бергсонъ, выступившій противъ интеллектуализма и провозглашающій философію дѣйствія. Этотъ философъ оказываетъ вліяніе на два противоположныхъ теченія французской жизни: на католиковъ-модернистовъ и синдикалистовъ; въ этомъ авторъ видитъ кризисъ позитивизма. Авторъ статьи характеризуетъ модернизмъ, какъ движеніе по преимуществу умственное, но тѣсно связанное съ кризисомъ современнаго европейскаго сознанія. Изъ модернистовъ онъ упоминаетъ объ аббатѣ Луази и о его книгѣ „Simples réflexions sur le decret du Saint Office et sur l'encyclique". Въ модернизмѣ два теченія: одно философское, другое экзегетическое. Представителемъ философскаго теченія является Леруа, авторъ книги „Dogmes et critique", а представителемъ экзегетизма—Луази. Г-нъ Бердяевъ находитъ, что оба эти модерниста отравлены вѣковѣчнымъ грѣхомъ католичества—враждой къ прогрессу, наукѣ и философіи, и что въ современной Франціи въ сознаніи новаго человѣка, освободившагося отъ узъ католичества, происходитъ кризисъ обратный, чѣмъ у Луази; новые люди жаждутъ вѣры, желаютъ обрѣсти утраченную святыню, идутъ разными путями къ религіозному возрожденію, а модернисты-католики хотятъ соединить католичество съ духомъ времени и обновить его современностью; старый католическій интеллектуализмъ хотятъ замѣнить современнымъ волюнтаризмомъ и тѣмъ вдохнуть жизнь въ дряхлѣющее католичество.

Далѣе въ статьѣ Н. Бердяева идетъ характеристика взглядовъ Леруа и Луази. Первый сомнѣвается въ догматахъ и отвергаетъ богочеловѣчество Христа, второй ставитъ церковь выше Христа. По его

мнѣнію, Христосъ воспринимается только черезъ церковь, которая есть динамическая сила исторіи; самого Христа нельзя ощутить, возвратъ къ Христу есть реакція, реставрація. Потерянную объективную истину Луази хочетъ возсоздать субъективно, какъ нѣчто морально нужное для жизни.

Далѣе г-нъ Бердяевъ замѣчаетъ, что русскія религіозныя исканія рѣзко отличаются отъ католическаго модернизма: намъ Христосъ ближе, чѣмъ церковь, наше религіозное мышленіе утверждаетъ абсолютную истину, мы стремимся къ религіозному реализму, а не къ символизму; упоминаетъ о Хомяковѣ, Вл. Соловьевѣ, В. Несмѣловѣ, говоря, что они умѣли рѣшать проблемы, связанныя съ распрей вѣры и знанія, и передъ судомъ *большого* разума дѣло было у нихъ выиграно. Лишь *малый* разумъ, господствующій въ современной философіи, подвергъ сомнѣнію права вѣры и реальность догматовъ. Авторъ находитъ, что для современнаго философскаго сознанія существуетъ лишь два исхода— интеллектуализмъ и волюнтаризмъ. Современное сознаніе разорвано, органическій центръ потерянъ и можетъ быть только сверхчеловѣческимъ. Идея разума, могущая примирить интеллектуализмъ и волюнтаризмъ, знаніе и вѣру, связана съ ученіемъ о Логосѣ, столь чуждымъ духу модернизма и всего современнаго сознанія. Авторъ статьи относится критически къ представителямъ модернизма Леруа и Луази и разсматриваетъ несостоятельность ихъ положеній.

Онъ находитъ, что религіозное броженіе въ Россіи гораздо интенсивнѣе и выше, чѣмъ во Франціи и др. странахъ, и препятствія, которыя стоятъ у насъ на пути къ возрожденію Христовой вѣры и укрѣпленію новаго религіознаго сознанія, совсѣмъ не тѣ, что въ западномъ модернизмѣ. Главное препятствіе не въ сознаніи, не въ интеллектуальномъ духѣ современной науки и философіи, а въ волѣ, въ которой не произошелъ еще окончательный выборъ пути. Наши главныя сомнѣнія не экзегетическія и не философскія, а скорѣе мистическія. Новое религіозное сознаніе должно опереться на традицію русской философіи, а не западной. Бергсонъ, Джемсъ, Риккертъ и др. современные философы—интересны и талантливы, но они симптомъ кризиса позитивизма. Живое чувство Христа не убито въ насъ церковью, какъ въ западномъ католичествѣ, въ нашихъ религіозныхъ исканіяхъ силенъ соціальный духъ, чуждый модернизму. И хотя всѣ русскіе богоискатели, начиная съ Чаадаева и Соловьева, видѣли въ католической церкви созидательную силу, могущую осуществить общественную организацію Царства Божія на землѣ, модернистское католическое движеніе способно разрушить подобныя надежды.

А. Г.

Голосъ Безмолвія, обнародовано Е. П. Блаватской, въ переводѣ Е. П., съ предисловіемъ переводчика, изд. въ Калугѣ, 35 к. (въ переплетѣ 50 к.).

Горячо привѣтствуемъ изданіе „Голоса Безмолвія", этой жемчужины Востока, соединяющей глубину религіозной мысли съ поэтической красотой образовъ и слога.

Книга содержитъ 3 части: 1) Голосъ Безмолвія, 2) Два Пути, 3) Семь Вратъ.

Первая часть подготовляетъ ищущаго Пути къ духовной жизни. Здѣсь ученику предъявляются опредѣленныя этическія требованія; не исполнивъ ихъ, онъ не можетъ двинуться дальше. Вторая часть призываетъ къ внутреннему подвигу полнаго отреченія; идея личнаго спасенія должна навсегда уступить мѣсто мечтѣ служенія человѣчеству. Третья рисуетъ Путь съ его семью ступенями (вратами).

Вся книга есть пламенный призывъ къ высшей жизни; законъ этой жизни—сверхличная любовь, божественное милосердіе. Этотъ призывъ властно звучитъ сквозь нѣжную музыку образной восточной рѣчи, музыку, которую необыкновенно красиво удалось передать на русскій языкъ талантливому перу Е. П.

Предисловіе, посвященное Е. П. Блаватской, написано просто и задушевно. Оно заканчивается пожеланіемъ, чтобы книга послужила „началомъ для серьезнаго и добросовѣстнаго изслѣдованія жизненнаго подвига и литературныхъ трудовъ Е. П. Блаватской".

Текстъ сопровождается рядомъ цѣнныхъ примѣчаній и поясненій къ санскритскимъ словамъ; большинство изъ нихъ сдѣланы Е. П. Блаватской, нѣкоторыя введены Е. П.

Отъ каждой строки этого чуднаго перевода вѣетъ тою любовью и вдумчивостью, при которыхъ только и возможно передавать такія огненныя произведенія духа, какъ „Голосъ Безмолвія".

Alba.

Процессъ Чинскаго, пер. съ нѣмецкаго, 50 к., изд. К. Д. Кудрявцева.

Процессъ Чинскаго произвелъ большую сенсацію въ Германіи, такъ какъ нѣмецкому суду пришлось впервые разсматривать дѣло, въ которомъ важную роль играло подавленіе воли путемъ гипнотическаго внушенія. Въ этомъ дѣлѣ ярко выступаетъ опасность для общества безпринципности, вооруженной мнимыми оккультными знаніями, которая во имя личныхъ выгодъ своихъ пользуется самой грубой эксплоатаціей довѣрчивыхъ и наивныхъ людей. Обманъ, подлогъ, шантажъ—все пускается въ ходъ ради достиженіи личныхъ цѣлей, а легковѣрная публика

несетъ свои деньги самозванцу, ловко себя рекламирующему, и отдаетъ себя, не понимая того, во власть темной и опасной силы. Дѣло въ томъ, что при всемъ своемъ невѣжествѣ человѣкъ, при нѣкоторой настойчивости, можетъ добиться извѣстныхъ психическихъ силъ. Въ настоящее время такъ распространены всевозможныя оккультныя изданія самаго сомнительнаго характера, которыя прямо обучаютъ грубѣйшимъ пріемамъ гипноза и магнетизаціи, что человѣкъ чрезвычайно легко можетъ примѣнить эти пріемы къ жизни. Сдѣлаться серьезнымъ оккультистомъ не легко: для этого нужно перевоспитать себя и перестроить всю свою жизнь, но научиться грубѣйшимъ черномагическимъ пріемамъ (воздѣйствію на чужую волю и т. п.) чрезвычайно легко. Въ этомъ и кроется большая опасность распространенія оккультныхъ, хотя бы и азбучныхъ, знаній среди широкой публики. Такая неосторожиость можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія, давая опасныя орудія эксплоатаціи въ неразборчивыя руки *). Процессъ Чинскаго является наглядной иллюстраціей этого факта.

Потерявъ возможность продолжать свою дѣятельность въ Западной Европѣ, г. Чинскій явился въ Россію и въ настоящее время многочисленными рекламами привлекаетъ къ себѣ ту же легковѣрную публику въ С.-Петербургѣ. Въ виду возможности у насъ повторенія печальныхъ прецедентовъ, бывшихъ въ Германіи, изданіе процесса Чинскаго въ высшей степени своевременно.

Отсылаемъ нашихъ читателей, заинтересованныхъ дѣятельностью г. Чинскаго, къ „Открытымъ Письмамъ“, обращеннымъ къ нему К. Д. Кудрявцевымъ и печатаемыхъ въ „Петербургскомъ Листкѣ“ (№№ 195, 215, 218, 222, 232, 239, 255, 260, 264, 265 и 270).

Свободное Воспитаніе, ежемѣсячный журналъ, подъ редакціей И. Горбунова-Посадова, изд. въ Москвѣ, 3 р. въ годъ (съ доставкой и пересылкой).

Журналъ „Свободное Воспитаніе“, издаваемый съ прошлаго года И. Горбуновымъ-Посадовымъ, является выразителемъ тѣхъ новыхъ вѣяній въ педагогіи, которыя ярко проявляются въ открытіи школъ новаго типа, въ родительскихъ кружкахъ и комитетахъ и въ рядѣ статей, стремящихся вызвать къ жизни новую постановку дѣла образованія и воспитанія. Изъ всѣхъ этихъ попытокъ, несомнѣнно, „Свободное Воспитаніе“ является наиболѣе интереснымъ начинаніемъ. Мы привѣтствуемъ отъ души это изданіе, какъ показатель общественнаго настроенія

---

*) Это соображеніе и заставляетъ „Вѣстникъ Теософіи“ отрицательно относиться къ оккультной пропагандѣ такихъ изданій какъ „Сила внутри насъ“.

Прим. ред.

и какъ пламенное и талантливое исканіе новыхъ путей; тѣмъ не менѣе, мы не раздѣляемъ всѣхъ взглядовъ, проводимыхъ на страницахъ этого интереснаго журнала, и во многомъ видимъ увлеченія энтузіастовъ-теоретиковъ, не стоящихъ на почвѣ конкретнаго дѣла жизни. Среди многихъ достоинствъ журнала отмѣтимъ прежде всего двѣ его черты, которыя бросаются въ глаза читателю и сразу завоевываютъ его сердце: во-первыхъ, неподдѣльная, истинная любовь къ дѣтямъ; во-вторыхъ, такая же пламенная любовь къ духовной свободѣ и къ духовному творчеству. Журналъ дышитъ этою любовью, и въ ней вся его сила.

Но рядомъ съ этими высокими чертами и со многими цѣнными мыслями, встрѣчаемыми на страницахъ журнала (призывъ вынести школу на лоно природы, попытка внести элементъ творчества въ жизнь ребенка, глубокое признаніе его индивидуальности, пониманіе значенія труда въ дѣтскомъ воспитаніи и многое другое), мы встрѣчаемъ также и склонность свободу развитія отождествлять съ отсутствіемъ всякой волевой дисциплины. Жизнь, особенно наша русская жизнь, сурова, и къ ней надо готовить работниковъ, людей воли и характера. Но воля и характеръ не вырабатываются сами собой, какъ бы условія ни были благопріятны; они требуютъ опредѣленной культуры и воспитанія. Человѣкъ, который дѣлаетъ только то, что ему хочется, и то, что ему нравится, никогда не научится владѣть собой и своими настроеніями. Человѣкъ, который не умѣетъ еще въ дѣтствѣ признать авторитетъ того, кто больше знаетъ, чѣмъ онъ, и не считаетъ нужнымъ считаться съ волей этого старшаго брата, а дѣлаетъ, что ему вздумается (убѣгаетъ съ урока или остается, смотря по настроенію), плохо готовится къ Школѣ Жизни, въ которой ему предстоитъ прежде всего признать міровой законъ, управляющій вселенной, и подчиниться Высшей Волѣ. По этому вопросу мы думаемъ современемъ высказаться болѣе подробно на страницахъ „Вѣстника".

Но хотя мы и не можемъ согласиться съ методомъ, который журналъ ставитъ въ основу свободнаго воспитанія, его цѣли намъ глубоко симпатичны, его исканіе идетъ навстрѣчу нашему исканію. Особенно глубоко насъ порадовала попытка Льва Николаевича Толстого выработать рядъ стройныхъ бесѣдъ съ дѣтьми на религіозно-этическія темы. Планъ этихъ чудныхъ бесѣдъ такъ обдуманъ, такъ простъ и такъ обширенъ, что оставляетъ самое широкое поле для духовнаго общенія съ дѣтьми.

Еще разъ горячо привѣтствуемъ начинаніе симпатичнаго журнала.

Alba.

Вопросъ: Какая пища наилучшая для очищенія тѣла?

Отвѣтъ: Пища растительная и молочная. Плоды, зерна, зелень молоко наиболѣе легкая и ритмическая пища. Все ѣдкое, кислое, горькое, пикантное дѣйствуетъ разрушительно какъ на наши ткани, такъ и на нашу нервную систему. Особенно же гибельно дѣйствуютъ мясо и алкоголь. Главная причина воздержанія отъ мяса—законъ состраданія, нарушать который не можетъ человѣкъ духовной жизни; но кромѣ того мясо вводитъ въ организмъ ядовитое вещество—токсинъ и обладаетъ сильно камическими *) свойствами, которыя вредно отзываются на развитіи внутренняго человѣка. Самымъ полезнымъ для пищи считается все, что растетъ надъ землей и зрѣетъ подъ лучами солнца, все, что пропитано солнечнымъ магнетизмомъ: хлѣбъ, овощи, плоды.

Вопросъ: Есть ли Теософическое общество въ Россіи?

Отвѣтъ: 30 сентября сего года было зарегистровано городскимъ присутствіемъ Россійское Теософическое общество, преслѣдующее тѣ же цѣли, что и Всемірное Теософическое общество **) и духовно къ нему примыкающее. Это общество будетъ устраивать лекціи и бесѣды по вопросамъ Теософіи.

Вопросъ: Что надо сдѣлать, чтобы быть принятымъ въ Общество Теософовъ?

Отвѣтъ: Для вступленія въ Теософическое общество надо проявить серьезный интересъ къ вопросамъ Теософіи и быть рекомендованнымъ

*) Кама—страстное животное начало.

**) Свѣдѣнія о немъ печатаются на обложкѣ „Вѣстника" въ каждомъ №.

двумя членами общества. Уставъ общества напечатанъ и желающіе могутъ получить его въ Редакціи „Вѣстника Теософіи".

Вопросъ: Если тѣло человѣка есть футляръ, — „жилище", домъ души, то для чего надо уничтожать, разрушать красоты этого зданія. Чѣмъ знатнѣе и богаче вельможа, тѣмъ и домъ его, наружныя стѣны, воздвигаются выше и краше. Господь создалъ жилище душѣ по высшему образцу—по подобію Своему, слѣдовательно, какъ бдительно должны мы оберегать эту оболочку матеріи, сотканную изъ молекулъ духа. Мы же, чтобъ дать ростъ душѣ, прежде всего должны умерщвлять, изнурять всѣми способами свое тѣло, т. е. домъ нашей души. Мнѣ кажется—это не логично. Согласна съ тѣмъ, что нельзя обогащать тѣло въ ущербъ душѣ, упитывать его до такой степени, что всѣ мысли и чувства сосредоточиваются на вопросѣ о питаніи и холѣ своего тѣла. Нѣтъ, это крайность. Но для чего всѣ святые люди и факиры едва-едва касаются пищи. Тѣло ихъ высыхаетъ почти совершенно; красивыя мягкія линіи формъ превращаются въ угловатыя, рѣзкія. А между тѣмъ Христосъ всегда ѣлъ и пилъ какъ обыкновенный человѣкъ и тѣло Его всегда оставалось нормально прекраснымъ.

Отвѣтъ: Этотъ вопросъ сводится къ слѣдующему: слѣдуетъ или не слѣдуетъ во имя высшихъ цѣлей разрушать свое тѣло, которое есть храмъ Бога живаго? Теософія учитъ, что не слѣдуетъ, ибо тѣло есть орудіе души; чѣмъ совершеннѣе это орудіе будетъ передавать *всю* жизнь души, тѣмъ больше будетъ между ними гармоніи. Гармонія достигается не умерщвленіемъ тѣла, а ритмомъ, который долженъ регулировать всѣ стороны человѣческой дѣятельности, какъ духовной, такъ и физической. Умѣренность а не лишеніе, въ пищѣ, во снѣ и въ отдыхѣ, при достаточномъ трудѣ, является первымъ условіемъ духовной жизни. Аскетизмъ же въ своихъ крайнихъ проявленіяхъ есть исключительная и страстная потребность духа, который стремится возможно скорѣе подчинить себѣ тѣло, какой бы то ни было цѣной, хотя бы утерей равновѣсія. Такое настроеніе соотвѣтствуетъ опредѣленной ступени эволюціи, переходной къ той, на которой человѣкъ научается совершенно владѣть своимъ сильнымъ, здоровымъ и тонко-отзывчивымъ тѣломъ.

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**